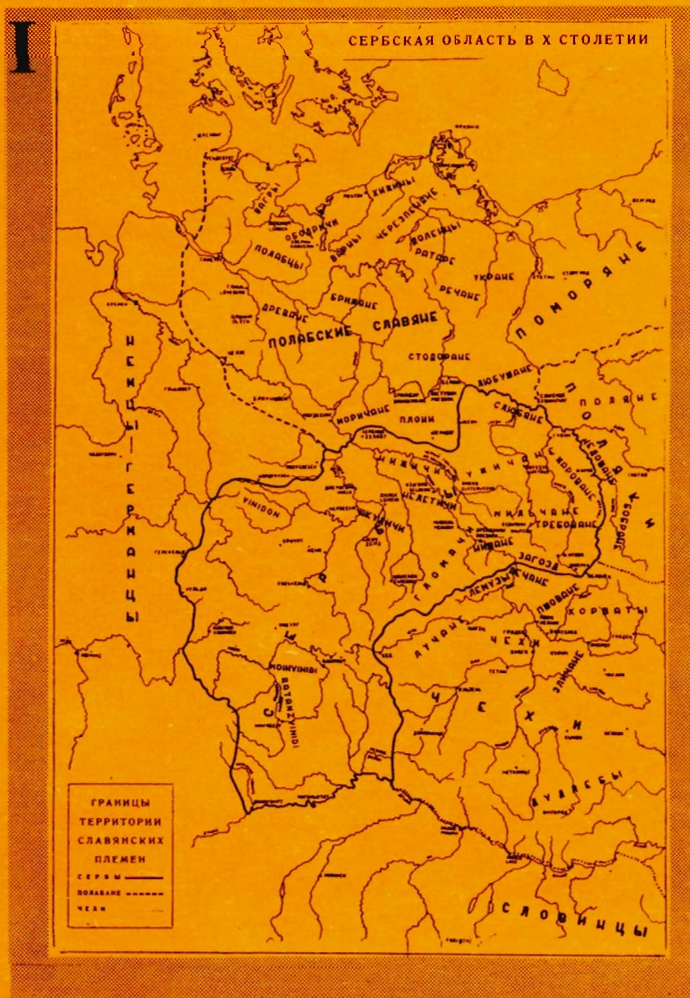
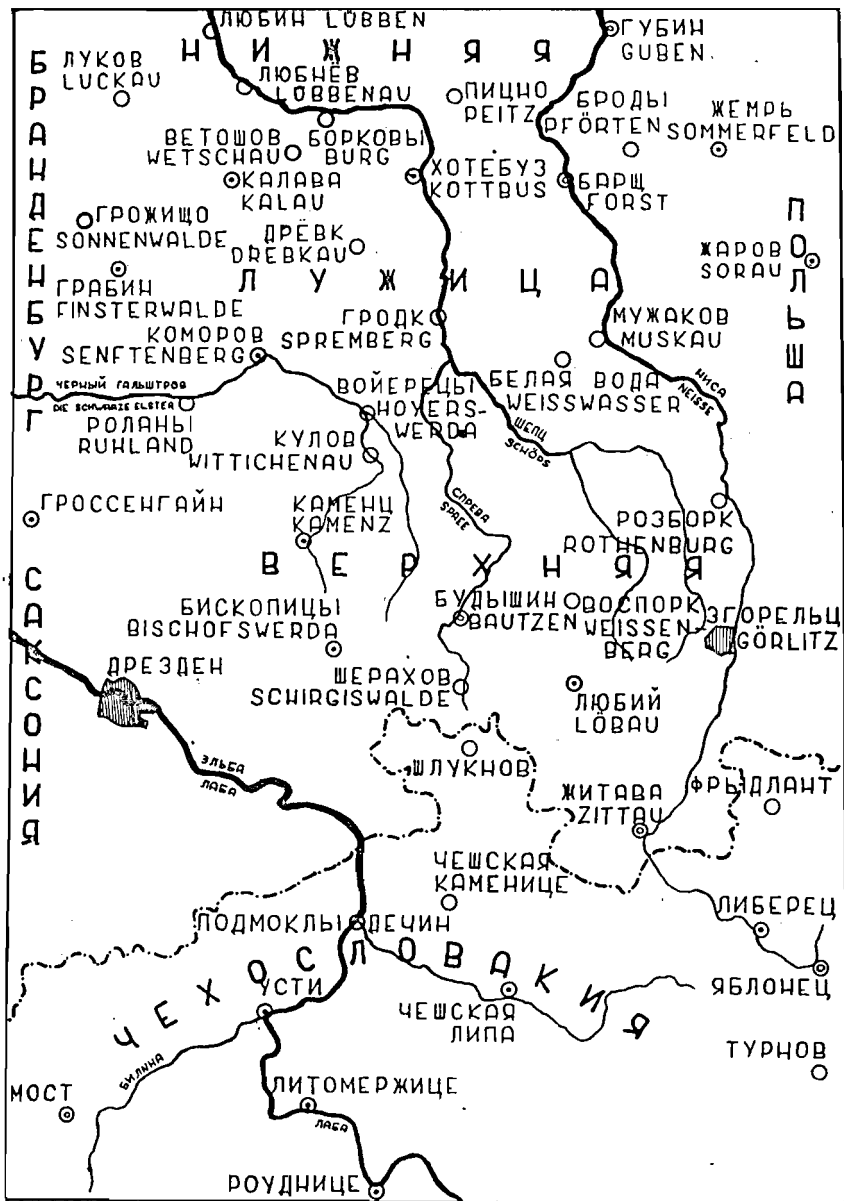

СПРАВОЧНИКИ

Научного центра
славяно-германских
исследований

ВЕРХНЯЯ И НИЖНЯЯ ЛУЖИЦА

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр
славяно-германских
исследований

Л.П.Лаптева

**Российская сорабистика
XIX - XX веков
в очерках жизни и творчества
ее представителей**

СПРАВОЧНИК

Москва 1997

Справочники
Научного центра славяно-германских исследований. 1.

Л. П. Лаптева
Российская сорабистика XIX-XX веков
в очерках жизни и творчества ее представителей.
Справочник. Москва, 1997. 132 с.

Издание приурочено
к 150-летию
Матицы серболужицкой

Ответственный редактор – *А. А. Гугнин*

На обложке:
карты из книги
Неуступный Ю.
Первобытная история Лужицы.
Прага, 1947

ISBN № 5-7576-0041-3

© Лаптева Л.П.
© Научный центр
славяно-германских
исследований ИСБ РАН

Предисловие

Настоящая работа представляет собой краткие очерки жизни и творчества почти всех российских сорабистов за период с начала XIX в. до 1997 года. Характеризуются сорабисты и другие ученые, серьезно интересовавшиеся лужицкими сербами и представлявшие до 1917 г. науку Российской Империи, а позднее – науку РСФСР и Российской Федерации. Речь идет о лицах, которые внесли достаточно весомый вклад в изучение языка, литературы, истории и этнографии лужицких сербов в виде исследований о них, а также о тех, кто посещал лужицких сербов и оставил описание встреч с ними, кто находился в научных и культурных контактах с серболужицкими деятелями, помогал малочисленной славянской народности в борьбе за сохранение ее самобытности, в развитии ее национальных и культурных организаций, поддерживал научные исследования серболужицких ученых, а также стимулировал занятия сорабистикой. Предлагаемое издание отличается по его концепции и построению от существующих библиографических словарей (хотя и может быть использовано как справочное пособие). Жизненный путь и творчество ученых в области сорабистики излагаются не в алфавитном порядке их имен, как это принято в словарях, а по принципу хронологии. Автор поставил перед собой цель не только собрать биографические и библиографические сведения о русских ученых, интересовавшихся лужицкими сербами в течение почти двух столетий, но и выявить особенности процесса развития русской сорабистики за этот период. Исследование материала в хронологическом порядке показало, что процесс изучения лужицких сербов в России проходил по нарастающей – от описания страны и населения путешественниками в начале рассматриваемого периода до глубокого изучения серболужицкого языка, истории и литературы лужицких сербов в наше время.

Следует заметить, что интерес к лужицким сербам тесно связан с развитием славяноведения в России. Создание кафедр истории и литературы славянских наречий в русских университетах в середине 30-х годов XIX в. способствовало изучению культуры сербов-лужичан. В исследовании их языков специалисты увидели важный инструмент для развития славянского языкознания вообще, а в серболужицкой литературе – феномен национального возрождения западных славян. Для успешного преподавания славистических дисциплин в университетах необходимо было не только познакомиться с живыми славянскими языками, духовной и национальной жизнью зарубежных славян включая и лужицких сербов, но и установить научные и культурные связи с ними. Поэтому лужицкими сербами интересовались практически все профессора-слависты высших учебных заведений Российской Империи. Интерес к лужицким сербам проявляли и другие представители русской интеллигенции, интересовавшиеся славянами и славянским вопросом. В результате многолетних

изучений лужицких сербов русскими учеными, а также их контактов с представителями малого народа в России к концу XIX в. накопился значительный материал большой научной ценности, который мог стать базой для широких обобщений в области славистики вообще. Однако до начала XX в. работы русских ученых о лужицких сербах носили описательный характер. Не составляли исключения и подробные, обширные характеристики серболужицкого языка, созданные в значительной мере на основе зарубежных пособий.

В XX в. происходят, как известно, качественные изменения в развитии славянского языкознания. На более высокий уровень поднимается и изучение истории славян. Русское славяноведение первого пятнадцатилетия XX в. переживает период расцвета. Основы, заложенные работами русских и зарубежных лингвистов в области славянского языкознания, позволили перейти и к более глубокому анализу серболужицкого языка. Аналитическое направление в подходе к серболужицким языкам развивается особенно ярко в период после Второй мировой войны. Данные этого языка признаются имеющими большое значение для исследования праславянской проблематики, исторической грамматики славянских языков, их сравнительной грамматики и различных моментов их взаимодействия, как и соотношения с языками неславянскими. Успехи исследований обеспечивались возможностью использования материала живых серболужицких языков, сохранивших ряд особенностей, утраченных другими славянскими языками.

Аналитический период наступил в русской послевоенной сорабистике и в изучении истории и этнографий лужицких сербов, вопросов их научных и культурных связей с другими славянскими народами, в том числе и с россиянами. И в этих областях на смену описательным работам, характерным для XIX в., пришли глубокие обобщения, основанные на архивных и других исторических источниках, на широкой базе материала, добытого в этнографических экспедициях.

Таким образом, хронологический подход к организации материала настоящей работы позволяет проследить процесс смены описательного периода, свойственного русской сорабистике XIX в., аналитическим, наиболее яркие плоды которого вызрели в послевоенный – советский и постсоветский период развития русской сорабистики.

При написании книги были использованы материалы, предоставленные автору С.Э.Бокариус, М.И.Ермаковой, А.А.Гугниным, Л.Э.Калнынь, М.И.Семирягой, С.С.Скорвидом, С.С.Языковой, К.В.Шевченко, за что выражаю им сердечную признательность.

Л.П.Лаптева

14 февраля 1997 г.
Москва

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ТИМКОВСКИЙ
(1781-1832)

Русский высокопоставленный чиновник первой трети XIX в., потомок украинского казачьего старшины, сын управляющего поместьями кн. Безбородко. Получил образование в Киево-Могилянской академии, затем – в Московском университете. Начал службу чиновником канцелярии Государственного совета, в “Департаменте экономии”, а затем перешел в канцелярию Государственного секретаря Российской империи А.С.Шишкова. Вместе с патроном сопровождал императора Александра I после разгрома наполеоновской армии в России и перенесения военных действий в 1813 г. на территорию Западной Европы. Большую часть времени Тимковский находился в Германии, но посетил также и Италию. Возвратившись в Россию, он служил правителем канцелярии наместника России в Бессарабии, затем заведовал в министерстве иностранных дел обоими отделениями открывшегося в 1819 г. Азиатского департамента, был в 1820-1821 г. председателем Оренбургской пограничной комиссии, затем служил чиновником для особых поручений у командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Ф.П.Ермолова, а в 1826 г. стал губернатором Бессарабии и с этой должности был уволен в отставку. В 1829 г. возвратился в Петербург, где и умер в 1832 г.

Принадлежа к числу высокопоставленных чиновников Российской империи первой трети XIX в, Тимковский был в то же время и ученым, блестяще образованным человеком, владел классическими и многими западными языками, отличался даром слова и большими познаниями в литературе. В молодости писал стихи и издал два перевода книг. В 1816 г. написал историю Бессарабии и другие сочинения, не изданные и, видимо, не сохранившиеся. Отличался прогрессивным мировоззрением и свободомыслием, осуждал крепостное право. Находясь в Германии, уже в 1813 г. побывал в Лужицах, а в конце сентября - начале октября 1814 г. совершил поездку по маршруту Берлин - Шторков - Бесков - Финланд -Феро (Пшевоз, Превоз) - Котбус-Шпремберг (Гродек) - Гойерсверда (Ворице) - Нешвиц (Несвячидло, Несведжидло) - Баутцен (Будишин) - Гохкирх (Букеце) - Лёбау - Гарнгут - Циттау (Житава) - Гёрлиц (Сгорелец). Во время путешествия Тимковский вел дневник, в котором описал свои впечатления от увиденного и встречи с людьми на территории лужицких сербов. “Путевой дневник” Тимковского является первым подробным русским описанием территории обитания лужицких сербов и условий их существования. Он

охватывает период с 24 сентября (6 октября) по 2 (14) октября 1814 г. Много места отводится описанию природы и пейзажа. Автор рассуждает о славянах-язычниках, некогда населявших эту территорию, и рассказывает легенды об этих временах, а также о сохранившихся славянских древностях. Значительное внимание уделено лужицким городам и деревням. Наиболее благоприятное впечатление произвел на Тимковского Будишин. Интересны сведения о хозяйстве тех мест, по которым проезжал Тимковский, о благосостоянии серболужицкого населения и его трудолюбии, как и о его “рабском состоянии”, о быте лужицких сербов - их жилищах, одежде, обычаях, развлечениях. Тимковский отметил набожность сербов и описал процесс богослужения в протестантской “вендской” церкви. Имеются в дневнике и сведения о языке лужицких сербов и границах их расселения. Правда, филологические рассуждения Тимковского неудачны. Предметом серьезных раздумий автора стало национальное угнетение славянского населения Лужиц и их прогрессирующая германизация в Пруссии и Саксонии. По этому вопросу Тимковский беседовал как со сторонниками германизации, так и с ее противниками - представителями сербской интеллигенции. Сам русский путешественник осуждает активные меры, направленные на ассимиляцию сербского населения, сочувствует трагедии “умирающего славянского племени”, но уверен в неизбежности исчезновения серболужицкого языка. Особенно ревностно Тимковский во время своего путешествия осматривал библиотеки, выясняя наличие в них “вендских” книг, которые по возможности и приобретал. В “Дневнике” описываются встречи русского ученого с сербскими патриотами и беседы с ними.

В целом “Путевой дневник” содержит ценные сведения. Ни до Тимковского, ни после него, вплоть до 40-х годов XIX в. никто не оставил на русском языке столь интересного и правдивого описания многих сторон жизни малого славянского народа на территории Германии. В XIX в. содержание “Дневника” не получило никакого общественного резонанса. Тимковский по возвращении в Россию своих работ не издавал, дневник был предан забвению. Судьба приобретенных Тимковским в Лужице “вендских” книг до сих пор неизвестна. Не исключено, что они вместе с остальными книгами и рукописями ученого погибли во время наводнения 1824 года в Петербурге. Не знал о записях Тимковского и И.И.Срезневский, полагавший, что именно он первым из русских ученых в 1840 г. посетил лужицких сербов и заинтересовался их жизнью. “Путевой дневник” Тимковского не опубликован и хранится в рукописи в Центральной Библиотеке Украины в Киеве.

Лантева Л.П. Русский путешественник о лужицких сербах начала XIX века // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 84-92;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 г.) М., 1993. С. 22-31;

Шейман Л.А. Василий Тимковский и его дневник путешествия по Лужице // Lëtopis Instituta za Serbski ludospyt. Rjad B. Č. 30/1. Budyšin, 1983. S. 12-51;

Lëtopis. Jahresschrift des Instituts für Sorbische Volksforschung. Reihe B. Nr. 34. Bautzen, 1986. S. 99-107 (полемика по поводу статьи Л.А.Шеймана).

**ИЗМАИЛ ИВАНОВИЧ
СРЕЗНЕВСКИЙ
(1812-1880)**

Крупнейший ученый-славист, один из основателей русского славяноведения. Своим практическим изучением жизни серболужичан и исследованиями об их языке, литературе и этнографии весьма способствовал развитию интереса к культуре русского народа среди серболужицкой интеллигенции.

И.И.Срезневский родился в Ярославле, в семье профессора Демидовского лицея, но уже в младенческом возрасте был приведен в Харьков, где отец стал профессором университета. И.И.Срезневский окончил Харьковский университет, защитил в нем же магистерскую диссертацию и был назначен адъюнкт-профессором кафедры политической экономии и статистики. В 1839 г. он был командирован за границу для подготовки к занятию в Харьковском университете кафедры истории и литературы славянских наречий, учрежденной по университетскому уставу 1835 г. В командировке он пробыл до 1842 г., а по возвращении стал читать в Харьковском университете лекции по славяноведению. В 1846 г. он защитил диссертацию "Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям" и получил ученую степень доктора сла-

вяно-русской филологии. Дальнейшая его деятельность связана с Петербургским университетом и с Академией наук. Занимая кафедру славянской филологии, он читал лекции по различным славистическим дисциплинам, в 1854 г. был избран действительным членом Академии наук, а затем председателем ее Второго отделения. Научное наследие Срезневского составляет около 800 печатных трудов, посвященных славянской и русской филологии, археологии и этнографии, истории культуры и методике преподавания языков. Срезневский был ярким представителем сравнительно-исторического направления в русском языкознании. Основные его труды относятся к исследованию старославянской, церковнославянской и древнерусской письменности. Он был одним из крупнейших палеографов своего времени, издавал памятники древнеславянской письменности, составил словарь древнерусского языка по письменным памятникам, не успев однако его издать.

С лужицкими сербами Срезневский познакомился во время заграничной командировки для подготовки к профессорскому званию. За три года пребывания за границей он посетил земли всех западных и большинства южных славян, изучал их языки, древности, литературы, фольклор, этнографию, современное политическое положение, обследовал архивы и библиотеки, приобрел много рукописей и книг по специальности, установил научные и личные контакты почти со всеми видными славянскими учеными и деятелями культуры.

Первые данные о лужицких сербах и их литературном движении Срезневский получил в Лейпциге, куда прибыл в феврале 1840 г. Здесь он познакомился с членами местного Лужицко-сербского общества. Затем ученый жил в Праге, где многое узнал о лужицких сербах от П.И.Шафарика и В.Ганки, а также от членов его "Сербского семинара". В августе 1840 г. Срезневский приехал во Вроцлав и, получив от профессора Я.Э.Пуркине дополнительную информацию о Лужицах, стал готовиться к путешествию по этому региону. С этой целью он занимался нижнелужицким наречием и переписал грамматику и собрание песен нижнелужицкого языка. Затем Срезневский прибыл в Сторелец (Гёрлиц) и пополнил здесь свои знания о серболужицкой литературе и о языке знакомством с коллекцией рукописей и книг в библиотеке местного учебного общества. Здесь же он познакомился с Я.А.Смолером, который делился со Срезневским своими превосходными знаниями серболужицких наречий. Разысканные Срезневским в библиотеке учебного общества рукописи и книги стали фундаментом для исторического очерка серболужицкой литературы. В Будишине, куда Срезневский прибыл вместе с Я.А.Смолером и Л.Гауптом 25 сен-

тября 1840 г., основное время было Срезневским затрачено на изучение языка, умственной жизни, культуры, исторических памятников лужицких сербов и на живое общение с деятелями сербского литературного движения и национального возрождения. В окрестностях Будишина Срезневский слушал живой серболужицкий язык и начал приобретать опыт записи народных песен.

1 октября 1840 г. началось пешее путешествие И.И.Срезневского по Лужицам. Его гидом и спутником стал лучший знаток страны, народа и его культуры Я.А.Смолер. Они вышли из Будишина 3 октября, перешли из Саксонии в Пруссию и вскоре достигли родины Смолера - деревни Лаз. Здесь Срезневский познакомился с пастором Гандрием Зейлером, знаменитым поэтом, автором верхнелужицкой грамматики. Через несколько дней Срезневский и Смолер двинулись в Нижнюю Лужицу. В течение всего путешествия русский ученый руководствовался, как он сам писал В.Ганке, необходимостью "познакомиться с народом лужицко-сербским, до сих пор еще столь мало известным..., обозреть городища, могилы", в связи с чем "нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинок". Преодолевая всякие трудности, особенно плохую погоду, путники пришли в Котбус, где и закончилось их странствие. "Страну знаем, с народом тоже довольно познакомились. Одна только восточная граница Лужиц осталась нами непосещенною", - сообщал Срезневский Ганке.

Приобретенные Срезневским во время путешествия весьма обширные сведения о лужицких сербах имели большое научное значение. Никто из иностранных ученых, в том числе и славянских, не знал в то время сербский народ и его жизнь столь близко. "В землице Сербской еще не было путешественника, для которого бы народ и его быт что-нибудь значили", - писал Срезневский матери. О том, что он ошибался, стало известно лишь почти полтора десятилетия спустя, когда обнаружилось записи В.Ф.Тимковского.

Пытливый исследователь, влюбленный в славянство, и романтически настроенный этнограф Срезневский обратил внимание на природу Лужиц, на города, на положение сербов, хотя главной задачей было для него изучение языка, фольклора, обрядов, обычаев, одежды и т.д. О путешествии по Лужицам он подробно рассказывал в письмах к матери, а также к чешским ученым П.Й.Шафарнику и В.Ганке, к русским коллегам и друзьям, и в официальных донесениях в Министерство народного просвещения России.

Особое внимание во время своего путешествия Срезневский уделял серболужицкому языку, который являлся для него объектом не только наблюдения, но и исследования. К концу путе-

шествия ученый свободно объяснялся с серболужицанами. Во время своих последующих путешествий по славянским землям Срезневский сложился как этнограф и фольклорист, и большую роль в этом становлении сыграло его пребывание в Лужицах. В архиве ученого хранятся рукописные собрания, насчитывающие несколько сот песен серболужицан. Собирал Срезневский также серболужицкие пословицы и сказки. Имеется в архиве и много этнографических заметок, в которых зафиксирован ряд архаических черт серболужицкого быта, уже не обнаруженных более поздними исследователями. Заметки Срезневского имеют большую научную ценность, они показывают, что ученый глубоко проник в изучаемый предмет. Наблюдения Срезневского ценны еще и потому, что взгляд иностранца примечал явления, казавшиеся местному жителю обыденными и не заслуживающими особого внимания. Таким образом, Срезневский внес большой вклад в изучение народной культуры лужицких сербов. Однако его материалы остались по большей части в архиве, опубликовано было очень мало, да и то в основном уже после смерти ученого. Видимо, это объясняется переориентацией Срезневского на другие задачи, представлявшиеся ему более актуальными для русской науки после его переезда в Петербург.

Русский ученый поддерживал контакт практически со всеми основными представителями серболужицкой интеллигенции своего времени. Он высоко оценивал ее усилия по возрождению народной культуры, восхищался той самоотверженностью, с которой серболужицане вели свою работу, указывал на значение их трудов для науки о славянстве в целом. Он высоко ценил научную и политическую деятельность Зейлера. Досконально изучив Лужицы с помощью Смолера, Срезневский очень высоко ставил его как ученого и народного будителя. "Этого человека я остаюсь вечным должником и вечным почитателем", - писал Срезневский Ганке. Восторженную характеристику Смолеру дал ученый в своем "Историческом очерке сербо-лужицкой литературы". Дружили Срезневский и Смолер всю жизнь, о чем свидетельствуют письма серболужицкого будителя (ответные письма Срезневского не сохранились).

По уже указанным причинам Срезневский написал лишь несколько работ о лужицких сербах. Древностей касается статья "О городищах в землях славянских, преимущественно западных" (1850). Более важными и весьма ценными представляются изыскания Срезневского о серболужицком языке. Исследовал он этот язык разносторонне: изучал грамматики и словари, записывал слова и выражения живого языка, вникал в местные говоры и в

правописание, составил этимологический словарь верхнелужицкого языка, сравнивал верхне- и нижнелужицкий. О серболужицком языке он собирался опубликовать специальную статью; однако она так и не появилась. Соображения по поводу границ распространения серболужицкого языка и по теории существования “среднелужицкого наречия” с перечислением его отличительных признаков Срезневский изложил в рецензии на труд Шафарика “Славянская этнография” (1843). Общую характеристику серболужицкого языка ученый предложил в “Историческом очерке сербо-лужицкой литературы” (1844), являющемся наиболее крупным опубликованным сочинением Срезневского о лужицких сербах. Именно эта его работа стимулировала изучение лужицких сербов многими славянами деятелями. В русской же литературе она несколько десятилетий была главным сводом данных об истории, культуре и литературе серболужичан. В начале работы Срезневский говорит о расселении и общей численности лужицких сербов. Письменность у них возникла, по мнению Срезневского, в XVI в. Подробно остановившись на литературе духовного содержания, автор затем характеризует новый период серболужицкой литературы, который начинается, как он считает, после 1812 г. Освещаются жизнь и деятельность Г.Любенского, Г.Зейлера, Я.П.Йордана, Я.А.Смолера и др. Смолера и Йордана Срезневский называет “певцами нового поколения”, “певцами возрождения серболужицкого духа”. В очерке, правда, не обошлось без романтического преувеличения достижений серболужицкой литературы, но в целом работа имела большое значение для дальнейших научных исследований о лужицких сербах. “Исторический очерк” был первым опытом изложения всей истории серболужицкой литературы с древнейших времен до 1842 г. В нем характеризовалась литература обоих наречий и обоих вероисповеданий. Работа Срезневского возбудила глубокий интерес в научной среде и породила новые исследования. В 1889 г. М.Горник опубликовал значительные извлечения из очерка русского ученого, хотя со времени его издания прошло почти полвека. Работа была вершиной творчества Срезневского в области изучения серболужичан. Собранный материал широко использовался им и в преподавании. Так, по сохранившейся в архиве ученого программе преподавания славянских литератур за 1851-1853 годы видно, что Срезневский подробно знакомил студентов Петербургского университета с серболужицким языком и литературой. Также и в текстах “Лекций по истории и литературе западных славян” имеются разделы о серболужицком языке и литературе. Срезневский не только читал лекции, но и проводил практические занятия по серболужицкому

языку, о чем свидетельствуют письменные студенческие работы, тоже сохранившиеся в архиве. Пропагандировал он сведения о лужицких сербах в России и в других формах: рецензировал работы сербских филологов - например, написал отзыв на "Сербский словарь" доктора К.Б.Пфуля (1866). Серболужицкие материалы широко использовались Срезневским в его собственных трудах, касающихся славянских языков и литератур. Так, в 1845 г. в статье "Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских" оба лужицких наречия упомянуты при классификации славянских языков, а их материал обильно используется при сравнении звукового состава различных ветвей этих языков. В статье "Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен" (1861) Срезневский приводит примеры песен серболужицких из сборника Гаупта - Смолера.

Хотя в петербургский период своего творчества Срезневский несколько отошел от серболужицких сюжетов и не обрабатывал накопленный в этой области материал, его контакты с серболужицкими деятелями не прекращались практически в течение всей жизни. Наиболее интенсивными были связи Срезневского с Я.А.Смолером. Ученые обменивались литературой и новостями научной жизни. Смолер посылал Срезневскому полную и разностороннюю информацию обо всех деталях серболужицкой народной жизни. В 1859 г. Смолер впервые приехал в Россию, где прожил 10 месяцев, все это время общаясь со Срезневским, который помогал ему завести новые знакомства с русскими учеными и литераторами. И во время других своих визитов в Россию Смолер поддерживал тесные контакты со Срезневским, оказывавшим серболужицкому деятелю разностороннюю помощь, в том числе и в сборе средств на организацию мероприятий по поддержанию национальной жизни лужицких сербов. Смолер, в свою очередь, публиковал статьи Срезневского в издававшихся в Будишине научных и литературных журналах, сообщал в печати о приезде Срезневского в Будишин в 1860 г. Таким образом, связи между Срезневским и Смолером были самыми тесными.

Своими печатными работами Срезневский знакомил русскую общественность с лужицкими сербами как народом, с их культурно-национальным движением, их самоотверженными вождями. Своим авторитетом университетского профессора и академика он способствовал развитию интереса к лужицким сербам вообще и к Смолеру в частности среди членов научных обществ, а также читателей русских газет и журналов. Большую роль он сыграл и в организации материальной помощи серболужицкому национальному делу. В свою очередь, благодаря Смолеру Срез-

невский поддерживал высокий уровень осведомленности о серболужицкой национальной жизни в тех научных кругах, которые интересовались судьбой самого малочисленного славянского народа. Большое значение имел и книжный обмен, благодаря которому каждый студент и ученый мог найти в библиотеке профессора Срезневского нужную новинку, да и библиотека Академии наук располагала необходимыми изданиями.

Вторым известным лужицким сербом, с которым Срезневский сохранял связи в течение десятилетий, был Ян Петр Йордан. Ученые подружились в Праге в 1840-1841 гг. и собирались вместе путешествовать по славянским странам. Этому плану не суждено было осуществиться, но взаимное уважение и интерес друг к другу остались на долгие годы. Об этом свидетельствует переписка, сохранившаяся, правда, лишь с одной стороны - письма Йордана Срезневскому.

Дружеские, хотя и чисто деловые отношения установились у Срезневского с одним из крупнейших серболужицких деятелей М.Горником, который был моложе Срезневского на 21 год. Переписка между учеными содержит много важных фактов, свидетельствующих о плодотворных контактах между ними.

Таким образом, Срезневский по существу "открыл" для России лужицких сербов, о которых до него представления русского образованного общества были крайне смутными. Именно со времени Срезневского и началось изучение серболужицкого народа в России. Особенно велик его вклад в изучение серболужицкой литературы. Срезневский заложил фундамент, на котором в дальнейшем развивались и исследования о серболужичанах, и контакты с ними.

Срезневский И.И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // ЖМНП. Ч. XLIII. 1844. № 7. С. 22-60;

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель 1839 - 1842. СПб., 1895;

Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А.Францев. Варшава, 1905. С. 949-953;

[Письма И.И.Срезневского П.И.Шафарыку] // Korespondence P.J.Šafařika. D.I. Č. 2. Vydal V.A.Francev. V Praze, 1928. S. 853-859;

Сербо-лужицкий народный календарь. Сербо-лужицкие народные поверья (из бумаг И.И.Срезневского) // Живая старина. СПб., 1890. Вып. II. С. 56-62.

Срезневский И.И. Отзыв этнографа Клемма о лужичанах (вендах) саксонских // Известия Русского Географического общества. Т. II. 1866. № 7. С. 212-217;

Срезневский И.И. О городищах в землях славянских, преимущественно западных // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 2. 1850. С. 532-549;

Срезневский И.И. Славянская филология. Программа для главного Педагогического института. СПб., 1855;

Славянские языки, письменность, культура. Сборник научных трудов (К 180-летию со дня рождения И.И.Срезневского). Киев, 1992;

Лантева Л.И. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914). М., 1993. С. 39-96;

Лантева Л.П. Сведения о сербах-лужичанах в архивах Москвы и Ленинграда // Lëtõpis A 17/2 (1970). S. 189-232;

Недо П. И.И.Срезневский и сербо-лужицкая фольклористика // Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян. М.-Л., 1963. С. 288-295;

Францев В.А. И.И.Срезневский и славянство // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. I. СПб., 1916;

Ћуѝ J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Korespondence z I.I.Srjeznjewskim // Lëtõpis A 15/2 (1968). S. 227-245;

Крюков А.В. Срезневський і сербо-лужичани // Народна Творчість та Етнографія. Київ, 1975. № 5. С. 60-70.

**ОСИП МАКСИМОВИЧ
БОДЯНСКИЙ
(1808 - 1877)**

Один из основателей русской профессиональной славистики, с 1842 по 1868 г. профессор истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Воспитал ряд русских славистов второго поколения. Почти 30 лет был секретарем

рем Общества истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете и редактором научного органа этого общества - "Чтений" (ЧОИДР).

Бодянский родился в местечке Варва Полтавской губернии в семье сельского священника. В 1831 г. он окончил Полтавскую духовную семинарию и поступил в Московский университет, который закончил по отделению словесных наук философского факультета в 1834 г. После этого он преподавал латинский язык в одной из московских гимназий. С юности Бодянский увлекался украинским фольклором, а в университете стал серьезно изучать славянскую литературу, этнографию и историю. В 1837 г., защитив магистерскую диссертацию "О народной поэзии славянских племен", был командирован в славянские страны с целью подготовки к профессорскому званию и последующего занятия кафедры истории и литературы славянских наречий, учрежденную в Московском университете по уставу в 1835 г. За время пятилетнего пребывания за границей Бодянский посетил многие славянские страны, обследовал в них архивы и библиотеки с целью отыскания славянских материалов и собрал богатую библиотеку, которую потом передал Московскому университету. Научное творчество Бодянского проходило по нескольким направлениям, важнейшим из которых являлось изучение славянской письменности. В 1855 г. он написал труд "О времени происхождения славянских письмен", за который получил ученую степень доктора славяно-русской филологии. Особенно большое значение для развития русского славноведения имела редакционно-издательская деятельность Бодянского. ЧОИДР стали первым в России научным журналом, где в течение нескольких десятилетий публиковались славянские материалы, памятники письменности, исследования по славянской филологии, истории и этнографии. Бодянский снискал себе большие заслуги в деле ознакомления русской общественности с трудами славянских ученых. Он публиковал их сочинения в ЧОИДР, перевел на русский язык исследования П.И.Шафарика "Славянские древности" и "Славянское народописание". В Московском университете он преподавал все славянские дисциплины и воспитал несколько поколений славистов. В подходе к славянской проблематике Бодянский был близок к славянофильскому направлению, являясь в известной мере его творцом в применении к зарубежным славянам.

С серболужицкой проблематикой Бодянский познакомился еще до поездки за границу. Среди материалов его архива сохранился текст рукописи 1836 года "Простонародные песни славян в Нижней Лузании (соравов, сербо-вендов, лужичан)", содержащей

11 песен и их перевод на русский язык. Это были тексты, изданные Ф.Л.Челаковским в 1830 г. Бодянский предполагал написать статью с их разбором: Статья в печати так и не появилась, однако материал был использован Бодянским в его магистерской диссертации. Находясь за границей, Бодянский изучал серболужицкий язык (в Праге), а в мае-июне 1842 г., перед отъездом в Россию, посетил Лужицы. Он прибыл в Будишин из Вроцлава, посетил ряд серболужицких населенных пунктов, пробыв в этом крае в общей сложности около шести недель. Вместе со Смолером он записывал народные песни, познакомился со многими лужицкими сербами, а в Лазе, где гостил у родных Смолера, вероятно, встретился с Зейлером. Большую часть времени Бодянский провел в Будишине; где вступил в контакт с патриотически настроенными лужицкими сербами. Благодаря знакомству и дружбе со Смолером и другими представителями народа Бодянский научился живому серболужицкому языку. Вернувшись в Россию, он начал преподавание славянских языков и литератур в Московском университете. Наряду с другими славянскими языками студенты обучались у Бодянского и серболужицкому, которому профессор уделял внимание в лекциях по сравнительной грамматике славянских языков. Характеризовал он и серболужицкую литературу. Главным пособием, по которому московский славист учил студентов серболужицкому языку, стал изданный Л.Гауптом и Я.А.Смолером сборник сербских песен. Сохранившиеся в архиве Бодянского студенческие конспекты лекций по сербскому языку свидетельствуют о том, что профессор систематически излагал студентам “серболужицкую грамматику” и рассуждал о “фонетических отношениях нижнелужицкого языка” и о других подобных вопросах. О содержании лекций Бодянского по серболужицкой литературе свидетельствуют и его собственные рукописные материалы. Так, из рукописи “Литература сербо-вендов в Лузации” видно, что представления Бодянского о начале развития серболужицкой письменности соответствовали в целом уровню знаний его эпохи. Профессор не только сам излагал студентам сведения о серболужицком языке и литературе, но и задавал им переводы и письменные филологические разборы текстов. В архиве Бодянского сохранилось большое число студенческих письменных работ. 16 из них анализируют верхнелужицкие песни из сборника Гаупта - Смолера. Современники Бодянского утверждали, что в процессе преподавания славянских языков профессор уделял даже слишком большое внимание некоторым категориям, типичным именно для серболужицкого языка. Вероятно, такая методика определялась соображениями научного характера. Во-первых, Бодянский знал, что носителем

этого языка является народ, ведущий свое происхождение от исчезнувших полабских славян, а, во-вторых, полагал, что в этом языке, как ни в каком другом, сохранились некоторые элементы славянского праязыка. Именно такой взгляд был распространен среди филологов его времени, и, руководствуясь им, Бодянский направляет не только свою деятельность, но и работу своих студентов. Сам он не оставил сорабистических трудов, но первое русское исследование по серболужицкому языку вышло из под пера его ученика Е.П.Новикова. Есть все основания считать, что именно Бодянский внушил ему идеи и взгляды, стимулировавшие изыскания о происхождении и особенностях языка малого славянского народа.

Преподавательская деятельность Бодянского в области серболужицкого языка опиралась на солидную научную базу. Ее составляла информация сербских деятелей, в основном Смолера, который сообщал в письмах русскому коллеге не только о новинках серболужицкой литературы, но и об угнетенном положении серболужицкого этноса, обо всех проявлениях национального самосознания, о мероприятиях, направленных на воспитание народа в национально-славянском духе. Через все письма Смолера Бодянскому (ответные письма Бодянского не сохранились) проходит мысль об издании серболужичанами с помощью России журнала, который воспитывал бы в малом славянском народе интерес и любовь к своей национальности и способствовал бы объединению славян. За содействием в организации такой помощи Смолер обращался к ряду русских деятелей, в том числе и к Бодянскому. На русскую поддержку надеялся и Я.П.Йордан при издании "Ютнички", он также просил Бодянского о финансовой помощи.

Другим важным аспектом содержания писем серболужицких деятелей Бодянскому была информация о научной работе, о новых книгах. Благодаря Смолеру Бодянский всегда был в курсе того, какую научную работу выполняют и другие серболужицкие деятели. Эти сведения московский профессор тоже использовал в своей педагогической работе.

В связях Бодянского с лужицкими сербами очень важное место занимает обмен книгами, который осуществлялся на всем протяжении контактов Бодянского с лужичанами. Обмен был взаимным. Бодянский посылал книги как самому Смолеру, так и Сербскому обществу в Лейпциге, Лужицкому товариществу в Будишине, Матице Серболужицкой. После второй поездки в Лужицы в 1864 г. Бодянский становится активным покупателем книг фирмы "Смолер и Пех". Таким образом, русский ученый внес большой вклад в развитие сорабистики в России и в распростра-

нение идеи славянской взаимности среди лужицких сербов. Он высоко оценивал научное значение языка малого народа для развития славянского языкознания, относился к серболужичанам с большой симпатией, сочувствовал развивающемуся у них национальному движению и по мере сил помогал ему. Велика роль Бодянского в пропаганде знаний о лужицких сербах среди учащейся молодежи. После ухода Бодянского из Московского университета интерес к серболужицкому языку и народности на кафедре славянских наречий постепенно заглох.

[Бодянский О.М.] О народной поэзии славянских племен. Рассуждение на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Иосифа Бодянского. М., 1837;

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 78-81:

Алексашица Л.Н. О.М.Бодянский - первый славист Московского университета // Вестник Московского университета. 1973. № 5;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 97-120;

Лантева Л.П. Профессор Московского университета О.М.Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1983. № 6. С. 30-39;

Лантева Л.П. Профессор Московского университета О.М.Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Lëtõpis. В 37. Bautzen, 1990. S. 1-15 (расширенный вариант статьи 1983 г.);

Čuž J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Korespondenca z O.M.Bodjanskim // Lëtõpis. A 17/1 (1970). S. 62-65; A 20/1 (1973). S. 97-113.

ПЕТР ИВАНОВИЧ ПРЕЙС (1810-1846)

Филолог-славист. Родился во Пскове, в семье учителя музыки. В 1824 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, но не закончил его по семейным обстоятельствам. С 1828 по 1838 г. работал учителем в Дерптской гимназии и одновременно занимался самообразованием в области фи-

логии. В связи с учреждением в Петербургском университете кафедры истории и литературы славянских наречий Прейс был командирован за границу для подготовки к занятию этой кафедры. Командировка продолжалась с 1839 по 1842 г. В эти годы Прейс в основном занимался языкознанием, изучал чешский язык, чешские и болгарские рукописи, совершенствовался в знании южнославянских языков, путешествовал в течение трех месяцев по землям южных славян. Возвратившись в Россию, он с марта 1843 г. приступил к чтению лекций по славянской филологии в Петербургском университете. Однако начавшаяся за границей болезнь прогрессировала, и Прейс умер, не оставив ни одного крупного труда. Сохранившаяся часть рукописного наследия свидетельствует о его широком кругозоре, склонности к теоретическим обобщениям. Прейс занимался преимущественно западно-славянскими языками, исследовал древнеславянские рукописи, глубоко интересовался сравнительным языкознанием.

Серболужицкие сюжеты были предметом его внимания еще в 1839 г., когда он опубликовал обстоятельную статью о немецких книгах по славянской истории, в частности по истории Лужиц. В программе его путешествия “Лужицкая земля” стояла в перечне стран, которые ученому предстояло посетить. Но в Лужицы он так и не приехал. Серболужицкий язык он знал как теоретически, так и благодаря общению с серболужичанами в Праге. Практическое знакомство Прейса с национальной жизнью лужицких сербов ограничивалось контактами с несколькими представителями этого народа в августе 1840 г., когда он посетил Лейпциг. Здесь же он нашел две рукописи на серболужицком языке: “сербскую газету 1828 года” (фактически рукописный журнал Г.Зейлера) и сербско-немецкий словарь, составленный в 1743 - 1745 годах. Из этого словаря Прейс сделал довольно обширные выписки.

В Петербургском университете Прейс читал лекции, о содержании которых можно получить определенное представление как по наброскам и заметкам самого ученого, так и по сохранившимся в архиве студенческим записям его лекций. Читавшийся Прейсом курс назывался “Славянские наречия”. Оба серболужицкие наречия лектор относил к западной ветви и называл “лужицкими наречиями славян балтийских”. Ученый констатировал, что славянский народ, населявший Лужицы и называвший себя сербами, занимал некогда “пространство между Салою и Одрою”, а ныне “все сербское население находится в самых тесных пределах: земли, ими занимаемой, – и то не сплошь – около 40 кв. миль”. Далее говорится о количестве жителей и границах их расселения, предпринимается попытка провести границы распростра-

нения обоих наречий серболужицкого языка. Прейс дает некоторые сведения о развитии литературы, относя ее начало к времени Реформации. Из серболужицких книг Прейс упоминает издание Нового Завета в 1766 г., полного текста Библии на верхнелужицком наречии в 1824 году и некоторые другие. Прейс считал, что особой благодарности заслуживает немецкий ученый Карл Готтлоб фон Антон, положивший начало сравнительному изучению славянских народов в книге "Первый опыт описания происхождения, нравов, обычаев, мнений и знаний древних славян" (1783-1789). Не менее важным считает Прейс и влияние на лужицких сербов Й.Добровского, который в Пражской католической семинарии преподавал серболужицкий язык. Затем Прейс останавливается на культурной жизни малого народа, упоминает о деятельности Я.А.Смолера, Я.П.Йордана и др., указывает, что издается журнал "Лаузитцишес магацин" и газета "Тыдженска новина". Таким образом, в лекциях имелись некоторые сведения о серболужицкой литературе как дополнении к характеристике языка.

Прейс П. Книги, изданные на немецком языке, по славянской истории и древностям // ЖМНП. Ч. XXI. 1839. № 1-3. Отд. IV. С. 85-108;

Письма П.И.Прейса к М.С.Куторге, И.И.Срезневскому, П.О.Шафартику, Куршату и др. (1836-1846). СПб., 1892;

Смирнов С.В. Петр Иванович Прейс (1810-1846) // Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Tartu, 1973. С. 22-122;

Смирнов С.В. Петр Иванович Прейс (1810-1846). Очерки жизни и научной деятельности // Русское и славянское языкознание в России середины XVIII - XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980. С. 60-72;

Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 120-126.

**ВИКТОР ИВАНОВИЧ
ГРИГОРОВИЧ
(1815-1876)**

Один из основоположников славяноведения в России, выдающийся русский филолог. Родился в г. Балта Подольской губернии в семье мещанина; мать был дочерью мелкопоместного шляхтича, так что Григорович с детства знал польский язык.

Семи лет он был отдан в пансион базиликанского ордена в Умани, а в пятнадцатилетнем возрасте поступил в Харьковский университет, по окончании которого прошел еще курс обучения в Дерптском профессорском институте. Григорович был очень образованным человеком: знал древние языки и античную литературу, владел новыми языками, увлекался немецкой классической философией, изучал лингвистику и славяноведение. В конце 1838 г. он был назначен в Казанский университет для приготовления к профессорскому званию и последующего занятия учрежденной там по университетскому уставу 1835 года кафедры истории и литературы славянских наречий. В 1841 г. Григорович представил магистерскую диссертацию "Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах". Работа содержала обзор всех славянских литератур с IX до XV в. "в связи с историческим судьбами народов". О лужицких сербах автор в ней писал как о "народе без литературы", который "до Реформации безмолвствовал, поскольку политическое уничтожение отняло у него всякую возможность развивать и скудную даже письменность". Указано, что "лишь в период Реформации, после векового усыпления, сербский народ был возрожден для самобытного сознания религиозных истин", причем этот народ, по мнению Григоровича, еще и в XVIII веке был в области литературы "племенем совершенно беспомощным". В момент написания "Опыта" (книга вышла в свет в 1843 г.) Григоровичу, получившему за нее степень магистра, видимо, оставались неизвестными те произведения, о которых всего год спустя писал Срезневский в "Историческом очерке сербо-лужицкой литературы". Вообще представления казанского слависта о лужицких сербах в это время были весьма приблизительными, о чем свидетельствует и предлагаемая в "Опыте" характеристика "венедских племен" и их краткая история. В 1844 г. Григорович был послан за

границу для подготовки к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий в Казанском университете. Путешествие продолжалось до 1847 г. и имело своей главной задачей изучение старославянской письменности, болгарского языка, положения славянских народов на Балканском полуострове. Оно проходило в трудных условиях, а его результаты имели огромное значение для развития науки о славянах, так как Григорович открыл ряд важных памятников письменности славян, изучение которых впоследствии изменило суждения ученых по многим вопросам славянской письменной культуры. Во время командировки Григорович провел немало времени и среди западных славян, больше всего - в Праге (1846), где посещал серболужицкий семинар, руководимый В.Ганкой, и учился серболужицкому языку. Возвращаясь в Россию, Григорович весной 1847 г. остановился в Лейпциге, где познакомился с Я.П.Йорданом и Л.Гауптом. Но в Лужицах Григорович не был.

Как профессор Григорович читал студентам Казанского университета лекции по славянским языкам и литературам. В них отводилось значительное место и серболужицкому языку. Последние 11 лет своей жизни Григорович занимал должность профессора Новороссийского университета в Одессе. После смерти ученого один из его учеников издал лекции Григоровича "Славянские наречия", читанные в Новороссийском университете, но включавшие, очевидно, материал, собранный в более ранние годы. Профессор делил все "славянские племена" на 7 групп. К группе 3 отнесено "лужицкое или полабское племя", которое когда-то составляли "оботриты, лютики и сербы". "Главным народом" в этой группе Григорович считал "лужичан на границах нынешней Пруссии и Саксонии". Лужицким наречиям в лекциях отводится столько же места, сколько и другим славянским. Говорится о местах расселения полабских славян, уточняются границы Лужиц. Всего сербов-лужичан Григорович насчитывает 200 тысяч. Отметив далее, что некоторые ученые находят в "лужицком языке" 3 или даже 4 "поднаречия", Григорович замечает, что по существу эти славяне делятся на два "отдела", и язык их составляет два наречия: верхне-лужицкое и нижне-лужицкое. Остановившись на общих свойствах лужицких наречий, Григорович затем выделяет особенности каждого из них, а также рассматривает их соотношение с церковно-славянским языком, подробно разбирая грамматические формы. В заключение приводится текст двух нижне-лужицких и одной верхне-лужицкой песен. Таким образом, Григорович довольно подробно характеризовал серболужицкий язык в рамках общего обзора

языков славянских. Выйдя в 1875 году в отставку, Григорович переехал из Одессы в Елисаветград, где и умер.

Григорович В.И. Славянские наречия. Лекции... Варшава, 1884;

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. 1. Минск, 1976. С. 80-82;

Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 126-129;

Сергеев А.В. Исторические взгляды Григоровича. Казань, 1978;

Смирнов С.В. В.И.Григорович (1815-1876) // Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Tartu, 1973. С. 151-172.

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН (1800-1875)

Ученый-историк, собиратель и исследователь материалов по истории России и других славянских стран, общественный деятель и журналист. Родился в Москве в семье крепостного крестьянина, впоследствии отпущенного на волю. М.П.Погодин получил образование в Москве – сначала в гимназии, а потом в университете. Окончив его в 1821 г., Погодин стал преподавателем Московского Благородного пансиона, а затем - преподавателем всеобщей и русской истории в Московском университете. С 1835 г. он занимал здесь должность ординарного профессора, в 1836 г. избран академиком. Погодин интересовался не только русской историей, но и славянской проблематикой, занимавшей важное место в издававшихся им и профессором С.П.Шевыревым журналах "Московский наблюдатель" и "Москвитянин". Погодин принадлежал к официальному направлению русской исторической науки, а по идейно-политическим позициям был близок к славянофилам. Он считал,

что славянские народы должны для их же собственной пользы объединиться в единое государство под эгидой русского православного царя. Погодин сыграл большую роль в развитии русско-славянских связей. Он неоднократно совершал путешествия по славянским странам, во время которых устанавливал контакты со славянскими учеными, а затем вел с ними переписку, организовывал переписку книг, научных данных из русских библиотек и архивохранилищ, хлопотал о материальной помощи славянским ученым, не имевшим средств для издания книг и вообще для научной работы. В России Погодин был многолетним членом, а затем и председателем Общества истории и древностей российских, секретарем и председателем Общества любителей российской словесности, почетным членом ряда российских и иностранных университетов и научных обществ. Он же стал одним из организаторов Московского Славянского Благотворительного комитета, а с 1861 г. – его председателем. В целом Погодин в 50-60-е годы принадлежал к числу влиятельнейших людей в научной и общественной жизни страны.

Во время одной из своих поездок по славянским странам, в 1839 г., Погодин посетил во Вроцлаве чешского ученого Я.Э.Пуркине, у которого, вероятно, познакомился с Я.А.Смолером. В 1857 г. Погодин оказал ему материальную помощь (500 р. серебром) для приобретения типографии. Однако для полного обеспечения выпуска газеты “Сербске Новины” средств не хватало, и национальный вождь лужицких сербов Я.А.Смолер вновь обратился к Погодину с просьбой организовать финансовую поддержку со стороны русских друзей. Просьба была выполнена. В 1859 г. Смолер решил основать общеславянский литературный орган на немецком языке. Для сбора средств на это предприятие серболужицкий деятель прибыл в Россию, и главным организатором финансовой поддержки Смолера в Москве стал Погодин. Журнал под названием “*Zeitschrift für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft*” стал выходить с 1862 г. По словам самого Смолера, структура издания воплощала идеи Погодина. Оно выходило под различными названиями до 1869 года при постоянной материальной поддержке из России. Погодин организовал сбор средств для постройки в Будишине культурного центра национальной жизни народа - Сербского дома. Серболужицкий национальный деятель высоко ценил научное творчество Погодина, считал что имя Погодина в России “гораздо известнее, чем, например, имя фон Гумбольдта в Германии”. Столь лестную характеристику Погодин заслужил не только тем, что был одним из главных инициаторов и организаторов материальной помощи культурным мероприятиям

лужицких сербов в продолжении почти 20 лет, но прежде всего потому, что являлся крупным историком, составившим целую эпоху в русской науке, и в то же время глубоким знатоком славянских проблем, талантливым публицистом, а в целом - одним из крупнейших деятелей русской культуры XIX века. Смолер в письмах к Погодину делился с ним сведениями о развитии серболужицкого возрождения, о деятельности Матицы серболужицкой, высылал Погодину ее издания, а также по несколько экземпляров каждого выпуска "Цайтшрифт". Погодин тоже высылал Смолеру и Матице серболужицкой нужные им издания. В 1875 г. русский ученый был избран почетным членом Матицы. Когда в том же году он скончался, Смолер с благодарностью за помощь лужицким сербам и выражая уважение к личности русского ученого, помянул его в своих статьях в журнале "Лужичаи" и в газете "Сербске Новины".

Syž J. , Mudra J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Korespondenca z M.P.Pogodinom w l. 1857 do 1874 // Lětopis. A 16/2 (1969). S. 151-184;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 231-248;

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 272-273.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ДУБРОВСКИЙ (1812-1882)

Филолог, занимался польским языком, польской и русской литературой. Родился в Чернигове, гимназию закончил в Киеве, в 1832-1834 г. слушал лекции в Московском университете, а в 1835 г. получил свидетельство о звании домашнего учителя. В Москве активно занимался литературной деятельностью, но университет не закончил. В 1837 г. определен учителем русского языка в Царство Польское и переехал в Варшаву для преподавания в губернской гимназии. Он сумел приспособиться к жизни в Царстве Польском, установил контакты с польскими учеными - правоведом В.А.Мацеевским, филологами А.Кухарским и С.Б.Линде. Последнему Дубровский помогал в составлении ставшего впоследствии знаме-

нитым сравнительного словаря славянских языков. Занимаясь славянскими литературами, Дубровский получил возможность совершать путешествия в славянские земли. В 1841 г. он посетил Чехию, а на обратном пути - Лужицу. Свои впечатления он описал в отчете, где указал в частности на расселение лужицких сербов, описал природу края, упомянул о пробуждении литературной жизни. Установив во время путешествия контакты с профессором физиологии Вроцлавского университета чехом Я.Э.Пуркине, вокруг которого группировались славянские студенты, в том числе и лужицкие сербы, Дубровский расширил свои познания о самом малочисленном славянском народе. В библиотеке Чешского музея в Праге он ознакомился с новой литературой о славянах и в частности - с грамматикой верхнелужицкого наречия Я.П.Йордана. По возвращении из поездки в 1841 г. Дубровский стал издавать в Варшаве литературный журнал "Денница" на русском и польском языках параллельно (выходил в 1842-1843 г.). В 1844 г. Дубровский совершил вторую поездку в славянские страны и познакомился с Я.А.Смолером. После закрытия "Денницы" Дубровский работал в Варшавском цензурном комитете, а в 1851 г. оставил службу в Варшаве и переехал в Петербург, где был назначен "особым экстраординарным профессором" Главного педагогического института. В это время он занимался польской литературой, издавал труды, посвященные грамматическим формам польского языка, составлял польско-русские словари, писал работы и по русской литературе прошлого и настоящего. В целом труды Дубровского были разнообразны по тематике. В 1858 г. он был избран экстраординарным академиком Российской Академии наук по Отделению Русского языка и Словесности. В 1862 г. он ушел в отставку и отправился еще в одно путешествие по славянским странам. В это же время он поместил в различных журналах большое число статей о литературе и общественной жизни славян. Из путешествия Дубровский вернулся в Варшаву, где стал работать над большим польско-русским словарем, который вышел в свет в 1876-1878 годах. Издал он также "Учебник для упражнений в переводах с польского языка на русский". Это были последние труды ученого. Умер он в Скерневицах (Царство Польское).

На первом этапе своей деятельности, в период издания журнала "Денница", Дубровский активно пропагандировал серболужицкую литературу в Российской империи. Уже в первом номере журнала он информировал читателей о литературном движении у лужицких сербов и сообщал о выходе первого выпуска песен Л.Гаупта и Я.А.Смолера, приветствовал появление серболужицкой газеты Я.П.Йордана "Ютничка" и излагал содержание ее пер-

вого номера. В “Деннице” публиковались как библиографические заметки, так и крупные статьи о серболужицкой литературе и жизни, появилась в частности статья словацкого поэта Людовита Штура “Путешествие в Лужицы 1839 года”, переведенная на русский и польский с текста, помещенного в “Часописе Ческого Музеа”. Еще более ценными представляются опубликованные в “Деннице” статьи самих лужицких сербов. Так, Я.А.Смолер поместил в “Деннице” статью “Краткое обозрение сербской литературы в Верхней Лужице от ее начала до 1767 года”. Современная серболужицкая письменность была характеризована в статье Я.П.Йордана “Новейшее направление сербской литературы в Верхней Лужице”. Эти статьи Смолера и Йордана представляют собой первую подробную информацию по указанной теме на русском языке. В 1843 г. Дубровский опубликовал в “Деннице” обширные обзоры серболужицкой периодики. Наряду с обзорами и библиографическими заметками в “Деннице” помещались образцы серболужицкой народной поэзии с переводами на русский и польский. В общем сведения о лужицких сербах в “Деннице” носят уникальный характер. В начале 40-х годов не было другого журнала на русском языке, который бы так основательно знакомил читателей с серболужицким движением и умственной жизнью. Фактически Дубровский не пропускал ни одного заметного явления в этом движении, поощряя деятельность лужицких сербов своим вниманием и толкуя ее в духе идей славянской взаимности, ревностным последователем которых был он сам.

После прекращения издания “Денницы” Дубровский продолжал интересоваться серболужицким национальным и литературным движением, писал обзоры и рецензии на новые издания для русских и польских журналов. Таким образом, в 40-е годы XIX в. именно Дубровский информировал русскую читающую публику о событиях культурной жизни сербов-лужичан. Но еще и в 1874 г. он сообщал издателю газеты “Голос” А.А.Краевскому сведения о том, какое количество народных книг и календарей выпустила Матица серболужицкая за последнее время. В русской сорабистике Дубровский принадлежит к числу главных пропагандистов знаний о серболужицком национальном движении. В отличие от университетских профессоров-славистов, интересовавшихся в основном языком и литературой малого народа с чисто научных позиций, с точки зрения филологии, Дубровский стал одним из творцов источниковой базы русской сорабистики в области разработки истории серболужицкого национального движения.

Денница (Варшава). 1842. Вып. 1-12; 1843. Вып. 1-8;

Лантева Л.П. Русский славист XIX века П.П.Дубровский (1812-1882) // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 93-101;

Лантева Л.П. Русский славист XIX века П.П.Дубровский и лужицкие сербы // Lětopis. 1993. № 40. S. 45-53;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 г.). М., 1993. С. 129-145;

Lapťeva L.P. Všeslovanský časopis "Dennica" (1842-1843) a přínos lužických Srbů // Časopis Národního musea v Praze. 1987. Řada historická. Roč. CLVI. Č. 1-2. S. 98-103;

Lapťevová L.P. Ruský slavista 19. století P.P.Dubrovskij // Studie k dějinám a kultuře Východních Slovanů. D. XIX. Praha, 1990. S. 41-62;

Horák J. P.P.Dubrovského Dennica - Jutrzenka // Slovanský Přehled 1914-1924. V Praze, 1925.

Mucha B. Piotr Dubrowski - zapomniany polonofil i propagator literatury rosyjskiej wśród Polaków // Slavia Orientalis. R. XXII. 1973. Nr. 2. S. 165-176.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИКОВ (1826-1903)

Ученый и государственный деятель, дипломат. Потомок знаменитого просветителя екатерининской эпохи Н.И.Новикова. Окончил Московский университет (1846), где занимался преимущественно славистикой под руководством профессора О.М.Бодянского. В 1849 г. получил степень магистра за диссертацию "О важнейших особенностях лужицких наречий". Из других его работ наиболее известны "Православие у чехов" (1848) и двухтомная монография "Гус и Лютер" (1859). В этих трудах проводится мысль, что гуситское движение представляет собой стремление чехов "возвратиться" к православию, которое, по мнению Новикова, составляло некогда изначальное вероисповедание всех славянских племен. Работы Новикова - классические образцы славянофильской гуситологии, они на долгие годы стали тем источником, из которого черпали сведения о гуситском движении многие компиляторы,

писавшие об этом периоде чешской истории. Но затем Новиков оставил научные занятия, поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России и до конца жизни представлял интересы России в ряде стран - Сирии, Греции, Австрии и Турции. Новиков принадлежал к выдающимся российским дипломатам. Долгая служба на дипломатических постах и наблюдение за жизнью славян привели его к отходу от славянофильских воззрений, которые он ревностно защищал в молодости. Он разочаровался и в идеалах славянофильства, и в идее славянской взаимности.

В 1845 г. в период обучения в Московском университете, Новиков составил словарь серболужицкой лексики, сохранившийся до настоящего времени в архиве проф. Бодянского. Именно под влиянием последнего Новиков написал магистерскую диссертацию "О важнейших особенностях лужицких наречий", где и использовал материал упомянутого словаря, а в целом опирался на увидевшие свет в 1841-1843 г. "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" Л.Гаупта и Я.А.Смолера, а также на "Граматику верхнелужицкого языка" Я.П.Йордана (1841). Работа Новикова стала заметным явлением в русской филологии и привлекла внимание современников. Так, известный фольклорист и исследователь славянских языков М.Максимович в своей рецензии отмечал, что Новиков исследовал язык лужицких сербов весьма подробно и полно, что его изыскания отличаются тщательностью. Максимович находил любопытным тот вывод Новикова, что оба лужицкие наречия, принадлежат к "северозападному отделу" славянского языка и будучи особенно близки к языкам польскому и чешскому, представляют собой переход от них к великорусскому и белорусскому. Рецензент высказал Новикову упрек в том, что он игнорировал точку зрения И.И.Срезневского на существование среднелужицкого наречия. Много места отводится в рецензии критике теоретических положений Новикова, опиравшегося, по мнению Максимовича, на устаревшую систему Й.Добровского. В целом же рецензент признал в Новикове знатока лужицких и других западно-славянских наречий. Исследование молодого ученого было первым в России трудом о положении серболужицкого языка среди других славянских. Но выводы Новикова, недостаточно научно обоснованные, не получили признания в XIX в. И лишь в новейшее время затронутый Новиковым комплекс проблем начинает входить в сферу рассмотрения славистической компаративистики при обсуждении вопросов о разделении праславянского языка на диалекты. При этом сегодняшние изыскания частично приводят к результатам, аналогичным тем,

которые сформулировал еще Новиков - правда, подчас в весьма упрощенной, а местами и противоречивой форме.

Новиков Е.П. О важнейших особенностях лужицких наречий. М., 1849;

Максимович М. [Рец. на кн.:] О важнейших особенностях лужицких наречий. Рассуждение, написанное на степень магистра кандидатом Е.Новиковым. М., 1849 // Москвитянин. Ч. I. 1850. № 1-2. Отдел "Критика и библиография";

Евгений Петрович Новиков [некролог] // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. 1903. № 2 (ноябрь);

Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 8-12.

Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. - 1917 г.). М., 1978. С. 33-42;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 107-109;

Schuster-Šewc H. Der Beitrag russischer und sowjetischer Sprachwissenschaft zur Entwicklung der sorbischen Linguistik // Der Große Oktober und die russische Sprache. Leipzig, 1977.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ГИЛЬФЕРДИНГ (1831-1872)

Один из крупнейших русских славистов, публицист и общественный деятель. Отпрыск семьи саксонского происхождения Гильфердинг родился в Варшаве, где его отец занимал должность директора дипломатической канцелярии при российском наместнике в Царстве Польском графе И.Ф.Паскевиче. Одаренный от природы необыкновенными способностями, будущий уче-

ный получил к тому же и отличное домашнее воспитание. Уже в детстве он демонстрировал большие успехи в изучении классических и новых языков и в 1848 г. поступил в Московский университет. Живя в Москве, он примкнул к кружку славянофилов, что и определило его будущее мировоззрение. Первые его работы посвящены лингвистике, но вскоре он перешел на изучение истории славян. Защитив магистерскую диссертацию "Об отношении языка славянского к языкам родственным" (1853), он поступил на службу в Министерство иностранных дел, сочетая исследовательскую работу с дипломатической деятельностью. Был он российским консулом в Боснии, занимал и другие достаточно высокие посты, много путешествовал по славянским странам, Германии и другим регионам Европы. Природная одаренность и трудолюбие, обширные знания и острый ум позволили Гильфердингу внести заметный вклад в русскую культуру. Он оказал большое влияние на развитие истории, этнографии, лингвистики. Исследовал он преимущественно историю западных и южных славян. Он - автор работ "История балтийских славян" (1855), "Письма об истории сербов и болгар" (1854-1859), "Босния, Герцеговина и Старая Сербия" (1859), "Очерк истории Чехии" (1862) и множества других замечательных сочинений, составивших четырехтомное собрание. Все труды А.Ф.Гильфердинга имеют две особенности: с одной стороны, они основаны на материалах источников, открытых в значительной мере самим автором и впервые введенных им в научный оборот, а, с другой, освещение истории славян осуществляется со славянофильских позиций. Гильфердинг - главный творец славянофильской теории исторического развития западного и южного славянства, теории искусственной, романтической и утопической.

По возвращении из Боснии, где он пробыл с 1856 по 1859 г., Гильфердинг служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, затем в Государственной канцелярии и в Комитете по делам Царства Польского. Одновременно он продолжал активную научную, публицистическую и общественную деятельность, с 1868 г. был председателем Петербургского отдела Славянского Благотворительного комитета, занимал также должность председателя этнографического отдела Русского Географического общества. На рубеже 60 и 70-х годов он заинтересовался открытиями в Олонецкой губернии образцами живой эпической поэзии - большого числа былин. Открытие было для ученого мира неожиданностью, поскольку считалось, что русский эпос исчез окончательно. Гильфердинг решил ознакомиться с былинами на месте и летом 1871 г. совершил поездку в Олонецкую губернию. Результатом ее явилось чрезвычайно интересное описание народного быта

и издание огромного собрания былин. В 1872 г. Гильфердинг вторично отправился в Олонецкий край, но в дороге заразился тифом и умер 20 июня. Собранные им былины стали заметным вкладом в историю русской словесности.

Интерес Гильфердинга к балтийскому славянству вел ученого к исследованию источников не только исторических, но и филологических, и он неоднократно посещал Германию. Это обстоятельство и внимание ко всем славянам вообще, традиционное для русских славистов независимо от особенностей их мировоззрения, обусловили и контакты Гильфердинга с лужицкими сербами. Связи его с ними оказались весьма плодотворными. В 1855 г. Гильфердинг побывал в Будишине и Гёрлице. В Будишине он был принят, по его словам, "как нельзя лучше" Я.А.Смолером и другими лужицкими сербами, в Гёрлице отыскал рукопись полабского словаря Хр.Геннига (конец XVII - начало XVIII в.) со сведениями этнографического и исторического характера и организовал его переписку. Рукопись хранилась в библиотеке гёрлицкого Верхнелужицкого научного общества. О собранных материалах Гильфердинг опубликовал статью "Памятники наречия залабских древлян и глинян" (1856). Кроме того он установил связь с секретарем Лужицкого исторического общества Нейманом и договорился с ним об обмене книгами. Изучению истории лонебургских славян Гильфердинг уделял больше времени, чем знакомству с литературой и жизнью лужицких сербов. Но поскольку он исследовал полабско-балтийских славян в комплексе, результаты его поездки по лонебургскому региону, вероятно, прояснили для него некоторые вопросы, касающиеся древностей лужицких сербов. Полученные сведения ученый использовал в своих работах по истории балтийских и полабских славян, где есть сведения и о лужицких сербах. Так, Гильфердинг первым в русской историографии заметил, что лужицкие сербы и вообще лужичане были отрезаны от славян балтийских непроходимыми песками и болотами и составляли племя, совершенно отдельное - как по наречию так и по историческому развитию: к такому выводу пришел ученый в своей "Истории балтийских славян". Касаясь религии лужицких сербов в древности, Гильфердинг считает, что они, вероятно, приняли христианство от Мефодия. Этим он и объясняет тот факт, что они без особого сопротивления стали христианами и при немецких властях. "Скорому и легкому" принятию христианства "лабские сербы" обязаны, по мнению Гильфердинга, преимущественно тем, что избежали полного истребления, какому подвергались племена балтийские; благодаря этому хотя бы частица края лужицких сербов сохранила и славянский язык, и славянскую народность. Таким об-

разом, в трудах о балтийских славянах ученый касался и древней истории лужицких сербов.

Но главный его вклад в изучение малого народа заключался в освещении картины национального пробуждения лужицких сербов в современный ученому период. Эту задачу он выполнил в работе "Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии" (1856), написанной сразу же после возвращения из заграничного путешествия 1855 г. по свежим впечатлениям, почерпнутым от пребывания в Лужице. Свое изложение Гильфердинг начинает указанием на численность сербов-лужичан (160 тыс. человек), на границы их расселения на их религиозную принадлежность. В статье характеризуются первые свидетельства пробуждения национальной жизни у лужицких сербов, излагается материал о возникновении у них обществ, об издании газет, деятельности отдельных лиц, о мероприятиях, свидетельствующих о национальной активности народа. Особое место отводится освещению серболужицкой национальной политики в период революции 1848-1849 г. Имеется в работе также обзор национальной жизни в Нижней Лужице, дается краткая характеристика серболужицкого языка, приводятся образцы песен. О причинах спонтанного пробуждения "почти онемеченного", по его мнению, народа в первой четверти XIX века Гильфердинг не упоминает; он вообще проявляет в этой статье мало интереса к причинным связям явлений, ограничиваясь констатацией фактов. Он называет всех значительных представителей серболужицкого национального движения, уделяя при этом главное внимание Я.А.Смолеру. На ярких примерах из его жизни Гильфердинг показывает, сколь искусно этот народный вождь умел использовать в сложных обстоятельствах все возможные средства для сохранения серболужицкой народности. О ряде деятелей национального движения Гильфердинг упоминает, освещая данные о серболужицких газетах. Особое место отводится в работе освещению вопросов об отношении выступавших от имени народа национальных деятелей к революционным событиям 1848-1849 г. Русский ученый одобряет консервативную позицию представителей народа, группировавшихся вокруг Матицы; эта позиция, по его мнению, в конечном счете привела к определенным успехам серболужицкого национального движения, которое в работе характеризуется подробно. Автор упоминает еще и о социально-экономическом положении сербов саксонских. Со слов Смолера Гильфердинг сообщает о процветании сельского хозяйства и передовых методов его ведения. Что касается лужицких сербов во владениях Пруссии, то Гильфердинг указывает, что они беднее саксонских по причине меньшей плодородности почв этого края.

Сочинение Гильфердинга о лужицких сербах содержит также указания на некоторые успехи науки в разработке проблем сербо-лужицкого языка в Верхней Лужице, но, с другой стороны, и на “умственное оцепенение” и германизацию народа в Нижней Лужице.

“Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии” было самым значительным трудом Гильфердинга о малом славянском народе. В дальнейшем он уже не обращался к этому сюжету столь основательно, но связи, установленные им с серболужицкими деятелями, не прекращались до конца дней ученого. Наиболее активными были контакты со Смолером, который и переводил некоторые работы Гильфердинга на немецкий язык, чтобы их издать. Он выпустил в свет следующие работы Гильфердинга в переводе: “История сербов и болгар” (1864), “История балтийских славян” (1857), “Памятники наречия залабских древлян и глинян” (1857), “Поездка по Боснии и Герцеговине” (1857), “Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века”, “Босния в начале 1858 года”, “Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром” (последние три – в 1862-1865 гг.). Интерес к деятельности Гильфердинга проявлял в Лужице не только Смолер. О русском ученом писали в журнале “Лужичан”, в 1872 г. этот орган откликнулся на смерть Гильфердинга некрологом М. Горника. А Гильфердинг, став председателем Петербургского отделения Славянского Благотворительного общества, организовывал материальную помощь для продолжения издания в Будишине газеты “Сербске Новины”.

Таким образом, Гильфердинг был первым русским ученым, осветившим современную национальную жизнь серболужицкого народа. Он продолжил традицию изучения лужицких сербов в России, заложенную И.И. Срезневским.

Гильфердинг А.Ф. Народное возрождение сербо-лужичан в Саксонии. // Русская беседа. I. СПб., 1856. С. 1-53 (также отд. оттиск - М., 1856 и Собрание сочинений. Т. 2. 1868. С. 19-49);

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. Ч. 2. // Собр. соч. Т. 4. СПб., 1874;

Гильфердинг А.Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века // Собр. соч. Т. 4. СПб., 1874;

Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862;

Гильфердинг А.Ф. Памятники наречия залабских Древян и Глинян. СПб., 1856;

Бестужев-Рюмин К.Н. А.Ф.Гильфердинг как историк // Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882;

Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 г.). М., 1993. С. 164-188;

Лаптева Л.П. Русская историография гусистского движения (40-е годы XIX в. - 1917 г.). М., 1978. С. 49-61 (и др. по указателю);

Лаптева Л.П. К истории русско-славянских отношений 50-70-х годов XIX века (А.Ф.Гильфердинг и его письма М.В.Раевскому) // Вестник Московского университета. Сер. История. 1976. № 2. С. 34-45;

Лаптева Л.П. А.Ф.Гильфердинг и К.С.Аксаков // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 годов. Вып. 2. М., 1989. С. 35-38;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988 (по указателю).

**ИВАН СЕРГЕЕВИЧ
АКСАКОВ
(1823-1886)**

Публицист, литературный критик, издатель газет и журналов, поэт. Родился в селе Надеждино Белебеевского уезда Оренбургской губернии в семье известного русского писателя С.Т.Аксакова. Семья отличалась высоким уровнем образованности и культуры. Дети писателя, обладая литературным дарованием и художественными способностями, оставили заметный след в русской культуре XIX века. Старший брат И.С.Аксакова Константин – ученый, этнограф, фольклорист – являлся также одним из теоретиков славянофильства и принадлежал к числу создателей этого философского направления русской общественной мысли, в 1851 г. он опубликовал работу “О древнем быте славян вообще и русских в особенности”, где помещены и

серболужицкие народные песни, а также отрывок из сочинений Я.А.Смолера.

И.С.Аксаков получил первоначальное образование в семье, которая с 1826 г. жила в Москве; ее дом стал одним из культурных центров своего времени. Впоследствии эту функцию приняло на себя подмосковное имение Аксаковых Абрамцево, обитатели которого, как и круг их друзей и знакомых, внесли своим литературным и художественным творчеством большой вклад в русскую культуру. С 1838 по 1842 г. И.С.Аксаков учился в привилегированном Училище правоведения в Петербурге, а по окончании учебы вернулся в Москву и поступил на службу в Сенат. Затем он еще служил в Министерстве внутренних дел и других учреждениях, а в 1851 г. вышел в отставку и занялся публицистической деятельностью.

События 1848-1849 г. в Европе возбудили в И.С.Аксакове интерес к славянским народам Австрии и Турции. По своему мировоззрению он принадлежал к славянофилам, но не разделял крайностей их доктрины, представляя славянофильство нового типа; по многим вопросам взгляды И.С.Аксакова совпадали с позициями русского либерализма того времени. В литературном кругу, где вращался Аксаков, были и люди демократических убеждений. В 1858 г. И.С.Аксаков стал редактором славянофильского журнала "Русская Беседа" и основал газету "Парус", которая однако уже после выхода второго номера была запрещена. С 1861 по 1865 г. И.С.Аксаков – издатель и редактор газеты "День", в славянском отделе которой пропагандировалась идея славянской взаимности и уделялось много места событиям политической и культурной жизни славянских народов. Газета пользовалась авторитетом в славянских странах. 1867-1868 г. И.С.Аксаков редактировал газету "Москва", где также имелся славянский отдел. Велико значение деятельности И.С.Аксакова по укреплению связей России со славянскими странами. Он был одним из основателей Московского Славянского Благотворительного комитета и его идейным вождем; а с 1873 г. по 1878 г. – председателем.

Как крупный общественный деятель славянофильского направления И.С.Аксаков интересовался и лужицкими сербами. На страницах своих газет и журналов он помещал о них различные сведения, материально поддерживал их национальные начинания, находился в контакте с ними, главным образом – с их национальным вождем Я.А.Смолером, по инициативе или при самом активном участии которого проходили все мероприятия, направленные на сохранение серболужицкой народности в 40-80-х годах XIX в. Смолер, получавший из России материальную помощь, четыре раза приезжал в Россию, в 1860 г. познакомился с И.С.Акса-

ковым, и их контакты продолжались до 1879 г. Смолер сотрудничал в журналах и газетах Аксакова, сообщал об этих изданиях в серболужицкой периодике, переводил стихи и статьи Аксакова и публиковал эти переводы. В 1875 г. И.С.Аксаков помог лужицким сербам большой суммой денег на приобретение типографии для выпуска газеты "Сербске Новины" и других изданий. В дальнейшем он организовывал денежные сборы, вносил и личные средства, употреблял свое влияние на славянские комитеты, чтобы все они оказывали лужицким сербам финансовое содействие. Московский Славянский комитет при активном участии И.С.Аксакова собирал средства на покупку участка земли для создания в Будышине серболужицкого культурного центра, строительства Сербского дома. По просьбе Смолера И.С.Аксаков организовал присылку лужицким сербам нот мелодий на слова "Вечная память" и "Многая лета", нот и текстов молитвы "Спаси, Господи, люди твоя". И.С.Аксаков оказывал поддержку не только серболужицким национальным организациям, но и лично Смолеру. Как писатель и публицист, он пользовался у лужицких сербов большим авторитетом. В 1875 г. И.С.Аксаков был избран почетным членом Матицы серболужицкой, чем было выражено признание важности его большого вклада в дело поддержания национальных начинаний малого славянского этникума. Во время пребывания в Москве Смолер посещал семью Аксаковых.

Таким образом, И.С.Аксаков живо интересовался лужицкими сербами, имел с ними самые активные контакты и внес существенный вклад в дело их национального развития.

Suž J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Listy na I.S.Aksakowa // Lětopis. A 17/1 (1970). S. 72-78;

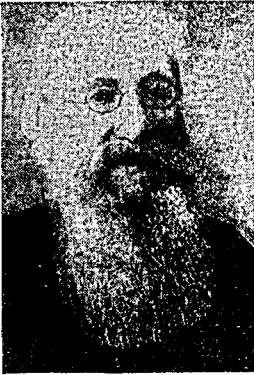
Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 224-253;

Лантева Л.П. Иван Сергеевич Аксаков и лужицкие сербы (по архивным материалам) // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 годов. Вып. 2. М., 1989. С. 16-18;

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960.

Цимбаев Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

**ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
ЛАМАНСКИЙ
(1833-1914)**

Ученый-славист, общественный деятель, публицист. Родился в семье сенатора в Петербурге, там же окончил гимназию и историко-филологический факультет университета, где обучался славистике у И.И.Срезневского, обращая главное внимание на славянские древности, а также на русскую этнографию и на географию России. С 1854 г. служил чиновником в различ-

ных учреждениях, а с 1858 г. старшим архивариусом в Государственном архиве Министерства иностранных дел, где получил доступ к почти неизвестным в то время документам по русской истории XVIII–XIX вв., многие из которых стали предметом его исследований. Одновременно Ламанский интересовался умственной жизнью России в прошлом и настоящем, составил биографию М.В.Ломоносова и историю Петербургской Академии наук в XVIII в. Являясь членом Русского Географического общества и секретарем его этнографического отделения, Ламанский много писал по вопросам этнографии, редактировал этнографические сборники. Наряду с этим он заявил о себе как публицист, особенно по славянским проблемам. В 1865 г. Ламанский стал доцентом кафедры славянской филологии в Петербургском университете и прослужил здесь - с 1871 г. в качестве профессора - до конца XIX в. В 1900 г. был избран академиком.

Ламанский исследовал славянские языки, литературы, этнографию, археологию. Его литературное наследие огромно. Он воспитал также целую плеяду русских славистов. На славянство Ламанский смотрел как на единое целое, скорбя о том, что единство славян разорвано. Особое значение он придавал русскому народу, создавшему могущественную державу и ставшему оплотом всего славянства. По взглядам Ламанского, только русские способны объединить все славянство и вернуть ему политическую и культурную свободу. Отсюда вытекает и идея Ламанского о признании всеми славянами русского языка как языка общелитературного и дипломатического при сохранении всех остальных славянских "в пределах местной жизни" отдельных народов. Эти философские построения Ламанского были одним из вариантов сла-

вянофильского подхода к истории и современному положению зарубежных славян. По политическим взглядам Ламанский был консерватором, сторонником монархической формы правления, защитником русского самодержавия и православия, что однако не мешало ему осуждать цензуру, выступать за автономность высшей школы и свободу вероисповедания, разделять мнения либеральных профессоров, осуждавших политику самодержавия в отношении высшей школы. В 1862-1864 г. Ламанский путешествовал по Европе, в том числе и по славянским странам. Дни с 28 по 30 мая 1862 г. он провел в Будишине и несмотря на столь короткий срок многое подметил в жизни лужицких сербов. В письме к министру народного просвещения Ламанский подошел к вопросу о положении лужицких сербов с политических позиций. Русского ученого заботила проблема отношения зарубежных славян к России и принятия русского языка как литературного для всех славян. В Будишине, встретившись с Я.А.Смолером, который познакомил его и с тамошними учеными и литераторами, посетив Я.Г.Имиша, Ламанский пришел к выводу, что серболужичане будут в числе первых славян за пределами России, которые примут русский язык для своих литературных произведений, сохраняя народное наречие для местных целей и потребностей. Отметим, что эта идея свидетельствует о непонимании славянофилами сущности национального движения славянских народов, в том числе и серболужичан, которые вовсе не собирались менять один язык на другой, а боролись за самобытность в полном смысле слова. Но иллюзии русских славянофилов относительно возможности принятия русского языка как общелитературного нередко все же распространяли и сами зарубежные славяне, рассчитывая получить материальную помощь и моральную поддержку. В упомянутом письме к министру Ламанский называет имена серболужицких национальных деятелей. О Смолере, с которым русский славист познакомился еще в 1860 году в Петербурге, говорится как о редакторе журнала "Zeitschrift für slavische Literatur". Очень тепло отзываясь Ламанский о М.Горнике.

По возвращении в Россию Ламанский стал активно сотрудничать с лужицкими сербами, особенно со Смолером. По некоторым вопросам оба ученых были единомышленниками, а сотрудничество между ними проявлялось прежде всего в участии русского ученого в немецких изданиях Смолера. Последний опубликовал несколько статей Ламанского в упомянутом журнале, сам осуществив их перевод. Готовясь в 1865 г. выпускать "Slavisches Centralblatt", Смолер, по просьбе Ламанского, послал ему про-

грамму издания, чтобы русский ученый высказал о ней свое мнение и внес представляющиеся ему необходимыми изменения и дополнения, что Ламанский и выполнил.

Весьма интересным сюжетом в контактах Ламанского и Смолера был вопрос об издании сочинения словацкого поэта и национального деятеля Л.Штура "Das Slawentum und die Welt der Zukunft". Оно было написано в 1851 г., но при жизни автора (он умер в 1856 г.) не публиковалось. Словацкий деятель высказал в своей работе ряд идей, созвучных теориям русских славянофилов. Смолер лично знал Штура и, как говорил сам, разделял идеи Штура о роли Руси в славянстве. "Я уже давно проповедую, что для славян только в России спасение", - писал Смолер Ламанскому. Соглашаясь с тем, что идеи, заложенные в сочинении Штура, очень ценны, Смолер полагал, что рукопись нельзя издавать без исправлений (и не только потому, что она написана на плохом немецком языке, но и потому, что некоторые из штуровских пророчеств не сбылись). Однако в русском переводе недостатки в сфере немецкой стилистики остались в стороне, а другие моменты не вызвали опасений у Ламанского; он опубликовал трактат Штура по-русски в 1867 г. под названием "Славянство и мир будущего", не внося никаких исправлений по содержанию. Обсуждение вопроса о сочинении Штура показывает, что в основе сотрудничества Ламанского и Смолера лежало сходство мировоззрений обоих ученых. Их контакты выражались также в обмене книгами. В 1862-1863 годах Ламанский состоял членом Матицы серболужицкой; был знаком также с крупными серболужицкими национальными деятелями М.Горником и А.Мукой.

[Извлечения из письма В.И.Ламанского министру народного просвещения (о лужицких сербах)] // ЖМНП. Ч. CXVI. 1862. Отд. IV. С. 111-119;

Syž J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Korespondenca z W.I.Lamanskim w lětach 1860-1872 // Lětopis. A 16/1 (1969). S. 62-73;

Лантеева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 191-192, 246-250 и др.;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 203-205 и др. (по указателю).

Ламанский Владимир Иванович // Русские писатели. 1800-1917. Т. 3. М., 1994. С. 283-285.

**НИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПОПОВ
(1833-1892)**

Историк России и южных славян, общественный деятель и публицист. Окончил Тверскую гимназию, а в 1854 г. – Московский университет. С 1860 по 1888 г. преподавал в нем русскую историю и историю славян, сначала в качестве адъюнкта, потом доцента и с 1869 г. – профессора. В 1862-1864 г. находился в заграничной командировке, посетил Германию и земли австрийских славян. Результатом его пребывания за рубежом стало хорошее знание славянских языков, славянской историографии и современного политического положения славян. По возвращении в Россию Попов стал преподавать историю славянских народов. Наряду с учебной Попов вел и активную научную деятельность, преимущественно в области истории славян. Важнейшее его сочинение - книга "Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии" (1869). Попов был активным публицистом и общественным деятелем, секретарем Славянского Благотворительного комитета в Москве; имел обширные связи с зарубежным славянством. Его общественная деятельность строилась на славянофильской основе. Но при этом Попов не принадлежал к воинствующим националистическим кругам, а ратовал за реалистический подход к "славянскому вопросу", пропагандировал культурное и научное сближение всех славянских народов на началах равноправия. В 1867 г. в Москве состоялась этнографическая выставка. Ее славянский отдел был организован Поповым, который не только лично познакомился со славянами, но и знал этнографические труды славянских ученых. На выставку прибыло 80 представителей зарубежных славянских народов. От лужицких сербов получили приглашение Я.А.Смолер, а также член Матицы серболужицкой, врач Петр Дучман. Попов постоянно общался с ними. Он стал также инициатором создания в Москве Этнографического отделения Общества Любителей Естественного знания, Археологии и Этнографии при Московском университете, был избран первым председателем этого отделения. В 1888 г.

он был назначен управляющим Московским Архивом Министерства юстиции, где возглавил работу по научному описанию фондов. Изданные под его редакцией 4 тома "Описаний документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ" и 2 тома "Актов Московского государства" имели большое значение для изучения истории России. В обширном научном наследии Попова имеются труды по истории Боснии, Далмации, Сербии, Болгарии. Занимался ученый и западными славянами – духовной культурой Чехии, историей Польши. Он также публиковал источники по истории славян и русско-славянских связей. В 1859 г. Попов познакомился с Я.А.Смолером, когда последний впервые прибыл в Россию. Во время пребывания серболужицкого национального деятеля на Этнографической выставке в Москве в 1867 г. ученые сблизились. Будучи секретарем Славянского Благотворительного комитета в Москве, Попов организовал материальную помощь лужицким сербам в их национальных мероприятиях: приобретении типографии, постройке Сербского дома в Будишине, издании журналов. Славянский комитет оплатил Смолеру дорогу на Этнографическую выставку в Москве и пребывание в России. Сохранившаяся переписка между Поповым и Смолером касается именно вопросов русской помощи лужицким сербам, а также обмена книгами между Матицей серболужицкой и учеными обществами России (во многих из них Попов был членом). В 1875 г. Попов был избран и почетным членом Матицы серболужицкой. Он поддерживал переписку также с организатором славянской книжной торговли в Лейпциге Я.Б.Пехом, которому русский ученый – как авторитетное среди славян лицо и как секретарь Московского Славянского Благотворительного комитета – помогал искать заказчиков в России для книготорговой фирмы "Смолер и Пех", а также хлопотал о финансовой поддержке этого серболужицкого издательства и центра книжной торговли. Хотя эта последняя акция Попову не удалась, сам ученый принимал участие в предприятии Смолера и Пеха, о чем свидетельствуют письма последнего к московскому профессору.

Сюжеты, касавшиеся лужицких сербов, затронуты и в публицистических трудах Попова. В 1866 г. в газете "Современная летопись" появилась его статья "Славяне в Саксонии", где речь идет о книге польского сорабиста В.Богуславского "Очерки истории лужицких сербов" и о журнале "Лужичан". Отметив, что последний выходит уже седьмой год, Попов анализирует однако лишь номера 1-6 за 1866 г. Внимание читателя обращено на помещенные в "Лужичане" очерки - М.А.Краля "Три года в России" и М.Горника "Путешествие в Варшаву и Краков". Полагая, что из

остальных материалов читателю будут особенно интересны те, в которых идет речь о литературной деятельности самих лужичан, референт останавливается на информации журнала по поводу "Словаря лужицких наречий в восьми выпусках" профессора К.Б.Пфуля. Отметим попутно, что позднее в Москве была предпринята попытка перевести словарь Пфуля на русский язык, причем перевод финансировался Московским Славянским Благотворительным комитетом, а переводчиками были (среди прочих) известные впоследствии ученые – Ф.Гиляров, Н.П.Кондаков и др. Всего было переведено 12 авторских листов, но, очевидно, работа не завершилась, словарь в России издан не был. Из других материалов "Лужичана" референт "Современной Летописи" выделил информацию о годичном заседании Матицы серболужицкой, а также об утратах серболужицкой культуры. Наряду со сведениями о развитии литературы у серболужичан Попов комментирует письмо прусского лужичанина Слепянского "Тиранство XIX века в Дольних Лужицах", а в заключение выражает опасение, что саксонским сербам может угрожать ухудшение их положения вследствие победы Пруссии в прусско-австрийской войне 1866 г. Чтобы читатель понял серьезность создавшегося положения для судеб лужицких сербов, автор считает необходимым изложить вкратце историю народа и привести данные о нем, содержащиеся в книге В.Богуславского, обращая особое внимание на современное состояние (численность, вероисповедания, развитие литературы и т. д.). Реферат Попова был замечен в Лунице. Смолер использовал его материал в деле воспитания славянского самосознания своих соотечественников.

Попов Н. Славяне в Саксонии // Современная Летопись. Воскресное прибавление к "Московским ведомостям". 1866. № 23. С. 9-11;

Syż J. Z ruskeho listowanja J.A.Smolerja. Korespondenca z N.A.Popowom w lětach 1873/1877 // Lětopis. A 17/1 (1970). S. 67-72;

Лантвева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 197-200 и др.;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 197-199, 258-260 и др. (по указателю).

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
КОТЛЯРЕВСКИЙ**
(1837-1881)

Ученый-славист, филолог, археолог, этнограф. Сын чиновника. Родился в предместье г. Кременчуг. Окончил Полтавскую гимназию и в 1857 г. Московский университет, где славистическую подготовку проходил у профессора О.М.Бодянского, но в изучении славянских древностей стал последователем профессора Ф.И.Буслаева, усвоив сравнительный метод исследования, сторонником которого был последний. Уже в студенческие годы Котляревский проявил блестящие способности и тогда же начал свою литературную и научную деятельность: в газете "Московские ведомости" и в журнале "Русский вестник" он публиковал статьи, а также рецензии на произведения русской литературы, обращая на себя внимание оригинальностью суждений и блестящей формой изложения. По окончании университета Котляревский преподавал в средних учебных заведениях Москвы, но в 1862 г. его арестовали по так называемому "Кельсиевскому делу". В.И.Кельсиев (1836-1878), преследовавшийся властями за революционную деятельность, в 1858 г. эмигрировал из России, но в 1862 г. нелегально приехал на родину. Котляревский случайно с ним встретился и обменялся несколькими книгами. Полиция провела об этих встречах, и молодой ученый был отправлен в Петропавловскую крепость. Спустя 6 месяцев его освободили за отсутствием состава преступления, но с запретом поступать на государственную службу по учебному ведомству, и до 1869 г. он находился под полицейским надзором. Пребывание в сыром каземате отразилось на здоровье Котляревского, он заболел туберкулезом. Вернувшись из Петербурга в Москву, Котляревский стал сотрудником Московского Археологического общества. В 1866 г. он, по получении степени магистра за диссертацию "О погребальных обрядах языческих славян", стал профессором в Дерптском университете, где и работал до 1873 года. В 1874 г. он получил степень доктора славянской словесности за труд по древней истории поморских и балтийских славян, и в 1875 г. был избран профессором по кафедре славянской филологии в Киевском университете, где работал до конца дней. Умер в Италии.

Котляревский был славистом нового типа. Воспитанник Московского университета не только не усвоил широко распростра-

ненных там славянофильских взглядов, но и выступал с их критикой. Он глубоко изучил немецкую филологическую науку, усвоил сравнительный метод исследования и применил его для изучения славянства и русской народности. Широко и разносторонне образованный ученый исследовал язык, этнографию, археологию, историю литературы славян, их мифологию, памятники письменности, религию, историю в целом и т.д., подвергая исторические и другие источники сравнительному анализу. Отношение Котляревского к современным ему славянам отличалось трезвостью. Сочувствуя их угнетенному положению, видя и признавая их достоинства, Котляревский не впадал однако в крайности критики “германизма”, а с полной объективностью оценивал достижения немецкой науки. Ученый оставил после себя более 100 работ, каждая из которых была плодом широкой эрудиции, а многие - новым словом в науке о славянах. Заняв кафедру в Киевском университете, Котляревский организовал преподавание славистических дисциплин и исследование славянства в соответствии с требованиями современной ему науки. За короткое время он прочитал в Киевском университете ряд замечательных курсов. Его лекции были содержательны, логичны по построению и поучительны. В курсе по истории славяноведения, читанном в 1878-1881 годах и сохранившемся в записи учителя 1-й Киевской гимназии М.Л.Лятошинского, соответствующее место отведено и сербам-лужичанам. Излагая историю славянской филологии, Котляревский останавливается на славистических изысканиях Карла Готтлоба фон Антона и характеризует его книгу “Первый опыт описания происхождения, нравов, обычаев, мнений и знаний древних славян”. Сведения о самих лужицких сербах и их литературе изложены в курсе лекций, читанном в 1878/79 г., а именно в разделе, где характеризуются западные, в том числе и полабско-балтийские славяне. Лектор констатировал, что сохранились до настоящего времени лишь лужицкие сербы - самое малочисленное славянское племя, насчитывающее около 200 тысяч человек и населяющее часть Саксонии и Бранденбурга. Указав на постепенное онемечивание лужицких сербов, Котляревский не вдавался в причины этого явления, констатируя лишь то, что “они уцелели каким-то чудом”. Котляревский касался далее таких вопросов, как состояние языка и литературы, считал, что в 40-х годах XIX в. произошло возрождение серболужицкой народности и характеризовал ее письменность со времен Реформации. Затем в лекциях говорится об отдельных представителях серболужицкой литературы. Котляревский не разделяет авторов по национальности и наречиям. Все они для него – “лужичане”; при этом и сербы, и немцы (такие как К.Г. фон Антон

или Гаупт) внесли одинаково важный вклад в возрождение серболужицкой народности. Затем Котляревский излагает материал о новой литературе малого народа, упоминает имена Я.А.Смолера, Г.Зейлера, Я.П.Иордана. Указано на издание в начале 40-х годов народных песен, собранных Л. Гауптом и Я.А.Смолером, на выход серболужицких газет и журналов, в том числе "Часописа" Матицы серболужицкой - культурной и научной организации, созданной в 1847 году "старанием двух сербских патриотов: Смолера и Клина". Далее характеризуется содержание "Часописа", деятельность Матицы и ее функционеров. Упоминается и об издании журнала "Лужичан". Изложение вопроса о положении лужицких сербов и об их литературе заканчивается в записанных лекциях в минорном тоне. Говорится, что лужицкие сербы, хотя и "отбиваются" от влияния немцев, но все же постепенно им "поддаются", что Нижняя Лужица уже онемечена и вообще "лужицкое племя скоро станет добычей немцев".

В целом, оценивая материал о лужицких сербах в лекциях Котляревского, необходимо констатировать, что даже на основании конспекта одного из слушателей, то есть источника весьма несовершенного, можно судить о богатстве знаний профессора, о новизне материала для своего времени и о знакомстве лектора с современным состоянием предмета.

Котляревский А.А. Сочинения. Т. 1-4. СПб., 1890-1895;

Пыпин А.Н. Очерк биографии А.А.Котляревского // Котляревский А.А. Сочинения. Т. 4. СПб., 1895;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 206-208 и др. (по указателю);

Власова З.И. А.А.Котляревский в Праге // Литературные связи славянских народов. Исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С. 291-305;

Лантева Л.П. Русский славист А.А.Котляревский и его связи с чешскими учеными (по материалам неопубликованной переписки с А.Патерой) // Российское общество и зарубежные славяне XVIII - начала XX веков. М., 1992. С. 118-130.

Lapteva L.P. O Serbach Łużyckich w notatkach z wykładów profesora Uniwersytetu w Kijowie A.A.Kotlarewskiego (1837-1881) // Zeszyty Łużyckie. T.13. Warszawa, 1995, N 3(15). S. 7-16.

**АНТОН СЕМЕНОВИЧ
БУДИЛОВИЧ
(1846-1908)**

Филолог, славист, историк, публицист и общественный деятель. Родился в семье униатского священника. Вероятно, детские впечатления о постоянных притеснениях его семьи, жившей в Гродненской губернии, повлияли на формирование в нем резко отрицательного отношения к католикам и католичеству, что впоследствии нашло свое выражение в его творчестве. Среднее образование Будилович получил в Литовской духовной семинарии, а в 1863 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где проходил обучение славяноведению у профессоров И.И.Срезневского и В.И.Ламанского. По окончании университета в 1867 г. Будилович находился в заграничной командировке, а, возвратившись в Петербург, стал стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по славянской филологии. В 1871 г. он получил степень магистра, а в 1872 г. был командирован с научной целью за границу на два года, в течение которых объехал славянские области Германии, Австро-Венгрии и Европейской Турции, а также Сербию, Черногорию, Румынию. Задачей путешествия было изучение славянских наречий, литератур и этнографии. В 1875 г. Будилович занял должность профессора русской-славянской филологии историко-филологического института в Нежине, в 1879 г. защитил диссертацию на степень доктора славянской филологии по теме "Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным", а в 1881 г. был переведен в Варшавский университет, где занял кафедру русского и церковно-славянского языков. В 1885 г. под его редакцией вышел "Мефодиевский юбилейный сборник", в котором нашла отражение его резкая антикатолическая позиция. В 1892 г. Будилович редактировал журнал "Славянское обозрение", орган Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. В этом журнале публиковались статьи о лужицких сербах как русских, так и серболужицких авторов. С 1892 по 1901 г. Будилович был ректором Юрьевского (быв. Дерптского) университета. Вернувшись в Петербург, он продолжил публицистическую деятельность, а в 1907 г. занял пост редак-

тора газеты “Московские ведомости”, в которых при нем очень вырос удельный вес славянского отдела. Но на этот раз редакционная работа Будиловича была прервана его смертью.

Свою научную и публицистическую деятельность Будилович подчинил идее общеславянского объединения на основе преобладания русского народа и русского языка. Большая группа его работ посвящена вопросам общеславянского языка, литературного единства всех славян, современного положения славянских народов, изучения славянского мира, периодизации истории славян. Его публицистические статьи затрагивали и злободневные вопросы русской жизни. Будилович занимался преимущественно языкознанием. Вопросам славистической лингвистики и этнографии посвящены обе его диссертации, причем докторская нашла значительный отклик среди специалистов. Будилович подготовил также несколько исторических сочинений, в их числе “Чехия и Моравия” (1871, совместно с А.П.Нарановичем), “Очерки сербской истории” (1877), “Несколько данных и соображений из области общественной и экономической статистики Чехии, Моравии и Австрийской Силезии в последние годы” (1875). Писал он статьи и на другие темы, например, по истории гуситского движения. В политическом аспекте Будилович представлял крайне правые убеждения, стремился к укреплению русского самодержавия и насаждению среди всех славян православно-русских начал, выступал против парламентской системы управления, всеобщего равного избирательного права, университетской автономии, отказывал в праве на самоопределение и собственное развитие всем народам России кроме русского.

В своей литературной и редакторской деятельности Будилович уделял внимание и лужицким сербам. В 1871 г. в сборнике “Поэзия славян” под редакцией Н.В.Гербея был напечатан составленный Будиловичем очерк серболужицкой литературы. Автор начинает свое изложение традиционно: называет общее число лужицких сербов (200 тысяч человек), указывает на места их расселения, упоминает о разделении по языку и религии и констатирует, что Лужица по ее размерам “не более уезда любой русской губернии”. Такое же выражение применил еще А.Гильфердинг в очерке “Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии” (1856); видимо, Будилович при характеристике серболужицкой литературы пользовался указанной работой. История литературы лужицких сербов начинается у Будиловича со времен Реформации. Автор приводит сравнение с аналогичными, по его мнению, процессами в Крайне, Хорватии, Словении. Это и другие сравнения (например, Г.Любенского – с Я.Колларом, Я.А.Смолера – с

Л.Штуром) предложены автором без анализа исторических условий деятельности указанных лиц и выглядят искусственными. Перечень представителей серболужицкой литературы у Будиловича достаточно велик, вместе с известными деятелями он включает и второстепенных без различий в оценках вклада каждого в общий литературный процесс. К.Г. фон Антон, Г.Э.Лессинг и Г.В.Лейбниц безоговорочно причисляются к “славянам”, что представляет собой явную ошибку.

Кроме общего очерка серболужицкой литературы в описываемом сборнике под редакцией Н.Гербеля помещены краткие биографии Г.Зейлера, Я.Бука, К.Б.Пфуля и М.Горника, написанные, вероятно, тоже Будиловичем. Составлены они на невысоком научном уровне, характеристики творчества упомянутых лиц поверхностны, жизненный путь их не обрисован, а в фактических сведениях, как и в общем очерке литературы много ошибок. В целом статья Будиловича уступает написанной пятнадцатью годами ранее работе Гильфердинга и не достигает уровня сведений о серболужицкой литературе, приведенных в “Обзоре славянских литератур” А.Н.Пыпина (1865) ни по глубине анализа, ни по идейному содержанию. Но при всем этом в статье Будиловича чувствуется симпатия автора к сербам-лужичанам, в ней содержится и призыв к славянам помогать самому малому славянскому народу.

В статье, посвященной славянским матицам (1869), Будилович дает краткую справку и о Матице серболужицкой в Будишине. Автор характеризует ее издания и прежде всего “Часопис”, указывая, что в нем помещены филологические и этнографические труды Я.А.Смолера, Я. Бука, Я.Г.Имиша, Г.Бориша, критические исследования и заметки К.А.Йенча, М.Горника и др., а также естественно-исторические работы ряда других авторов. Упомянуто и об издании Матицей серболужицко-немецкого словаря К.Б.Пфуля (1866). Но и в этой статье не обошлось без ошибок. Так, Будилович приписывает Матице издание знаменитого сборника песен Л.Гаупта и Я.А.Смолера, тогда как эта книга вышла в свет задолго до возникновения Матицы. Приводит автор также цифры тиражей серболужицких изданий Матицы.

Привел Будилович сведения о лужицких сербах и в приложении к этнографической карте славянских народностей, изданной Санкт-Петербургским отделом Славянского Благотворительного комитета в 1875 г. Здесь автор указывает, что верхнелужицких сербов насчитывается 95 тысяч человек, а нижнелужицких - 40 тысяч; католиков - 10 тысяч (все в Верхней Лужице), остальные - протестанты (в Нижней Лужице католиков нет). Являясь издателем журнала “Славянское обозрение”, Будилович также побуждал

некоторых ученых писать на серболужицкие темы. Например, как свидетельствуют его письма к одному из самых крупных серболужицких ученых А.Муке, Будилович предлагал ему прислать библиографический обзор важнейших верхне- и нижнелужицких сочинений по литературе, этнографии, истории и филологии за 1891 год. Мука на предложение откликнулся, и в 1892 г. статья была опубликована под псевдонимом “Мильчанин”.

Будилович не оставался в стороне и от оказания материальной помощи на постройку Сербского дома в Будишине. Как свидетельствуют его письма А.Муке, он не только выделял дотации из своих собственных средств, но и указывал на лиц, которые могли бы принять участие в организации финансовой поддержки на строительство дома.

Будилович А. Лужицкая литература // Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под ред. Н.В.Гербея. СПб., 1871. С. 529-530;

Будилович А. Славянские Матицы и ученые дружества // ЖМНП. Ч. CXLI. 1869. № 2. С. 472;

Статистические таблицы распространения славян: а) по государствам и народностям; б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам. С объяснительною запискою А.С.Будиловича. СПб., 1875;

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 86-88;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 276-279 и др. (по указателю).

ИВАН САВВИЧ ПАЛЬМОВ (1856-1920)

Историк. Родился в Рязанской губернии в семье священника. Окончил Рязанскую духовную семинарию, а затем, в 1880 г., Петербургскую духовную академию. В июле 1881 г. защитил магистерскую диссертацию “Вопрос о чаше в гуситском движении” и, готовясь к занятию вновь учрежденной в академии кафедры истории славянских церквей, почти три года (1881-1884) пробыл в заграничной командировке, совершенствуя свое образование, ра-

ботая в архивах и библиотеках. Он побывал во многих славянских городах, а также в Афинах и Бухаресте. Долго жил в Праге. В 1882 г. посетил Гернгут, где работал в архиве чешских братьев. В 90-е годы и в начале первого десятилетия XX в. работал над докторской диссертацией, в связи с чем в течение 1903-1904 г. снова жил в Праге, где и издал свою диссертацию "Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия" (Т. I. Ч. 1-2. 1904). Получив за нее степень доктора церковной истории, Пальмов стал ординарным профессором кафедры истории славянских церквей, которую и занимал в Петербургской духовной академии в течение 30 лет. По истории славянских церквей, составлявшей главное направление его исследований, он издал большое число статей и брошюр. Обе его диссертации были для своего времени значительными достижениями науки и получили широкий отклик как в России, так и за ее пределами. Пальмов был избран членом ряда ученых обществ, а в 1916 г. стал действительным членом Российской Академии наук. Политические взгляды Пальмова отличались определенным консерватизмом. Он отрицательно относился ко всяким общественным переменам, примыкал по своему мировоззрению к славянофилам, но не отказывался от общения со славянами католического и лютеранского вероисповеданий. В своих исследованиях Пальмов проводил в основном славянофильскую концепцию истории славян, временами впрочем от нее отступая.

Лужицких сербов Пальмов посетил в 1882 г. О своем пребывании в Будишине он сообщил в письмах чешскому ученому, библиотекарю Чешского музея Адольфу Патере (письма хранятся в архиве в Праге), и в отчете о своих занятиях за границей перед Петербургской духовной академией; отчет был опубликован. В письме к Патере от 7 июня 1882 г. Пальмов извещает адресата, что, прибыв в Будишин, был с большим радушием принят в среде серболужицких патриотов, познакомился с А.Мукой и М.Горником, который, как пишет Пальмов, "открыто заявляет", что умест говорить на трех славянских наречиях – русском, чешском и польском. В другом письме Пальмов сообщает Патере, что постоянно бывает в обществе серболужицких патриотов и предпринимает экскурсии по различным местам Будишина и его окрестностей. Присутствовал Пальмов также на еженедельном собрании Матицы серболужицкой и был приятно удивлен проявлениями народного энтузиазма. В конце июня 1882 г. Пальмов перебрался из Будишина в Гернгут для изучения тамошнего архива Чешских братьев. Отсюда он тоже написал Патере письмо, в котором рассуждал о факторах, позволивших луицким сербам уцелеть не-

смотря на их малочисленность и тяжелые условия общественно-политического существования. Убедительного объяснения такого явления Пальмов не находит, но, уверенный в том, что лужицкие сербы будут существовать и дальше, призывает всех друзей славянства оказывать малому народу материальную поддержку. В отчете перед Петербургской духовной академией Пальмов сообщал, что в Будишине изучал опубликованные источники и пособия, имеющиеся в библиотеке Матицы серболужицкой и в частной библиотеке «известного серболужицкого патриота и деятеля г. Горника». Как и в других славянских землях, Пальмов начинал знакомство с народом «с подробного и обстоятельного – теоретического и практического – изучения наречия», а потом переходил к изучению источников по истории «племени». Пальмов отмечает, что большая часть литературы по серболужицкой проблематике принадлежит иностранным ученым (крупнейшие их сочинения перечисляются), а «все, что имеется на серболужицком наречии, находится, главным образом, в “Журнале Серболужицкой Матицы” и некоторых других изданиях». Занимаясь историческими судьбами серболужицкого народа, Пальмов, как он сам констатирует в “Отчете”, обращал внимание и на его современное положение в общественно-политическом и церковном отношениях, на состояние его литературы и проч. Результат своих наблюдений и исследований Пальмов изложил в статье “Из поездки к сербо-лужичанам”. Здесь он коротко коснулся истории серболужицкого народа и предложил ее периодизацию, в основе которой лежат отношения сербов-лужичан с соседними славянскими народами и с немцами. Характеризовал Пальмов в этой статье и состояние серболужицкой литературы, упомянул о верхне- и нижнелужицких газетах и журналах, отметил распространенность календарей, специально остановился на различных серболужицких обществах и товариществах, на ежегодных собраниях студентов, музыкальных и театральных вечерах. Далее он отметил, что финансирование всех организаций и мероприятий осуществляется как из скудных средств самого народа, так и из пожертвований зарубежных славян. Понятно, что будучи церковным историком, Пальмов обратил особое внимание на устройство церкви у лужицких сербов и на содержание церковных журналов. Признав, что местные католики считают православных славян (русских, балканских сербов, болгар) схизматиками, Пальмов далее с удовлетворением отмечает, что вообще сербы-лужичане “не усердствуют в ультрамонтанизме”. Весьма импонировало русскому ученому сотрудничество

между представителями католического и протестантского вероисповеданий.

К сказанному можно добавить, что, будучи одним из руководителей Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества, ученый, естественно, имел в этой организации большой вес, а в 1894 г. был инициатором предоставления ею ссуды Матице серболужицкой на строительство Сербского дома, о чем свидетельствуют архивные документы общества.

Пальмов И.С. Отчет о пребывании за границей за период с 8 ноября 1881 г. по 1 августа 1882 г. // Христианское чтение. 1883. № 9-10. С. 97-113;

Пальмов И.С. Из поездки к сербам-лужичанам // Христианское чтение. 1883. № 3-4. С. 446-464;

Лантвева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 257-261;

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 256-261;

Lapteva L.P. Der russische Slavist I.S.Pal'mov (1856-1920) und die Sorben // Lëtöpis. В. 23/2 (1976). S. 151-160;

Lapťevova L.P. Ruský slavista I.S.Pal'mov a jeho styky s Čechami // Československo-sovětské vztahy. IX. 1980. S. 129-159.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЫПИН **(1833-1905)**

Выдающийся представитель русской культуры XIX века, литературовед, этнограф, публицист. Образование получил в Саратовской гимназии и Петербургском университете, который окончил в 1853 г. по разряду общей словесности. В 1853 г. стал магистром, а 1858-1859 г. находился в заграничной командировке для подготовки к профессорскому званию, посетил Германию, Францию, Голландию, Италию. В ходе этой поездки, а также и позднее бывал в Праге. В 1860 г. Пыпин стал профессором кафедры всеобщей истории литературы в Петербургском университете, но в 1861 г. - в знак протеста против политики правительства в отношении высшей школы - вместе с группой профессоров оставил

университет и занялся научной и публицистической деятельностью. Литературное наследие Пыпина состоит из более чем 1200 работ по истории общественной мысли, этнографии, фольклору, археографии, истории науки. В 1898 г. Пыпин был избран академиком Российской Академии наук.

Ученый глубоко интересовался духовной культурой славян. Принадлежа по своим политическим взглядам к либерально-демократическому крылу русской интеллигенции, он отрицал идеи славянофилов и критиковал их, решительно выступал против националистического панславизма. Однако отмечал Пыпин и тот факт, что западники относятся к славянскому вопросу равнодушно и вообще не интересуются славянами. Выступал он и за равноправие всех славянских народов, видя возможность их сближения на основе европейской цивилизации.

Выдающимся трудом Пыпина по славянским сюжетам явился "Обзор истории славянских литератур", вышедший первым изданием в 1865 г. В нем изложена история литератур зарубежных славянских народов с древности до эпохи национального возрождения славян включительно. Пыпин стремился рассматривать историю славянских литератур на фоне славянской и всемирной истории, подчеркивая органическую связь писателей и их творчества с исторической средой и религиозными течениями, а историю литературы - с историей умственной жизни. Литература трактовалась Пыпиным как плод жизни народа, как естественный результат развития идей и общественных отношений своего времени. Такой подход к славянским литературам был в то время совершенно новым явлением. В 1879-1881 г. вышло второе, переработанное и сильно расширенное издание "Обзора", состоявшее уже из двух томов, под названием "История славянских литератур"; оно доводило изложение предмета до 70-х годов. Соавтором Пыпина был В.Д.Спасович, но ему принадлежат разделы только по польской литературе.

Литературе лужицких сербов отведена во втором томе книги целая глава. Сначала автор предпринимает экскурс в историю балтийского славянства, затем характеризует места расселения, численность, религиозную принадлежность лужицких сербов, приводя краткие сведения и из их истории. Освещение литературных памятников автор начинает с эпохи Реформации и перечисляет издания религиозной литературы на серболужицком языке. Читатель главы получает сведения о деятелях на поприще просвещения лужицких сербов, о тех, кто внес вклад в развитие их языка. Показано, как политические события в Европе влияли на положение малого народа и на его литературу. Новый период в этой литера-

туре наступает, по мнению автора, с конца 30-х годов XIX в., когда и начинается серболужицкое возрождение. В главе дается характеристика Я.А.Смолера, Я.П.Йордана, М.Горника и других серболужицких деятелей, упомянуты основные серболужицкие газеты и журналы, говорится о возникновении Матицы серболужицкой и ее "Часописа". Касается автор также литературы и патриотического движения в Нижней Лужице. Изложение истории серболужицкой литературы завершается утверждением, что возрождение малой славянской народности представляет собой один из самых удивительных примеров славянского движения. Однако серболужицкая литература, по мнению Пыпина, обречена оставаться элементарной, ограничиваться книжками для первоначального обучения и для простонародного чтения; книга, выходящая за рамки элементарной и простонародной тематики, лишена материальных возможностей существования, ее некому покупать. Такая литература, по убеждению Пыпина, не может двигать вперед цивилизацию, но зато "сохраняет народную личность".

Труд Пыпина возбудил небывалый интерес в славянских и других странах. Уже в год выхода в свет "Обзора" Смолер откликнулся на него в журнале "Лужичан", подробно изложив в обширном реферате содержание серболужицкой главы. В 1880–1884 г. лейпцигское издание Брокгауза выпустило двухтомный труд Пыпина в трех томах. Переводчиком на немецкий язык был серболужицкий литератор Ян Богвер (Трауготт) Пех, причем этот патриот славянства не только переводил Пыпина, а и до того помогал ему сообщением сведений о культурной и научной жизни своего народа, в результате чего автор "Истории" и получил возможность сравнительно подробно обрисовать в своем труде историю серболужицкой письменности. Сам Пех, основательно переработав и дополнив главу о серболужицкой литературе, издал новую версию в Лейпциге в 1884 г. на немецком языке как отдельную брошюру под названием "Das wendisch-serbische Schrifttum in der Ober- und Niederlausitz von A.N.Pypin. Aus dem Russischen übertragen sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Traugott Pech". Эта брошюра представляла собой первую подробную историю серболужицкой литературы. А еще до этого Я.А.Смолер опубликовал текст той же главы труда Пыпина и по-серболужицки под названием "История лужицко-сербской литературы" (1881).

"История славянских литератур" Пыпина и Спасовича имела как положительные, так и отрицательные отзывы. Что же касается лужицких сербов, то об их реакции можно судить по содержа-

нию письма Пеха Пыпину от 4 ноября 1880 г., где сказано, что земляки автора письма очень счастливы в связи с выходом главы об их литературе. По мнению Пеха, Пыпин создал нечто большее, чем просто историю литературы; это одновременно и “славянская философия на литературно-исторической основе”. В переводе Пеха было опущено упоминание Пыпина о помощи русских друзей в деле приобретения малым народом Сербского дома и о той дополнительной поддержке, которую ожидают сербские патриоты от России, чтобы довести до конца начатое дело. Серболужицкие деятели охотно принимали русскую помощь, добивались ее, однако предпочитали сведений о ней не предавать гласности, опасаясь обвинений в “антипатриотизме”. Таков был подход серболужицких патриотов к славянской взаимности, связанный с условиями их жизни... Что же касается перевода Я.Б.Пехом всей книги Пыпина, то именно это издание стало в первую очередь тем источником, из которого впоследствии западно-европейские литературоведы черпали материал о славянских литературах. Также и концепция “Истории славянских литератур” оказала влияние на более поздних исследователей.

Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Изд. 2. Т. 2. СПб., 1881. С. 1062-1092;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучения южных и западных славян. М., 1988 (по указателю);

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 286-289;

Ровда К.И. Чехи и русские в их литературных взаимоотношениях. 50-60-е годы XIX в. Л., 1968;

Zeil W. Slawische Solidarität und slawisch-deutsche Wechselseitigkeit im Wirken Jan Bohuřer Pjechs (1838-1913) // *Lëtopis*. A 26/1 (1979). S. 62-86.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЧУБИНСКИЙ (1845-1907)

Историк и филолог-славист. Родился в Кишиневе в семье священника. Окончил Одесскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1867), где проходил славистическую подготовку у профессора О.М.Бодянского, но своим учителем считал прежде всего профессора русской истории Н.А.Попова, пробудившего в Кочубинском интерес к славяноведению. По окончании университета Кочубинский работал учителем гимназии, а с 1871 г. стал преподавать славянскую филологию в Новороссийском университете (Одесса), где подготовил магистерскую и докторскую диссертации и проработал до конца жизни. Развитие славистики в Новороссийском университете связано в очень большой мере с его именем. В качестве профессора по кафедре славянской филологии (с 1877 г.) Кочубинский преподавал весь цикл славистических дисциплин: славянские языки (в том числе и серболужицкий), славянские литературы, церковнославянскую филологию, историю славян и т.д.

Активно работая в области изучения славян, он был членом ряда ученых обществ и академий как в России так и за рубежом и одним из основателей Историко-филологического общества при Новороссийском университете. По своим взглядам Кочубинский был консерваторм, но в политической жизни не участвовал. Для его мировоззрения характерно отрицание славянофильского подхода к истории славян; он не поддерживал тезиса о необходимости активного распространения русского языка и православной религии среди всех славян, а в своих сочинениях проводил мысль о пользе славянской взаимности, под которой понимал духовное единство славян, их тесное сближение на культурном и научном поприще. При этом он осуждал всякое проявление славянского партикуляризма и отдаления зарубежных славян от России, считал католицизм враждебным славянству, в том числе и русскому народу.

Своими трудами Кочубинский внес большой вклад в славяноведение, однако по их научному значению его работы неравноценны. Так, труды ученого по языкознанию не были приняты современной ему наукой. Работы же по истории, напротив, заслужили высокую оценку: они были основаны на новых архивных материалах и содержали прогрессивные мысли. В истории Чехии Кочубинский исследовал в основном две проблемы: 1. Религиозную борьбу в Чехии от возникновения Общины чешских братьев, о чем он написал важную монографию под названием "Братья подобои

и чешские католики в начале XVII в.” (магистерская диссертация, 1873 г.), и 2. Чешское национальное возрождение. Имеются у него работы и по более ранней истории Чехии. Наиболее же ценными в творческом наследии Кочубинского представляются его труды по истории славяноведения. К ним относятся монографии “Адмирал Шишков и канцлер гр. Н.П.Румянцев. Начальные годы русского славяноведения” (1887-1888), “Итоги славянской и русской филологии” (1882), “Граф Сперанский и устав 1835 года” (1894), “Граф С.Г.Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов” (1896), а также биографические работы об отдельных славистах.

В 1874-1876 г. Кочубинский изучал славянскую филологию в славянских странах и посетил лужицких сербов. О своем пребывании у них он писал в отчете 1875 года, который был опубликован. В Будишин Кочубинский приехал из Праги и провел в нем 10 дней. В начале своего отчета Кочубинский характеризует серболужицкие наречия и рассуждает об их происхождении и причинах сохранения. Далее он пишет, что совершил из Будишина поездку в Кросцицы (Chrósćicy, нем. Crostwitz), где провел несколько дней, упражняясь в народной речи, знакомясь с бытовой обстановкой, жилищами и хозяйством жителей. Посетил он также католическую обедню, где обратил внимание на своеобразный праздничный наряд серболужицких женщин. Из Кросциц Кочубинский добрался до Каменца, а оттуда - частично по железной дороге, частично пешком - до Нижних Лужиц, где, будучи гостем учителя Г.Йордана и местного пастора Я.Б.Маркуса, также ознакомился с одеждой и обычаями сербов Нижней Лужицы. Затем Кочубинский дошел до Котбуса, который произвел на него впечатление “центра весьма слабой литературной жизни лужичан”, а оттуда уехал поездом в Берлин. Задачей путешествия Кочубинского было прежде всего изучение языка. Русский славист исследовал его древнее и современное состояние по работам М.Горника, К.Б.Пфуля, К.А.Йенча, Я.Бука и др., опубликованным в “Часописе” Матицы серболужицкой. Изучал русский ученый и другие издания - журналы и газеты. Особенно благодарен он был М.Горнику за обстоятельные объяснения фонетических особенностей обоих серболужицких наречий. Я.А.Смолер предоставил Кочубинскому возможность воспользоваться “Катехизисом” 1597 г. Далее русский ученый познакомился с отрывком из нижнелужицкого перевода Библии, выполненного Якубицей в 1548 г., старейшим памятником нижнелужицкого языка. Нижнелужицкий учитель Г.Йордан консультировал Кочубинского по вопросам особенностей местного наречия. В Берлине Кочубинский предполагал заняться прежде всего опять же Библией в переводе Якубицы, один из экземпляров

хранился здесь в Королевской библиотеке. Однако памятника на месте не оказалось, и русский ученый занялся другим, несравненно менее важным образцом нижнелужицкого языка XVI в. Кроме того Кочубинский посетил в Берлине еще и лекции двух профессоров университета по различным вопросам языкознания.

В общем одесский славист обстоятельно познакомился с памятниками серболужицкого языка и с состоянием современной ему литературы о сербской духовной жизни. Однако в опубликованных трудах ученого это знакомство не отразилось. Есть упоминание о том, что в университетских лекциях по славянским языкам профессор характеризовал и серболужицкие наречия, но тексты лекций не сохранились.

Отчет (второй) о занятиях славянскими наречиями с 1 февраля по 1 августа 1875 г. доцента Императорского Новороссийского университета А.Кочубинского // Записки Императорского Новороссийского Университета. Т. 20. Одесса, 1875. С. 77-105;

Кочубинский А.А. Славянские наречия и сравнительное языкознание // Там же. Т. 8. 1872. Отд. 2. С. 1-49;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 218-220, 288-292 и др. (по указателю);

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 194-196;

Юрченкова Л.В. Из истории русского славяноведения: А.А.Кочубинский (1845-1907) // АН СССР, ИНИОН - Москва, 1987. 172 стр. - рукопись депонирована в ИНИОН, № 29135 от 17.04.1987 г.

КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ ГРОТ (1853-1934)

Славист, историк и филолог. Сын академика Я.К.Грота и писательницы Н.П.Грот. Окончил гимназию в Петербурге и историко-филологический факультет Петербургского университета (в 1876 г.), где изучал славяноведение у профессора В.И.Ламанского. Был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию и в 1881 г. защитил магистерскую диссертацию "Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.", а в 1889 г. - доктор-

скую - "Из истории Угрии и славянства в XII веке". С 1883 г. до конца XIX в. Грот занимал должность профессора кафедры славянских литератур, истории и древностей в Варшавском университете. Обе его диссертации отличаются обширной источниковой базой и до настоящего времени не утратили своего научного значения по имеющемуся в них фактическому материалу. Впоследствии Грот уделял внимание различным вопросам исторической и культурной жизни славян, а также исследованиям о славянах. В конце XIX в. Грот считал себя славянофилом старой московской школы с ее "романтизмом и демократичностью". Он не разделял взглядов современных ему поздних славянофилов, идеи насаждения среди всех славян православия, русского языка и т. п. В политическом отношении Грот выказывал верноподданнические чувства режиму, но часто высказывался и в духе либерализма. В Варшавском университете он читал лекции о славянских древностях, историю чешской литературы и южнославянских литератур, историю литературных связей между Востоком и Западом. Грот был членом Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества, а также многих научных форумов как в России, так и за границей, с 1911 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук, почетным членом Сербской Академии наук, Чешской Академии наук и искусств и т. д. В 1899 г. Грот оставил Варшавский университет и переехал в Петербург, где продолжал славистические исследования, занимался публикацией материалов по истории русской литературы пушкинской поры, а также трудов своего отца Я.К.Грота; К.Грот издал также его жизнеописание и корреспонденцию. Учено-литературную деятельность К.Грот сочетал с архивными изысканиями. В 1905 г. он получил должность заведующего Общим архивом Министерства императорского двора, где под его руководством вышло 40 томов известной исторической хроники - "Камер-фурьерских церемониальных журналов". В этой должности он работал 17 лет, из них 5 лет при советской власти - до 1922 г. В 1923 г., ввиду реорганизации архивного ведомства, Грот ушел на пенсию, но продолжал издавать очерки биографий русских писателей и поэтов первой половины XIX в. (Державина, Крылова, Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Козлова, Вяземского, Баратынского, Гоголя и др.). Кроме того он издал ряд работ, дополняющих материалы о Пушкине, среди них - "Пушкинский лицей".

В 1882-1883 г. Грот находился в заграничной командировке в славянских землях и в сентябре 1882 г. посетил лужицких сербов. О своих впечатлениях и знакомствах он сообщал в письме из Праги В.И.Ламанскому от 23 августа/4 сентября 1882 г. Он писал, что

вернулся в Прагу после небольшого путешествия в Будишин и находится под приятным впечатлением от этой поездки. Поскольку Грот, по его собственным словам, не имел никаких специальных ученых целей, он решил пробыть в Будишине и его окрестностях всего несколько дней, чтобы ознакомиться с жизнью и особенностями серболужицкого народа, отдельными его представителями и их деятельностью. Он сообщает, что встретили его “с редким радушием и гостеприимством”, главным его руководителем при знакомстве с Лужицей был А.Мука, издатель литературного журнала “Лужица”. Далее Грот извещает Ламанского, что лужицкие сербы посвятили его в свою ученую и литературную деятельность, снабдили всевозможными их изданиями, познакомили со своими наиболее интересными людьми, повели по серболужицким селам и деревням. Грот замечает, что стал понимать серболужицкий язык, когда говорят медленно. Сам он объяснялся в Будишине по-чешски и по-русски. “Горник порядочно говорит по-русски”, - констатирует Грот. Указав на то, что среди жителей Лужицы есть и другие люди, владеющие русским языком, ученый называет в их числе учителя Шолту, у которого есть ряд русских газет и журналов. По наблюдениям русского ученого, между протестантской и католической средой лужицких сербов никакого антагонизма нет, выше религиозных стоят интересы национальные, которым все и служат, не увлекаясь никакими другими идеями. “Приятно, легко живется среди этих достойных сынов славянской семьи, утопающих в немецком море, но все еще крепко и высоко держащих славянское знамя в упорной борьбе с готовыми их поглотить жадными германскими волнами!”,- восклицает Грот. Есть в письме и отзывы об отдельных выдающихся представителях серболужицкой народности. Грот полагает, что Я.А.Смолер уже “слишком стар” для активной работы, а его сын, который заведует книжной лавкой и типографией, а также редактирует “Сербске новины” - “деятельный мальчик, но, к сожалению, без высшего образования”. Грот познакомился еще и с Я.Г.Имишем, организовавшим семинарию молодых кандидатов, готовившихся к сану священников. “К нижним лужицанам я не ездил, ибо не было времени, и притом интересных лиц, литераторов там нет”, - заключает Грот свое сообщение.

Возвратившись в Россию, Грот опубликовал статью “Из поездки к лужицанам”, в которой кроме своих впечатлений привел также информацию о содержании выходящих в Будишине серболужицких журналах, особенно последнего выпуска “Часописа” Матицы за 1882 год, и выразил мнение, что “жизнь, литература и язык любопытного народца заслуживают полного внимания и все-

стороннего изучения, а деятельность его имеет безусловное право на наши симпатии и посильную поддержку”.

Грот находился в переписке с М. Горником, а когда последний скончался, написал о нем статью, самую основательную в русской литературе. В ней подробно излагается биография названного деятеля, обращено внимание на его духовную карьеру и на многолетнюю работу преподавателем серболужицкого языка в католической семинарии в Будишине. Затем русский историк отмечает заслуги Горника в области изучения серболужицкого языка, этнографии и истории народа, его письменности и литературы. Указано, что Горник отдавал много сил работе в Матице, членом комитета которой был с 1857 г., а в 1882 г. был избран ее председателем. Отметив, что с 1868 г. Горник стал редактором “Часописа” Матицы, Грот приводит большое число названий трудов этого деятеля и считает его основателем лужицко-сербской беллетристической журналистики и литературного журнала “Лужичан”. Указываются и другие издания, основанные Горником или при его участии. Статьи и исследования Горника по серболужицкой этнографии и литературе имеют, по мнению Грота, специальное значение для лужицко-сербского языка и обогащения его словарного фонда. Отмечено также издание Горником хрестоматии с образцами народной поэзии из произведений новейших писателей и “Истории сербского народа”. Для своих соотечественников Горник был, как полагает Грот, “и ученой академией, и журналистом, и народным и политическим организатором, и вождем”, душой сербской жизни и в то же время “тихим гением своего народа”.

В 1904 г., когда в Будишине открылся Дом Матицы, Грот снова обратил внимание на лужицких сербов, опубликовав статью “Большой праздник у самого маленького славянского народа”. Здесь приведены сведения о численности сербов-лужичан, упомянуты их вожди Смолер и Горник, рассказано об истории сооружения Сербского дома, описаны его внешний вид и церемония открытия. Подробный отчет об этом событии свидетельствовал не только о симпатиях автора к лужицким сербам, но и о живом интересе к ним русской публики.

Грот К.Я. Письмо к В.И.Ламанскому от 23 августа/4 сентября 1882 г. // Документы к истории славяноведения в России (1850-1912). М.-Л., 1948. С. 109-112;

Грот К.Я. Из поездки к лужичанам // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. 1883. № 1. С. 19-22;

Грот К.Я. Михаил Горник // Славянское обозрение. Год 2-й. СПб., 1894. С. 170-194;

Грот К.Я. Большой праздник у самого маленького славянского народа // Славянские известия. 1904. № 1. С. 65-76;

Лантеева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 261-263;

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 134-136;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 215, 233, 243 и др. (по указателю).

ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ПЕТУХОВ **(1863-1948)**

Литературовед. Родился в Томске, там же окончил гимназию, а в 1885 г. - историко-филологический факультет Петербургского университета, где изучал славяноведение под руководством профессора В.И.Ламанского. В 1888 году Петухов стал магистром русской словесности и профессором в Нежинском историко-филологическом институте, а, защитив диссертацию на степень доктора русской словесности, перешел на должность ординарного профессора в Дерптский университет. В 1918 г. вместе с университетом переехал в Воронеж. С 1919 г. служил в Крымском университете, преобразованном в 1925 г. в педагогический институт. В 1916 г. избран членом-корреспондентом Академии наук. Умер в Симферополе. Петухов написал ряд крупных работ по истории русской литературы и науки, публиковал переписку между славянскими учеными, создал ценные исследования по истории болгарской литературы. В период подготовки к профессорскому званию он совершил заграничное путешествие и в 1897 г. посетил Лужицы. По возвращении на родину ученый опубликовал содержательный очерк "Лужицкие сербы". На основании новейшей для того времени литературы он привел сведения о расселении лужицких сербов, их численности (указано 170 тысяч), их городах, истории, национальном движении. В очерке перечислены имена всех важнейших деятелей серболужицкой умственной жизни, особое внимание обращено на Я.А.Смолера и М.Горника. На основании литературы Петухов рассказал о деятельности Матицы серболужицкой и

строительстве Народного дома. Есть в очерке и ряд самостоятельных наблюдений автора, это - описание Будишина и его населения и особенно - Нижних Луниц в районе Шпреевальда (реки и каналы с тамошними средствами передвижения, с деревянными домами на сваях и т.д.). Рассказано также о занятиях и быте населения, об обычаях, суевериях, музыкальной народной культуре, природе. В целом автор объективно излагает и оценивает факты. В то же время Петухов от посещения Луниц вынес впечатление, что лужицкие сербы, как народность, исчезают. Это убеждение было особенно определенно высказано им в университетских лекциях 1920 года, где ученый, охарактеризовав политические условия существования лужицких сербов, их еще не угасший патриотический энтузиазм, приходит к выводу, что "ходом неизбежных событий руководит неизменный исторический закон", согласно которому лужицкие сербы "вовлекаются в область общечеловеческих идей и интересов", а "любовь к народному движению делается чем-то интимным или почти музейным", и таким образом "жизнь берет свое". Ученый сомневается в том, что "условия жизни после войны 1914 года" могут "остановить процесс ухода сербов со сцены истории". Вспоминая о поездке 1897 года в 20-е годы XX века, Петухов назвал территорию лужицких сербов "сельской славянской Венецией". Он заметил, что в конце XIX в. "умиравшее, а, может быть, теперь уже окончательно вымершее славянское племя... сохранило не только свои этнографические признаки, но и остатки своего национального сознания, свой язык и литературу, свой интерес и симпатии к России". Очевидно, в это время Петухов не был осведомлен о положении лужицких сербов, между тем как именно в эти годы они сделали очередную энергичную попытку сохранить свою народность и добились определенных успехов, позволивших им продлить свое существование до нашего времени. История не оправдала мрачных предсказаний русского ученого.

Петухов Е.В. Лужицкие сербы (лужичане). Из путевых заметок летом 1897 г. Юрьев, 1898 (26 стр.);

Лантева Л.И. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 270-271;

Лукьяненко А.М. Очерки научной и педагогической деятельности профессора Е.В.Петухова к моменту ее сорокалетия (1887-1927) // Известия Крымского педагогического института имени М.В.Фрунзе. Кн. 1. Симферополь, 1927. С. 145-149.

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 270.

**ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
ФРАНЦЕВ
(1867-1942)**

Один из крупнейших русских славистов; филолог, историк и издатель источников по различным аспектам истории и филологии славян. Родился в Новогеоргиевске (польский город Модлин), в семье лекарского помощника, русского, православного. Мать В.А.Францева была полькой католического вероисповедания. По российским законам того времени дочери супругов различного вероисповедания могли быть по желанию родителей разной веры, но сыновья в обязательном порядке причислялись к православию. Францев учился в русской гимназии в Варшаве и русском Варшавском университете, окончив который в 1890 г. работал учителем гимназии, а затем стал стипендиатом для подготовки к профессорскому званию. В 1893 г. он был впервые командирован за границу, а с июня 1897 г. отправился в заграничную командировку на 3 года. Уже в это время он имел солидную подготовку по славистике и опубликовал свои первые труды. Францев стал доцентом кафедры истории славянских наречий и литератур, а с 1903 г. до конца существования русского Варшавского университета был в нем профессором той же кафедры. Преподавательская деятельность Францева отличалась большой широтой и разнообразием: он читал курсы по славянским литературам, исторической этнографии славян, языковым предметам, а также практически преподавал чешский язык. Свободное от преподавания время он посвящал научным занятиям в архивах, главным образом в славянских землях, был активным членом Общества истории, филологии и права при Варшавском университете, а позднее - членом многих ученых обществ в России и за границей. За годы 1902-1907 Францев издал ряд важнейших трудов: магистерскую диссертацию "Очерки по истории чешского возрождения" (1902), докторскую диссертацию "Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст." (1906), оригинальное исследование "Чешские драматические произведения XVI—XVII ст." (1903), два обширных тома корреспонденции - В.Ганки (1905) и Й.Добровского (1906) и многое дру-

гое. Труды получили широкое признание. В 1904 г. их автор был избран иностранным членом Чешской Академии наук и искусств. В последующие годы Францев опубликовал десятки исследований, как правило, основанных на источниках, еще не введенных в научный оборот. Авторитет и известность ученого быстро росли, в 1915 г. Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом. Но именно в это время, в связи с Первой мировой войной, русский Варшавский университет эвакуировался в Ростов-на-Дону. Совершенно новая обстановка, отсутствие библиотеки и контактов со славянскими странами лишили Францева возможности продолжать научную работу. К тому же в России началась гражданская война. Установившийся после революции режим был для Францева неприемлем, и после ухода Белой армии из Ростова ученый с большими трудностями выбрался из России, посетил в Варшаве своих родных и уехал в столицу Чехословакии Прагу, где с 1 января 1922 г. стал профессором Карлова университета. В 1921 г. Российская Академия наук избрала его своим действительным членом, но ученый от возвращения в Россию отказался, а в 1927 г. принял чехословацкое подданство. В Карловом университете Францев читал лекции по русскому языку, русской литературе, фольклору, а также историю славянской филологии, кирилловскую палеографию, славянскую историческую этнографию. В Праге вышел из печати один из самых крупных трудов ученого - переписка П.И.Шафарика с русскими учеными в двух томах (1927-1928). Материал для этого издания Францев собирал более 20 лет по множеству архивов России, Чехии, Польши и других стран. Этот великий труд ученого служит науке и в наше время.

Основным направлением трудов Францева в Праге было исследование связей русских писателей и поэтов с западными и южными славянами. Последние годы жизни Францева проходили в период оккупации Чехословакии гитлеровской Германией. Отрицательно относясь к большевистскому строю в России, Францев однако - в отличие от некоторых других русских эмигрантов - не пошел в услужение к новым хозяевам и не запятнал себя коллаборационизмом с гитлеровцами. Умер он за несколько дней до своего 75-летия.

Лужицкими сербами Францев занимался еще в студенческие годы. Впервые он побывал в Лужице в 1894 г., где целую неделю путешествовал вместе с чешским ученым А.Черным. Еще раньше он перевел для журнала "Славянское обозрение" статью крупного серболужицкого ученого А.Муки "Библиографический обзор серболужицкой литературы за 1890-1891 г." (опубликовано под псевдонимом "Миљчанин" в "Славянском обозрении", т. 2, 1892). Из

серболужицких национальных деятелей Францев и в дальнейшем был наиболее тесно связан с Мукой. Как свидетельствует переписка между учеными, в феврале 1898 г. Мука приглашал Францева во Фрайберг (Саксония), где тогда работал учителем гимназии. Письма Францева к Муке за период с 1896 по 1929 г. свидетельствуют о личной дружбе ученых. Францев неоднократно получал у Муки небольшие консультации по научным вопросам, например, о наличии в архиве и в Сербском музее материалов о контактах чешских и польских славистов с деятелями серболужицкого возрождения, или о пребывании во Фрайберге великого русского ученого М.В.Ломоносова. Мука присылал в ответ соответствующие сведения, а Францев тоже многое для него делал: предлагал Муке писать в варшавский "Русский филологический вестник", в котором пользовался большим авторитетом, сообщил Муке о наличии в Петербурге верхнелужицко-немецкого словаря в рукописи, принимал участие в розысках рукописи составленного Мукой нижнелужицкого словаря, переданной в свое время Российской Академии, хлопотал об издании этого словаря в Праге. Через Муку Францев посылал средства для Дома Матицы Сербской, собранные им в 1896-1898 г. среди учителей гимназий, студентов и профессоров в Варшаве и других городах. Через Муку Францев систематически получал литературу, касающуюся Лужиц: лужицкие календари, журналы "Лужица" и "Часопис" Матицы. В этих журналах Францев публиковал и свои работы. Так, обнаружив в корреспонденции В.Ганки письма Я.А.Смолера и М.Горника, Францев опубликовал их в "Лужице". Также и в "Часописе" Матицы он поместил тексты обнаруженных им писем деятелей серболужицкого возрождения. Копии всех найденных писем Францев высылал и в архив Матицы.

Помещал Францев заметки и статьи на серболужицкие темы также и в русской печати. Еще в 1898 г. он опубликовал рецензию на вышедший в Дрездене альбом выставки саксонских народных костюмов и предметов быта, состоявшейся в 1896 г. в рамках более широкой ремесленной и художественной промышленной выставки. В рецензии указано, что на выставке была представлена впервые достаточно полная и цельная картина жизни и быта серболужицкого народа. Ее организаторами были А.Мука и учитель городского Будишинского училища А.Зоммер. Францев описывает содержание каждой иллюстрации альбома, иногда указывает и на литературу, в которой можно прочитать о том или ином вопросе народного быта лужичан. Таким образом, через описание предметов, изображенных в альбоме, Францев знакомил русского читателя с серболужицким бытом.

В 1897 г., когда Сербская Матица отмечала свое 50-летие, Францев постарался познакомить с этим событием, как и вообще с жизнью лужицких сербов, как можно больше читателей, опубликовав в связи с юбилеем три статьи (в "Журнале Министерства Народного Просвещения", "Санкт-Петербургских Ведомостях" и в "Новом Времени"; в последнем случае - с приложением текста воззвания Матицы). В наиболее подробном из этих очерков, помещенном в ЖМНП, излагается история культурной жизни лужицких сербов от наполеоновских времен до создания Матицы, рассказано об организации ее и ее уставе. Деятельность Матицы характеризуется на основе анализа протоколов ее заседаний. Основным источником Францеву служили материалы "Часописа" Матицы, так что приводимые факты абсолютно достоверны. Характеризуется и содержание этого журнала, а также издательская деятельность Матицы. Указано, что за 50 лет она издала 100 тыс. экземпляров книг и другой продукции для народа, в том числе 44 книги "Часописа" в 11300 экземплярах. Среди изданных для народа книг главное место, как показывает Францев, занимали поучительные (назидательные) повести и рассказы, календари, школьные книги, сборники песен и др. Упомянуто о выходе в 1868 г. большого серболужицкого словаря К.Б.Пфуля. С большим пиететом Францев отзывается о деятельности духовных вождей серболужицкого народа. Он указывает, что с 1863 г. история Матицы связана с именем М.Горника, в течение 40 лет редактировавшего журнал ее и украшавшего его страницы ценными и многочисленными трудами по серболужицкой истории, этнографии, истории языка и литературы и т.д. В период же, когда Горник председательствовал в Матице, он, по мнению Францева, сумел с честью выйти из всех затруднений, стоявших на пути этого общества. Высоко оценивается Францевым и деятельность Я.А.Смолера, который по убеждению автора статьи, "положил свою душу за великое народное дело". В целом статья представляет собой самую основательную и достоверную информацию о лужицких сербах конца XIX в. в русской науке. Автор высоко оценивал значение Матицы в деле сохранения серболужицкого этноса.

→ Определенное внимание Францев уделил лужицким сербам и в своей педагогической работе. Свидетельством использования материалов о лужицких сербах являются университетские лекции ученого. Так, в курсе лекций "Введение в славяноведение", читанном студентам Варшавского университета в 1914-1915 г., лужицким сербам посвящен специальный раздел. Здесь сообщается, что лужицкие сербы являются остатком полабского славянства, что живут они в Саксонии, где их центром является Будишин, и в

Прусском королевстве. Характеризуется географическое положение территории лужицких сербов, названа их численность (170 тысяч) и религиозная принадлежность; говорится и о разделении их в отношении языка. Далее автор повествует о германизации полабско-балтийских славян, указывая, что она почти закончилась к XVI в., а Реформация нанесла новый удар по самобытности славян; то есть остатков полабско-балтийского славянства. Следующий этап германизации лужицких сербов наступил, по Францеву, в эпоху наполеоновских войн, в результате которых после 1815 г. большинство лужицких сербов оказалось на территории Пруссии, отличавшейся железной системой германизации и крайними националистическими устремлениями. Рассуждения Францева о дальнейшей судьбе лужицких сербов безрадостны, он сожалеет об угасании славянского народа. Ученый перечисляет культурные мероприятия, которые проводились такими деятелями, как Я.А.Смолер, М.Горник, К.А.Мосак-Клосопольский, Я.П.Йордан, Я.Пех и др. Однако подробной характеристики деятельности этих, по его выражению, “пламенных народолюбцев” в курсе лекций нет. Таким образом, в своем “Введении в славяноведение” Францев дал самые общие сведения о лужицких сербах, остановившись главным образом на процессе их германизации в новое время.

Связи Францева с лужицкими сербами продолжались вплоть до Второй мировой войны. Но уже в 1894 г. он был членом Матицы серболужицкой, а, живя в Чехословакии с 1922 по 1942 г., активно сотрудничал с чешским ученым Й.Патой, которому даже переписывал от руки из русских журналов статьи о лужицких сербах. Пата передал эти копии в Сербский музей, и в настоящее время они хранятся в Сербском культурном архиве в Будишине.

Францев В.А. [Рец. на кн.:] *Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser.* Herausgeg. von dem Ausschuß für das Sächsische Volkstrachtenfest zu Dresden, 1896 // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXVIII (318). 1896. № 7. С. 467-477;

Francew W. *Tři listy z časow Noweho Serbstwa* // *Lužica*. 17. 1898. S. 44-45, 55-56, 64, 89-90, 99-100;

Francew W. *Dalše listy z časow Noweho Serbstwa* // *Lužica*. 17. 1898. S. 110; 18. 1899. S. 15, 23, 34, 55; 19. 1900. S. 39;

Francew W., Čišinski J. *Listy serbskich wótčincow z časow serbskeho wozrodženja* // *Časopis Mačicy Serbskeje*. 57. 1904. Č. 2. S. 86-109; 58. 1905. Č. 1. S. 57-70;

Francev W. Hornjoserbski rukopisny słownik // Časopis Maćicy Serbskeje. 58. 1905. S. 148;

Францев В. Матица Сербская в Будишине (1847-1897). По поводу пятидесятилетия ее существования // ЖМНП. Ч. XXXI (311). 1897. № 6. С. 302-331;

[*Францев В.*] Пятидесятилетие Сербской Матицы // Санкт-Петербургские Ведомости. 30.4./12.5.1897. № 115. С. 1-2;

Францев В. Матица Сербская в Будишине // Новое Время. Приложения. № 7625. 25.5./5.6.1897. С. 6-7; С текстом воззвания Матицы;

Францев В. Введение в славяноведение. Лекции, читанные ... в 1914-15 акад. году. Варшава, 1915. С. 164-169;

Lapteva L.P. Vladimir A. Francev (1867-1942) i Serbowie Łużyccy // Zeszyty Łużyckie. T. 13. 1995. N3(15). S. 17-25;

Lapteva L.P. Die Beziehungen des russischen Slawisten V.A.Francev zu Arnošt Muka anhand seiner Briefe // Lětopis. B. 14/1. (1967). S. 22-34;

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 263-270;

Лантева Л.П. В.А.Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního musea. Řada C. 1965. Sv. 10. Č. 1. S. 1-30;

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 349-351;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 333-335 и др. (по указателю).

Syllaba Th. V.A.Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977;

Syllaba Th. Vladimir Francev a Polska // Przegląd humanistyczny. R. 1980. 2. S. 63-74.

РОМАН ФЕДОРОВИЧ БРАНДТ (1853-1920)

Языковед, историк литературы, поэт, переводчик, общественный деятель. Родился в Петербурге, сын известного зоолога, академика Ф.Ф.Брандта. Среднее образование получил в одной из петербургских гимназий, в 1870 г. поступил в Петербургский Историко-филологический институт, но через год перешел в Петербургский университет, где изучал славянскую филологию. По окончании университета в 1875 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии под руководством проф. В.И.Ламанского со специализацией по славянскому языкознанию. 1876 год Брандт провел за границей, большей частью в Лейпциге, где слушал лекции профессора А.Лескина (по литовскому языку) и в Праге - проф. Остгофа (по санскриту и италийским наречиям). За границей Брандт серьезно изучил основы сравнительного исторического языкознания и усвоил принципы концепции младограмматиков, которым следовал в течение всей жизни. С 1877 по 1886 г. Брандт был профессором Историко-филологического института в Нежине; в 1879 г. вторично ездил за границу - в Загреб, Белград и Хорватское Приморье. В 1881 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию "Начертание славянской акцентологии". Этот труд сыграл в науке значительную роль, не лишен интереса и в настоящее время. В 1886 г. ученый издал сборник статей под названием "Грамматические заметки", в котором рассматривались различные фонетические и грамматические явления праславянского языка. Эту работу Брандт защитил в качестве докторской диссертации в Петербургском университете, и с 1886 г. в течение 34 лет работал профессором Московского университета, опубликовав много работ по языкознанию и литературоведению и читая лекции по этим отраслям славяноведения, а также и по славянской палеографии. Курсы этих лекций издавались литографическим способом и были важными пособиями для изучения польского, сербского, болгарского и чешского языков, а также по сравнительной грамматике славянских языков и славянским литературам. Большой известностью пользовался его курс по истории сла-

вянских литератур. Лекции содержали обширный фактический материал и библиографические справки.

Летом 1898 г. Брандт был командирован Московским университетом в Прагу по случаю закладки памятника Ф.Палацкому. Этой поездкой ученый воспользовался для посещения области расселения лужицких сербов.

Параллельно с работой в университете Брандт читал славистические курсы в Московском Археологическом институте, на Женских историко-филологических курсах Полторацкой, являлся членом многих московских научных обществ, в том числе Московского Археологического общества, где активно участвовал в работе Славянской Комиссии. Брандт в совершенстве владел двадцатью иностранными языками, в том числе всеми славянскими, переводил стихи со многих европейских языков. Ему принадлежат несколько сборников переводных и оригинальных стихотворений, которые он публиковал под псевдонимом Орест Головин. Много статей посвятил Брандт отдельным славянским ученым и писателям - Я.Коллару, А.Мицкевичу, Н.Герову, П.Славейкову.

На заседании Славянской Комиссии Московского Археологического общества 17 ноября 1909 г. Брандт выступил с сообщением "Несколько слов в память лужицкого поэта Чишинского". Ученый говорил о Якубе Барте-Чишинском как о замечательном патриоте и поэте, преимущественно лирике, усовершенствовавшем формы лужицкой поэзии. В сообщении приведен ряд образцов его творчества, одни - в буквальном переводе и в подлиннике, другие - в стихотворных переводах (Брандта и Ф.Е.Корша). После сообщения состоялся интересный обмен мнениями. Так, известный русский языковед Ф.Е.Корш прочитал еще два своих стихотворных перевода из произведений Чишинского, а затем, отвечая на заданный ему вопрос о влиянии на Чишинского русской литературы, сказал, что тот русским языком не владел, влияние оказывали на него польская и чешская литературы, а кроме того он подражал второстепенным немецким поэтам. По мнению Корша, произведения Чишинского мало интересны для других славян. На замечание о том, что у Чишинского наблюдается такой же размер стиха, как, например, у Ломоносова, Брандт заметил, что такой же размер можно наблюдать, например у Торкватто Тассо. Корш с этим согласился.

Сообщение Брандта о Чишинском читалось также в общем собрании Общества славянской культуры, но, видимо, опубликовано не было.

В 1884 г. была опубликована рецензия Брандта на "Синтаксис верхнелужицкого языка" Юрия Либша. Высказывал

он свои суждения о серболужицких языках и при рецензировании трудов русских лингвистов, например, "Лекций по славянскому языкознанию" Т.Д.Флоринского (1897), а также и при редактировании русского текста перевода "Сравнительной морфологии славянских языков" Ф.Миклошича. В 1889 г. на русском языке вышла часть этого сочинения, посвященная сербо-лужицким языкам.

Брандт Р.Ф. Несколько слов в память лужицкого поэта Тишинского // Древности. Труды Славянской Комиссии Московского Археологического общества. Т. 5. М., 1911. С. 42-44;

Брандт Р.Ф. [Рец. на кн.:] Syntax der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Von Georg Liebsch. Bautzen, 1884 // Русский филологический вестник. Т. XI. Варшава, 1884;

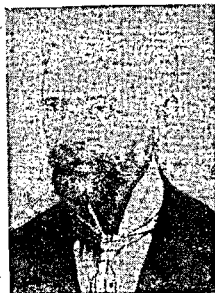
Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Т. 1. Минск, 1976. С. 38-42.

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 83-84;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 281-282, 327 и др. (по указателю).

Кондрашов Н.А. Роман Федорович Брандт. М., 1963.

ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЛОРИНСКИЙ (1853-1919)

Славист широкого профиля, историк, языковед, общественный деятель. Родился в Петербурге в семье священника - ученого протоиерея, автора нескольких исследований по истории церкви, редактора-издателя журнала "Дух христианства", выходившего в 60-х годах XIX в.

Т.Д.Флоринский окончил в 1876 г. Петербургский университет, специализировался по славистике у профессоров И.И.Срезневского и В.И.Ламанского, занимаясь преимущественно историей славян. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, Флоринский в 1881 г. защитил магистерскую диссертацию "Южные славяне и Византия во второй четверти XV века". Фундаментальный труд "Памятники законодательной дея-

тельности Душана, царя сербов и греков" (1888) принес автору степень доктора славянской филологии. Обе работы явились большим достижением русской историографии. Основанные на новых источниках, разысканных автором в архивах и критически им исследованных, они сохраняют научное значение до настоящего времени. С 1882 г. Флоринский занимал кафедру славянских языков и литератур в Киевском университете, где проработал до конца жизни. Он написал еще целый ряд ценных сочинений по истории, языкам, этнографии славян. Труды Флоринского завоевали широкое признание. Он был членом-корреспондентом Российской Академии наук, членом многих славянских академий, русских и зарубежных научных обществ. В Киевском университете Флоринский преподавал все славистические дисциплины: современные славянские языки, церковно-славянский, славянские литературы, славянские древности, историю и этнографию славян. Каждый из этих предметов составлял специальный курс, тесно связанный с трудами Флоринского по языкознанию, литературоведению, этнографии. В 1895-1897 годах ученый опубликовал "Лекции по славянскому языкознанию" в двух частях. Серболужицкому языку здесь отведено 100 страниц второй части. Изложение начинается с характеристики географических условий обитания лужицких сербов, указаний на численность их населения, на их вероисповедания. Флоринский очерчивает границы распространения серболужицкого языка, отмечая однако, что в городах, где живут представители этого этноса, преобладающим населением являются все же немцы. Далее речь идет о границах между верхне- и нижнелужицкими сербами, о различиях в их обычаях, одежде, фольклоре. Структуру языка Флоринский обрисовывает следующим образом: верхнелужицкий и нижнелужицкий суть два наречия одного языка, в состав которого входит и третье - "среднелужицкое". Характеризуются признаки всех трех наречий, а затем речь идет о развитии серболужицкой литературы, состоянии языка, истории его изучения. Указано на основные моменты серболужицкого литературного движения, приведшего, по мнению автора, к возрождению народа. Флоринский перечисляет периодические издания лужицких сербов с 1809 по 1882 г., издания текстов на современном верхне- и нижнелужицком языке. Заключительная часть раздела посвящена характеристике звуковых, формальных и других особенностей языка. Труд Флоринского был в целом высоко оценен русской научной общественностью, и хотя современники указывали в рецензиях на многие недостатки сочинения, оно было весьма полезным учебным пособием по славянским языкам, а также первым на русском языке подробным и систематическим описанием серболу-

жицких наречий. Флоринский учел все имевшиеся к тому времени труды по сорабиистической лингвистике. Много поколений русских студентов изучали по этому сочинению славянские языки, в том числе и серболужицкий.

Результатом этнографических университетских лекций Флоринского было издание курса “Славянское племя” (1907). В этом обзоре также имеется раздел “Сербы лужицкие (лужичане)”. Здесь автор указывает границы области расселения этноса, обращает внимание на различия между верхне- и нижнелужицкими сербами. Он не считает правомерной точку зрения Ф.Миклошича, признававшего два серболужицких языка самостоятельными, а повторяет свой тезис о наличии в серболужицком языке двух наречий основных, а наряду с ними еще и третьего, среднелужицкого, для каждого из которых характерны “частные разноречия”. Численность лужицких сербов Флоринский приводит по статистике А.Муки (начало 80-х годов XIX в.) и А.Черного (1905 г.), констатируя, что последние два десятилетия заметна тенденция к уменьшению численности сербов-лужичан, особенно в Нижней Лужице, где они быстро германизируются. Кратко характеризуется далее политическое, национальное и культурное положение лужицких сербов, приложена этнографическая карта славянства, приведен список основной литературы о сербах-лужичанах.

Книга Флоринского вызвала ожесточенную полемику. Особенно спорным оказался вопрос о количестве славянских народов, о межплеменных этнографических границах, о численности каждой народности. Работа была уязвима и с точки зрения политической. Так, Флоринский резко выступал против признания украинского языка самостоятельным, рассматривая в своей книге наречия великорусское, “малорусское” и белорусское как разновидности единого русского языка. Критика правомерно указывала Флоринскому на непоследовательность его подхода к языкам и культурам отдельных славянских народов. Отказывая в самостоятельности языку украинскому, ученый признавал ее для словацкого, серболужицкого, кашубского, в чем расходился со многими современными ему лингвистами. Впрочем раздел о сербах-лужичанах в полемике не обсуждался.

Наряду с общими работами лингвистического и этнографического характера, в которых отводится место сербам-лужичанам, Флоринский написал по серболужицким сюжетам несколько специальных статей. В 1884 г. он откликнулся на смерть Я.А.Смолера некрологом, представляющим собой по существу изложение истории серболужицкого народного возрождения XIX в., поскольку Смолер был в нем, как известно, главной фигурой. На фоне под-

робного освещения жизни сербского народного вождя представлены все главные события национальной жизни этникума. Деятельность Смолера имеет, по мнению Флоринского, особое, всеславянское значение - подобно деятельности Шафарика, Коллара, Штура, Гая, Мацеевского, Погодина, Срезневского, Григоровича и других знаменитых славян XIX в. Флоринский отмечает, что "история воскрешения заживо погребенного в немецкой могиле славянского народа" теснейшим образом связана с именем Смолера. Правда, говоря о связях Смолера с Россией, Флоринский допускает неточность: сербский вождь был в России четыре раза (в годы 1859, 1867, 1873 и 1882-1883), а не два, как утверждает автор некролога.

В том же 1884 г. Флоринский опубликовал небольшую статью "Сербская Матица в Будишине", где сообщил об отчете М.Горника в общем собрании членов Матицы за 37-й год ее существования. В статье обращено внимание на то, что число членов Матицы выросло на 15 человек, а библиотека увеличилась на 96 книг. Перечисляются издания Матицы, а в конце сообщения содержится призыв к русским читателям вносить пожертвования на постройку Народного дома в Будишине. Сам Флоринский неоднократно вносил денежные средства на различные национальные мероприятия лужицких сербов. Флоринский также сообщил в печати о выходе в свет "Истории сербского народа" В.Богуславского и М.Горника и о переводе Я.Б.Пехом на немецкий язык серболужицкого раздела "Истории славянских литератур" А.Н.Пыпина.

В 1897 г. Флоринский отозвался на 50-летний юбилей Сербской Матицы брошюрой "Большой праздник у самого малого славянского народа". Она представляет собой доклад, читанный Флоринским на заседании Киевского Славянского Благотворительного общества, где Флоринский был председателем, и содержит материал по истории и современному состоянию Матицы. Из современных ему сербских деятелей Флоринский поддерживал контакты с выдающимся филологом и лингвистом А.Мукой, о чем свидетельствуют письма последнего, сохранившиеся в архиве киевского профессора.

.. Политические взгляды Флоринского отличались устойчивой преданностью господствовавшему режиму. Профессор был не только верноподданным, но и опорой царского правительства в Киевском университете, много раз избирался или назначался деканом историко-филологического факультета, был председателем Киевского Временного комитета по делам печати, а также киевским "отдельным цензором" по иностранной литературе, председателем дисциплинарного суда при университете, получал благо-

дарности царя за отличную службу. Он был также заслуженным профессором.

Ученый занимался и активной публицистической деятельностью, главным образом по славянским вопросам, выступая подчас с позиций политического панславизма и панрусизма. Он резко осуждал украинофильство, вел по этому вопросу жёсткую полемику на страницах газет и журналов. Проработав в Киевском университете более 35 лет, ученый ушел из жизни в 1919 г. при драматических и загадочных обстоятельствах: был арестован и пропал без вести. Русская эмигрантская печать сообщала, что Флоринский "замучен Чрезвычайкой", то есть расстрелян (или умерщвлен другими путями) органами ЧК. Однако документального подтверждения этому известию нет. Не исключено, что его преследовали украинские националисты, поскольку он резко выступал против концепции самостоятельности украинского языка и культуры и, возможно, поплатился жизнью за свое украинофобство.

Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию Ч. 2. Киев, 1897. С. 583-685 (раздел "Серболужицкий язык");

Флоринский Т. Ян Смолер [Некролог] // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. 1884. № 7. С. 23-25;

Флоринский Т. Матица Сербская в Будишине // Там же. № 9. С. 15-16;

Флоринский Т. История сербов-лужичан. История сербо-лужицкой литературы [рец на книги: Богуславский В. и Горник М. История сербского народа; немецкий перевод раздела о серболужицкой литературе в книге А.Н.Пыпина (и В.Д.Спасовича) "История славянских литератур"] // Там же. 1884. № 7;

Флоринский Т. Большой праздник у самого малого славянского народа. Киев, 1898 (17 стр.);

Флоринский Т. Славянское племя. Статистическо-этнографический обзор современного славянства. С приложением этнографических карт. Киев, 1907;

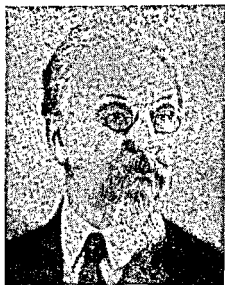
Лаптева Л.П. Изучение лужицких сербов в Киевском университете в конце XIX - начале XX вв. // *Létopis*. В 38. 1991. S. 2-8;

Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 291 и др;

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 342-344;

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 208-212 и др. (по указателю).

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕРБА (1880-1944)

Выдающийся языковед, создатель нового направления в изучении славянских языков вообще и серболужицкого в частности. Родился в местечке Игумен (Червень) Минской губернии в семье инженера-технолога, в 1898 г. окончил гимназию в Киеве и поступил на естественный факультет Киевского университета, но через год перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1903 г., по

рекомендации выдающегося лингвиста профессора И.А.Бодуэна де Куртене, Щерба был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительной грамматики и санскрита, с 1904 по 1906 г. сдавал магистерские экзамены и одновременно преподавал русский язык, в том числе читал лекции по грамматике русского языка в Петербургском Учительском институте. В 1906 г. молодой ученый отправился за границу и в одной из деревень Северной Италии самостоятельно изучал живые тосканские диалекты, а затем поехал в Париж, один из центров тогдашнего новейшего языкознания, где установил тесные контакты с Международной Фонетической ассоциацией и вел научные беседы с известными французскими языковедами. В результате Щерба уточнил свои подходы к ряду вопросов лингвистики. Осенние каникулы 1907-1908 годов он провел в Германии, изучая мужаковский диалект серболужицкого языка. Конец этой заграничной командировки он посвятил изучению чешского языка в Праге. По возвращении в Петербург ученый был избран приват-доцентом Петербургского университета. В 1912 г. он защитил магистерскую диссертацию "Русские гласные в качественном и количественном отношении", а после защиты в 1915 г. докторской диссертации стал профессором Петроградского университета, работая также и в других учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Он читал лекции и вел практические занятия по сравнительной индоевропеистике, общему языкознанию, старославянскому языку, но прежде всего по русскому языку: его нормативной грамматике, разбору языка художественных произведений и проблемам языка поэзии. Как педагог и ученый Щерба создал научную школу лингвистов следующего поколения. В 1920 г. он организовал при

Петроградском университете лингвистическое общество, в 1924 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 30-е годы ученый тоже активно работал над теоретическими вопросами языкознания, в 1943 г. переехал в Москву, был избран действительным членом АН СССР. Являлся он членом также и ряда зарубежных научных обществ, например Парижского Института по изучению славянских языков, Парижского Лингвистического общества и ряда других форумов. Ученый поддерживал контакты с крупнейшими языковедами Западной Европы, при его участии в Париже было создано Общество славянской филологии.

Разносторонний лингвист, ученый мирового значения, Щерба занимался и теоретическими вопросами языкознания. В его концепции основное место занимает вопрос о системе языка и научных аспектах его изучения. Научная деятельность Щербы как общепризнанного знатока истории и современного состояния славянских языков началась с изучения фундаментальных вопросов славистики, которые стали предметом его магистерской и докторской диссертаций. Последняя, носящая название "Востоchnолужицкое наречие" (1915), посвящена учителю Щербы И.А.Бодуэну де Куртене, который и предложил своему воспитаннику еще в 1907 г. заняться изучением взаимовлияния языков в смешанных национальных регионах и указал на лужицкие наречия как на подходящие для этого объекты, в результате чего Щерба и выбрал из возможных носителей двуязычия именно лужицких сербов. В 1907 г. он обратился к А.Муке, в то время признанному вождю и наиболее крупному ученому малого славянского народа, с просьбой указать на какой-либо конкретный местный говор, по которому можно было бы собрать в частности и фонетический материал, послужив тем самым и интересам серболужицкой диалектологии. Он просил также оказать ему практическую помощь в организации его пребывания с семьей среди носителей избранного диалекта в течение "пары месяцев". Мука просимую помощь оказал, по его совету Щерба поселился в пункте Вайскайсель, в нескольких километрах от Мужакова (Мускау), и провел там около двух месяцев. Щерба был доволен своим пребыванием в этом пункте, поскольку нашел там все то, что его интересовало, а именно славянский диалект, испытавший сильное влияние немецкого языка. Вместе с тем Щерба изучал и присланную ему Мукой литературу о лужицких сербах и их языках.

Изыскания, произведенные в 1907 г. в Лужице, не удовлетворили Щербу, хотя он, по его словам, и "выучился говорить помужаковски". Скучность результатов объяснялась тем, что ученый был вынужден жить в немецкой семье и вначале с трудом находил

себе серболужицких собеседников и учителей. Однако постепенно он сблизился с некоторыми крестьянскими семьями, помогая им в уборке овощей и вообще стараясь включиться в их повседневную жизнь. Учитывая опыт 1907 г., Щерба в 1908 г. поселился уже в семье местного лавочника и портного и целые дни проводил с хозяином и его сыном в мастерской и в лавке, беседовал и с дочерью хозяина, а на кухне и с хозяйкой. Все эти лица и были его "учителями". Кроме того по вечерам, после работы, собирались на посиделки друзья Щербы из местных крестьян в возрасте около 30 лет, с которыми он проверял собранное за день и обсуждал всякие тонкости. По воскресеньям же он совершал с хозяином квартиры, а иногда и в более широкой компании, велосипедные прогулки по соседним деревням; так что во второй приезд (6 недель) закончил собирание необходимых материалов. Пробыв среди серболужичан в общей сложности 3-4 месяца, пользуясь их гостеприимством и обрета среди них друзей, Щерба решил принять участие в лужицкой культурно-просветительной работе и стал членом Матицы серболужицкой. Особенно он хотел помогать тем лужичанам, которые заботились о развитии своего языка. Что же касается крестьян из Вайскайселя, ставших его друзьями, то он считал, что принес им мало пользы, поскольку "национальное сознание у них отсутствует, и лет через 40-50 только старики будут еще понимать по-лужицки".

Затем в течение почти 5 лет Щерба лужицкими проблемами не занимался, и лишь летом 1913 г., благодаря командировке, предоставленной историко-филологическим факультетом Петербургского университета, в течение 10 дней пребывания среди мужаковских друзей освежил свои впечатления и посетил другие регионы Лужиц, в том числе Будишин и Фрайберг - в последнем он был гостем А.Муки, которого позднее называл своим учителем. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война исключала возможность пребывания русского ученого в Германии, да и после ее окончания Щерба в Лужице уже не бывал.

В монографии "Востоchnолужицкое наречие", являвшейся результатом наблюдений ученого над живым языком, рассматривается широкий круг славистических вопросов. Во введении говорится о локализации современных остатков мужаковского наречия и других лужицких говоров на территории Германии, дается критический обзор источников изучения серболужицких языков, намечаются основные задачи исследования живой речи лужицких сербов в связи с необходимостью определения степени сохранности системы славянской речи в иноязычном (немецком) окружении. Книга делится на пять частей. В первой из них - "О фонемах" -

автор подробно анализирует состав гласных и согласных, одновременно решая и общелингвистические проблемы, строение слога, характер ударения и интонации, качественные и количественные модификации звуков, построение фраз и другие вопросы. Вторая часть называется "О словах". Здесь рассматриваются способы обозначения новых понятий, излагается система грамматических форм и категорий, а также и словообразования. В третьей части - "О сочетаниях слов" - характеризуются явления синтаксиса, в четвертой приводятся "Списки слов и морфем", в пятой - "объяснительной" - даются сравнительно-исторические толкования элементов мужаковского диалекта. Эта часть важна для изучения проблем праславянского языка и судьбы его компонентов в позднейших славянских говорах. Здесь же рассматривается вопрос о взаимоотношениях лужицких говоров, о влиянии на них немецкого языка и высказываются некоторые общие соображения о следствиях двуязычия. В приложении к материалу книги даются тексты в транскрипции с русским переводом. Они разделены на 4 категории: "Прозаические, записанные от разных лиц" (рассказы-монологи носителей языка); "Сочиненные" (то есть существовавшие в записи уже раньше); переводы с немецкого, отрывки из Библии (переводы с немецкого выполнены самим Щербой); "Ритмические тексты" - небольшие народные произведения эпического и песенного характера, разделенные на строки, иногда рифмованные. Эта часть книги имеет большое значение и для современной славистики, так как дает в распоряжение исследователей тексты одного из лужицких говоров, к настоящему времени уже вымершего.

К лужицким лингвистическим проблемам относится и работа Щербы "Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений", написанная как приложение к монографии, но опубликованная посмертно, в 1958 г.

Труд Щербы "Востоchnолужицкое наречие" явился первым систематическим изложением не только серболужицкого, но и вообще славянского диалекта, осуществленным в форме монографии на основе строгих синхронистических принципов, впервые конкретно применившим современное понятие фонемы. Щерба принадлежал к тем языковедам, которые в начале XX столетия оказали решающее влияние на переживавший период становления новых лингвистических теорий. "Востоchnолужицкое наречие" охватывает весьма широкий круг вопросов. Отталкиваясь от частных проблем, автор выходит на вопросы общего и теоретического характера. Для своего времени монография Щербы была переворотом, открыто порывая с традиционными застывшими методами

описания языковых форм. При этом Щерба был не только превосходным наблюдателем чисто лингвистических фактов; для него важна и социологическая ситуация носителей языка с точки зрения ее влияния на конкретные языковые процессы.

Ценнейшее научное наследие Щербы и ныне является стимулом для развития языкознания, многие его идеи сохраняют свою актуальность, о чем свидетельствует, например, факсимильное издание труда "Востоchnолужицкое наречие" в Будишине в 1973 г., а также сборник статей чешских лингвистов 1976 г. Русская литература о Л.В.Щербе и его творчестве поистине огромна.

Щерба Л.В. Востоchnолужицкое наречие. Т. I (с приложением текстов). Пг., 1915;

Щерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и диалектологии. Л., 1958;

Шахматов А.А. Заметки по истории звуков лужицких языков. По поводу книги: Л.В.Щерба. "Востоchnолужицкое наречие". Т. I. Пг., 1915 // Известия Академии наук по Отделению Русского языка и Словесности. Т. XXI. 1916. Кн. 2 (также отд. оттиск: Пг., 1917. 40 стр.);

Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 15-21.

Булахов М.Г. Востоchnославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 3. Минск, 1978. С. 285-302;

Лантева Л.П. Русско-сербо-лужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 271-274;

Лантева Л.П. Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы // Slavica Tartuensia. Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985. С. 82-87;

Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880-1944). Сборник статей. Л., 1951;

Petr J. L.V. Ščerba jako slavista a sorabista // Prace a dějin slavistiky. III. Praha, 1976. S. 89-123;

Schuster-Ševc H. Vorwort zum fotomechanischen Neudruck // Ščerba L.V. Vostochnolужицкое narečie / Der Ostniedersorbische Dialekt. Bautzen, 1973. S. 7-15;

Práce z dějin Slavistiky. III. Uspořádal doc. Ph.Dr. J.Popela. Csc. Praha, 1976 [Сборник посвящен 30-летию со дня смерти Л.В.Щербы].

**ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ
КОРАБЛЕВ
(1873-1936)**

Филолог, историк-славист, публицист. Родился в Полтаве, в семье педагога, окончил Нежинскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета, в котором учился с 1893 по 1897 г., специализировался по славистике, был оставлен для подготовки к профессорскому званию и командирован за границу на два года; посетил Гейдельберг, Лейпциг, Берлин, Вену, Прагу.

Преподавал славянские языки и литературу в Петербургском историко-филологическом институте и в Женском Педагогическом институте. Литературную деятельность начал в 1894 г. Сотрудничал во многих журналах и газетах, помещая там статьи и рецензии, касавшиеся истории и современного положения славян. С 1896 г. ежегодно совершал поездки по славянским землям. Опубликовал путевые очерки "Через Фрушку гору в Боснию" (1897), "Сербия и сербы" (1897), а также "Босния и Герцеговина. Их прошлое и настоящее" (1908). В политическом отношении придерживался монархической ориентации, симпатизировал славянофильским идеям, хотя в публицистике нередко высказывался в либеральном духе. Полностью литературное наследие Кораблева еще не учтено, но и то, что известно, представляет интерес с точки зрения фактов и как выражение взглядов на славянство в соответствующую эпоху. Кораблев был членом Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества и редактором его "Известий" (с 1904 г. выходили под названием "Славянские известия"), где помещал материалы о славянской жизни, освещая ее в духе правительственного курса в отношении славянских народов. Результатом же его преподавательской деятельности были в частности лекции по истории сербской, хорватской и чешской литератур. Кораблев был одним из первых переводчиков Б.Нушича и некоторых других писателей на русский язык. В советское время он перешел на официальные позиции новой власти. В 1921 г. занимал должность профессора Петроградского университета, с 1931 по 1934 г. был научным сотрудником и ученым секретарем Института славяноведения в Ленинграде. За короткое время существования

этого учреждения издал два весьма ценных тома "Трудов", в которых сам опубликовал более десятка статей (отметим, что три статьи этого издания касаются лужицких сербов). Хотя Кораблев, судя по воспоминаниям современников, был вполне "советским человеком", он в 1934 г. был арестован по сфальсифицированному делу так называемой Российской национальной партии, жертвами которого стали десятки славистов. Кораблев признал себя виновным в принадлежности к несуществующей партии и оговорил других. Тем не менее, он был осужден к 10 годам заключения в лагере. Но вскоре этот приговор был заменен высылкой в Алма-Ату, где Кораблев и умер. Реабилитирован в 1990 г.

С лужицкими сербами Кораблев контактировался прежде всего как редактор "Славянских известий", где публиковались на русском языке статьи и очерки по истории серболужицкой литературы и серболужицкому фольклору, вышедшие из под пера известного серболужицкого ученого А.Муки. В 1906 г. Кораблев побывал в Будишине и Фрайберге и лично познакомился с Мукой. Между учеными началась переписка. Собрав письма Муки к русским ученым за период с 1892 по 1915 г. (их оказалось более сотни), Кораблев проанализировал их содержание и частично опубликовал на языке оригинала и в переводе на русский, издав статью "Э.Ю.Мука в письмах к русским ученым" (1934). В начале статьи приводятся некоторые общие сведения о лужицких сербах (об их численности) и характеризуется Мука как ученый и как деятель, горячо преданный интересам своего народа, тяжело пережившего национальный гнет и стремившегося к национальной самостоятельности. Кораблев отмечает, что при анализе писем Муки взял из них лишь основную, деловую часть, представляющую, по его мнению, большой общественный интерес. Первым сюжетом статьи Кораблева стало описание истории создания Мукой словаря нижнелужицкого языка и издания его Российской Академией наук. Этот вопрос обсуждался в переписке между Мукой и академиком А.А.Шахматовым, в то время председателем Отделения Русского языка и Словесности РАН. Кораблев излагает детали содержащихся в этой переписке переговоров, закончившихся тем, что в 1921 г. Академия выпустила первый том словаря. Оказывается, работавший в Петербурге чешский филолог Ю.Клецанда при отъезде из русской столицы после Октябрьской революции захватил с собой неопубликованную часть рукописи словаря а затем бесследно исчез вместе со всем своим багажом где-то на просторах России. Словарь же был позднее полностью издан в Праге по запасному варианту рукописи, который удалось создать благодаря тому, что Мука получил от Санкт-Петербургского Славян-

ского Благотворительного общества материальную помощь в размере 500 рублей. Вторым моментом биографии Муки, на который обратил внимание Кораблев, опираясь на письма серболужицкого ученого к русским, является история его избрания членом-корреспондентом РАН. Первые попытки обрести это звание Мука предпринял в октябре 1909 г. Вся история описана в статье на основании писем Муки к трем лицам: его петербургскому приятелю и соучеику по Лейпцигскому университету Э.А.Вольтеру, академику В.И.Ламанскому и академику А.А.Шахматову. В письмах Мука характеризует свой тяжкий, но успешный труд на ниве славянского языкознания и выражает свое страстное желание войти в число "сочленов" первой по ее значению славянской Академии наук. Отделение Русского языка и Словесности РАН долго не могло удовлетворить притязаний Муки по разным причинам, в том числе и далеким от научных соображений (например, академик Ягич считал Муку "слишком честолюбивым и тщеславным"). Наконец, направив просьбы о поддержке его кандидатуры при выборах в члены-корреспонденты нескольким влиятельным лицам и послав в дар Академии 225 томов серболужицких книг, Мука в конце 1912 г. был избран и в ноябре 1913 г. утвержден в том звании, которого добивался.

К важным вопросам, обсуждавшимся Мукой в письмах к русским ученым, Кораблев относит получение материальной помощи от Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества на достройку Сербского дома в Будишине, о чем Мука писал в основном Кораблеву; вторая просьба заключалась в оказании помощи на издание сборника стихов Якуба Барта-Чишинского. Обе просьбы были удовлетворены. В конце статьи Кораблев опубликовал автобиографию Муки, написанную в декабре 1899 г. и перечень его трудов до 1909 г. (то и другое на немецком языке). Таким образом, статья Кораблева содержит много ценных сведений о русско-серболужицких научных связях в первой четверти XX в.

Кораблев В.Н. Э.Ю.Мука в его письмах к русским ученым // Труды Института Славяноведения Академии наук СССР. II. Л. 1934. С. 271-291;

Кораблев Василий Николаевич // Русские писатели. Т. 3. М., 1994. С. 64-65;

Ашпиз Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов". 30-е годы. М., 1994 (по именному указателю);

Лантева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 276-278;

Лантева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. - 1917 г.). М., 1978 (по именному указателю).

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 188-189;

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ (1886-1942)

Известный русский лингвист, специалист по русскому и славянским языкам. Родился в семье крестьянина Орловской губернии, учился в Курской гимназии, а в 1906-1911 г. - на историко-филологическом факультете Казанского университета, по окончании которого был оставлен для приготовления к профессорскому званию. С 1914 г. преподавал

в Казанском университете сравнительную грамматику славянских языков, западнославянские и старославянский языки. В 1914 г. был в командировке на Балканах, где изучал живые балканские языки, а также литературы южных славян. В 1918-1920 г. работал в Иркутском университете, с 1922 г. - в Московском. Он изучал как южнославянские, так и западнославянские языки и литературы, написал много научных трудов и ряд учебных пособий. В 1914 г. вышло его "Введение в сравнительную грамматику славянских языков". Труд "Полог и его болгарское население" (1929) представляет собой исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-западной Македонии. Селищеву принадлежит и множество менее крупных исследований по южнославянским языкам и литературам. Велико значение его работ по македонской диалектологии. Большие заслуги снискал себе ученый и в разработке вопросов истории, диалектологии и современного состояния русского литературного языка. Далее он написал двухтомное учебное пособие "Старославянский язык". Столь значительные успехи были высоко оценены научной общественностью: в 1926 г. Селищев был избран членом Академического Финно-Угорского

общества в Гельсингфорсе, в 1928 г. - членом-корреспондентом АН СССР, в 1930 г. - членом-корреспондентом Болгарской АН и почетным членом Македонского Научного общества.

Однако дальнейшая жизнь талантливого ученого сложилась трагично. В 1934 г. он был репрессирован по делу, сфабрикованному "Секретно-политическим отделом" ОГПУ. Привлеченные по этому делу ученые обвинялись в антисоветской деятельности и создании Российской национальной партии, которой в действительности никогда не существовало. "Дело" представляло собой одно из звеньев кампании против старой русской интеллигенции, ненавистной высшим органам Советской власти, укомплектованной в основном людьми с низким образованием и люмпенской психологией. За принадлежность к мифической партии и мнимую антисоветскую деятельность Селищев был осужден на 5 лет и отправлен в один из карагандинских лагерей. Виновным ученый себя не признал, но его продолжали "громить" даже после отправки в лагерь. Так, в газете "Правда" в 1935 г. подвергалась критике книга Селищева "Язык революционной эпохи". Автора обвиняли в том, что он, исследуя язык деятелей революции, констатировал, что их речь содержит немало фамильярных и грубых слов.

Этот факт квалифицировался критиками как клевета на партию, на вождей, на комсомол и революцию в целом. Естественно, после такой "оценки" книга была изъята из обращения. Заключение в лагерь Селищев получал льготный зачет рабочих дней за усердную работу и вышел из лагеря через три года. Однако освобождение не сделало его полноправным членом общества. Вместо паспорта ему дали справку об освобождении, по которой он не имел права прописываться в пунктах, расположенных ближе 100 км от крупных городов. Долго у него не было угла, прежнюю жилплощадь в Москве он вынужден был освободить, а судимость мешала устройству на работу. Академия наук СССР исключила его из числа своих членов. Однако нашлись порядочные люди, которые ему помогли, и в 1937/38 г. Селищев все же стал профессором Московского Института философии, литературы и истории, а затем и Московского Городского Педагогического института. Получив паспорт с московской пропиской, Селищев работал в МГПИ два последних предвоенных года, занимая постоянную жилплощадь в общежитии. Последний год жизни Селищев посвятил восстановлению славянского отделения МГУ, но до реализации своих усилий не дожил. Реабилитирован в 1956 г.

Селищев был одним из крупнейших специалистов СССР по славянским языкам. В 1941 г. вышла его книга "Славянское языкознание" (Т. 1. Западнославянские языки), представлявшая собой

учебное пособие для студентов педагогических институтов и для университетов и первую в Советском Союзе книгу с систематическим изложением вопросов расселения славянских племен, образования их диалектов и проблем общеславянского языка. Западнославянские языки рассматриваются здесь в их историческом развитии и современном состоянии; характеризуются важнейшие черты, свойственные каждому из славянских языков. Специальный раздел отведен в книге лужицким сербам. Во введении к этому разделу говорится об областях их раннего расселения, характеризуются серболужицкие племена и их отношения с немецким государством. Приводятся статистические данные о лужицких сербах, говорится и о современных районах их расселения. Далее следует глава "Литературный язык", в ней дается описание гласных и согласных, характеризуются графика и орфография. В главе "Процессы и явления в языке лужичан" характеризуется фонетика (ударение, долгота и краткость звуков, история вокализма и консонантизма); далее идет морфология: имя (существительное и прилагательное), местоимения, склонение имен и местоимений; глагол (времена - настоящее, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее; наклонения - неопределенное, повествовательное и сослагательное; страдательный залог, причастие, супин, отглагольные имена). В четвертой части рассматриваются по существу серболужицкие наречия, именуемые в книге "группами" (вернелужицкая и нижнелужицкая). Пятую главу составляют тексты, приводится верхнелужицкое стихотворение Я.Барта-Чишинского и нижнелужицкое - Мато Косыка. Прилагается верхнелужицкий и нижнелужицкий словарь, а в заключение помещена библиография на ряде языков (16 названий пособий и 7 названий словарей).

Учебник Селищева по западнославянским языкам долго служил главным пособием при подготовке последующих поколений советских лингвистов. Раздел учебника о серболужицких языках стал стимулом для исследования этих языков молодыми языковедами Московского университета, тем более, что кафедру славянских языков, о создании которой хлопотал Селищев, через несколько лет занял его ученик С.Б.Бернштейн. Взлет языкознания в области изучения серболужицкого языка в советское время во многом обязан тем традициям, которые заложил талантливый ученый-мученик А.М.Селищев.

Селищев А.М. Лужицкие сербы (серболужичане) // Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941. С. 221-268;

Селищев А.М. Введение в сравнительную грамматику славянских языков. М., 1914;

Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968;

Ашин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело "славистов". 30-е годы. М., 1994. С. 149-164 и др.

Бернштейн С.Б. А.М.Селищев - славист-балканист. М., 1987;

Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии // Советское славяноведение. 1989. № 1;

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. 3. Минск, 1978. С. 186-193.

САМУИЛ БОРИСОВИЧ БЕРНШТЕЙН

Лингвист, доктор филологических наук, профессор, многолетний заведующий кафедрой славянских языков в Московском государственном университете, а также заведующий сектором славянского языкознания в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Родился в 1911 г. в г. Баргузин (Забайкалье) в семье политических ссыльных. Среднюю школу окончил в 1928 г. в Уссурийске, после чего поступил на историко-филологический факультет МГУ, где изучал на отделении западных и южных славян языкознание под руководством крупных русских славистов А.М.Селищева и Г.А.Ильинского. По окончании университета С.Б.Бернштейн поступил в аспирантуру Московского Научно-исследовательского Института языкознания, где специализировался по болгарскому языку под руководством А.М.Селищева. В 1934 г., в связи с арестом А.М.Селищева по сфабрикованному "Делу славистов", С.Б.Бернштейн защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук под руководством М.Г.Долобо в Ленинграде. С 1934 по 1937 г. он преподавал славянское языкознание в Одесском педагогическом институте и в Одесском Государственном университете, с 1939 г. рабо-

тал в Московском Институте философии, литературы и истории, который в 1941 г. вошел в состав МГУ. В 1941-1943 г. С.Б.Бернштейн находился в эвакуации в Ашхабаде, вернувшись в 1943 г. в Москву, принимал активное участие в организации на филологическом факультете МГУ кафедры славянских языков, которую и возглавил в 1947 г. Все крупные языковеды-слависты России к этому времени уже умерли или погибли в результате репрессий или блокады Ленинграда, и самым известным российским специалистом в области славянского языкознания стал именно С.Б.Бернштейн, который и возглавил научную работу в своей области, проявив себя как организатор и руководитель многих коллективов и их исследований, редактор славистических изданий, инициатор изысканий по славистике, воспитатель научных кадров. Ученому принадлежит около 400 печатных трудов, 18 индивидуальных и коллективных монографий, учебников и словарей. С.Б.Бернштейн является членом нескольких зарубежных славянских академий наук. Основной его научный интерес составляет болгаристика. Он занимается как живыми болгарскими говорами, так и языком памятников болгарской письменности. Другой областью научных занятий ученого является старославянский язык и сравнительная грамматика славянских языков. Серболужицким языком сам С.Б.Бернштейн специально не занимается; однако в результате общего развития славянского языкознания благодаря трудам как русских, так и зарубежных ученых выяснено первостепенное значение серболужицких языков для изучения языка праславянского, истории западно-славянских языков, сравнительной грамматики славянских языков и славяно-германских языковых отношений, и С.Б.Бернштейн как руководитель главных лингвистических центров в области славянского языкознания в СССР направлял своих аспирантов на разработку сорабистических языковых проблем. Среди многих его учеников, ставших известными языковедами, М.А.Михайлов и М.И.Ермакова посвятили свое творчество серболужичанам. С.Б.Бернштейн был не только инициатором тем их диссертаций, но и оказывал помощь в предоставлении им командировок, в организации их участия в экспедициях в регионы расселения носителей серболужицкого языка. С.Б.Бернштейн был также инициатором сборников статей по серболужицкому языкознанию; эти сборники объединяли исследователей названной проблематики на территории всего Советского Союза. В "Сербо-лужицком лингвистическом сборнике", вышедшем в 1963 г., С.Б.Бернштейн опубликовал статью "Русское славяноведение о сербо-лужицких языках", где описал историю изучения этих языков русскими славистами XIX - XX столетий. Автор

упомянул практически всех русских ученых, которые проявляли интерес к языку лужицких сербов. С.Б.Бернштейн по-новому оценил работу русского исследователя XIX в. Е.П.Новикова "О важнейших особенностях лужицких наречий". Подробно разобрав это сочинение и указав на его существенные недостатки, С.Б.Бернштейн признал работу Новикова ценным вкладом в изучение серболужицких языков и в славянское языкознание. Автор полагает, что диссертация Новикова явилась важным событием в истории изучения серболужицких языков и важнейшим источником сведений об этих языках, что она была выполнена на уровне языкознания первой половины XIX в., но не получила признания у современников и забыта более поздними исследователями. Большое внимание в статье С.Б.Бернштейна уделено сочинению Л.В.Щербы "Востоchnолужицкое наречие" (1915). Подробно изложено содержание работы, а также и разобрана рецензия на нее А.А.Шахматова. С.Б.Бернштейн считает, что великий русский лингвист не сумел всесторонне и вполне объективно оценить труд Л.В.Щербы, а объясняет это принадлежностью Шахматова и Щербы к различным лингвистическим направлениям дореволюционной русской науки. Рецензия Шахматова, по мнению С.Б.Бернштейна, не отмечает значительных и несомненных достоинств труда Щербы: касаясь отдельных частей первой главы этого труда, Шахматов проходит мимо принципиальных вопросов методологии, поставленных Щербой. В то же время С.Б.Бернштейн указывает и на те ошибки и недочеты, допущенные Щербой, которые Шахматов убедительно и основательно исправляет в рецензии. Как констатирует С.Б.Бернштейн, Шахматов не ограничился критикой ошибочной концепции Щербы относительно истории серболужицкого языка, а предложил и свое собственное решение вопроса о серболужицком языковом единстве. Закljučая свой обзор, С.Б.Бернштейн отмечает, что наиболее крупная отечественная публикация о серболужицких языках в советский период принадлежит А.М.Селищеву, что серболужицкий отдел в его труде "Славянское языкознание" может служить надежным пособием для элементарного изучения истории серболужицких языков. Кроме названной статьи С.Б.Бернштейн написал еще справку о серболужицкой литературе в Большую Советскую Энциклопедию.

Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 5-22;

Бернштейн С.Б. Сербо-лужицкая литература // Большая Советская Энциклопедия. Т. 50. М., 1944. С. 849;

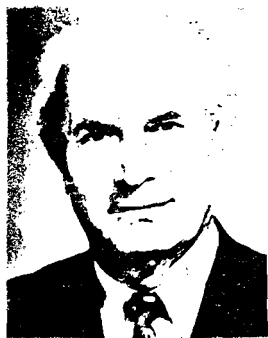
Библиография трудов проф. С.Б.Бернштейна (1935-1970) // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия профессора С.Б.Бернштейна. М., 1971. С. 5-17;

Венедиктов Г.К. 80 лет старейшине советских славистов // Советское славяноведение. 1991. № 1. С. 67-74.

Studia Slavica. Сборник статей в честь С.Б.Бернштейна. М., 1991.

Dialectologia slavica. Сборник статей к 85-летию С.Б.Бернштейна. М., 1995.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СЕМИРЯГА

Историк, профессор, доктор исторических наук. Родился в 1922 г. В 1950 г. окончил МГУ им. М.В.Ломоносова, защитив дипломную работу на тему о лужицких сербах, а затем и кандидатскую диссертацию “Лужичане. Историко-этнографический очерк” (1953). Впоследствии он разрабатывал политическую историю Второй мировой войны, главным образом - вопрос об участии, роли и значении в ней славянских народов. В 1963 г. защитил докторскую

диссертацию “Международная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма (1939-1945 гг.)”. Издал много трудов на ту же и смежные с ней темы. Последняя работа - “Как мы управляли Германией” - вышла в 1996 г. и представляет собой воспоминания автора о его пребывании в составе Советской Военной администрации в Германии после окончания Второй мировой войны с использованием большого документального материала, разысканного в архивах. Именно в описываемый здесь период, в 1949 г., М.И.Семиряга познакомился с лужицкими сербами, посетил многие их населенные пункты и регионы, в том числе Будишин и Котбус. Свои наблюдения, дополненные плодами изучения истории и этнографии лужицких сербов, М.И.Семиряга обобщил сначала в

своей дипломной работе, а затем в упомянутой кандидатской диссертации, а в 1955 г. издал книгу "Лужичане", первый в советской историографии подробный очерк о лужицких сербах. В книге приводятся сведения о территории, природных условиях и климате региона проживания лужицких сербов, их численности, религии, языке. Предлагается и краткий очерк истории народа с древности до 1945 года, созданный на основании литературы, из которой, к сожалению, заимствованы и допущенные в ней ошибки (прибавлены к ним и некоторые дополнительные). В третьей главе характеризуется положение лужицких сербов после 1945 г., и в этой части автор совершенно самостоятелен. Он представил первое в советской литературе описание жизни лужицких сербов в десятилетие после окончания Второй мировой войны, используя документы, а также и собственные наблюдения за процессами становления и развития в Германии малой славянской народности, получившей впервые в ее истории возможность свободного и равноправного существования. В следующих частях книги автор характеризует материальную культуру лужицких сербов. Он говорит прежде всего о развитии промышленности и сельского хозяйства на территории Лужиц, останавливается на процессе индустриализации и кооперирования сельскохозяйственного производства. Это последнее явление - в духе советской литературы 50-х годов - представлено как залог построения счастливого социалистического общества в ГДР и процветания как немецкого, так и серболужицкого крестьянина. Приходится отметить, что освещение экономических, политических и культурных процессов в первое десятилетие существования отдельной части Восточной Германии и ГДР искажает действительную картину, как это и было принято в коммунистической пропаганде. Однако, если автор и знал об этих искажениях, то все равно не мог писать в ином ключе ввиду монополистического господства в СССР и социалистических странах идеологии тоталитарного режима.

Что же касается тех разделов книги, где говорится о народной одежде лужицких сербов, их поселениях и постройках, семейных обрядах, музыке и танцах, то они и сейчас представляют интерес для широких читательских кругов, особенно для незнакомых с более поздней этнографической литературой российских сорабистов. Для 50-х годов этнографические описания, содержащиеся в книге М.И.Семиряги, были уникальны и определенно сыграли положительную роль.

Книга завершается характеристикой духовной культуры лужицких сербов. В имеющихся здесь исторических экскурсах допущен ряд ошибок фактического свойства, ощущается односторон-

ность в освещении процесса развития литературы, изобразительного искусства и художественной жизни народа. Но и в этом разделе имеется полезная информация. В целом книга "Лужичане" из-за своей идеологической ограниченности не позволяет читателю получить представление о тех причинах, которые привели, например, к экономической отсталости ГДР в сравнении с ФРГ, к массовому бегству населения (особенно молодежи) Восточной Германии на Запад. Но, с другой стороны, книга представляет собой не только первый, но и единственный в нашей историографии труд, в котором кратко освещаются едва ли не все наиболее важные аспекты жизни лужицких сербов.

Семиряга М.И. Лужичане. М.-Л., 1955;

Семиряга М.И. Лужичане. Историко-этнографическое исследование. М., 1954 (кандидатская диссертация, машинопись);

Семиряга М.И. Лужичане // Народы Западной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 279-298 (в серии "Народы мира");

Историки-слависты СССР. Библиографический словарь-справочник. М., 1981. С. 146-147.

МАРК АЛЕКСЕЕВИЧ МИХАЙЛОВ (1930-1993)

Языковед-славист, педагог. Родился в Москве, военные годы провел с родителями в эвакуации (в городе Алма-Ата), затем, вернувшись в Москву, поступил в 1948 г. на славянское отделение филологического факультета МГУ. Специализировался по чешскому языку и литературе. По окончании университета в 1953 г. был оставлен в аспирантуре при кафедре славянских языков, где под руководством проф. С.Б.Бернштейна занимался проблемами сравнительной грамматики. По рекомендации научного руководителя приступил к изучению серболужицкого языка с учетом его недостаточной исследованности, что касалось в частности вопросов словообразования: в те годы вся литература по этой теме сводилась всего к нескольким статьям. Курс аспирантуры Михайлов завершил кандидатской диссертацией "Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке". По бытовым причинам

(Михайлов не имел в Москве достаточной жилплощади) молодой ученый уехал в 1956 г. во Владивосток, где стал работать доцентом кафедры русского языка и языкознания Дальневосточного университета, отдавая свои силы и способности не только преподаванию, но и научной работе. Во Владивостоке он оставался в течение 8 лет, написал там же интересное исследование "О количественных формах существительных (на материале гсвора брянских переселенцев Приморского края)", опубликованное в 1973 г. в серии "Общеславянский лингвистический атлас". С 1964 г. до последних дней жизни Михайлов работал в Горьковском (ныне Нижегородском) университете доцентом кафедры современного русского языка и общего языкознания. В 1974 г. в Горьком вышла его небольшая книга "Вопросы морфологического анализа слов (выделимость основ и формантов)", а в 1989 г. - последняя книга "Речевая номинация и выделимость морфем". С 1971 по 1974 г. Михайлов работал во Вроцлавском университете в Польше, где читал лекции и вел занятия по русскому языку. Это был плодотворный период в работе ученого, нашедший отражение в названной книге и в ряде статей.

Опубликованная в 1959 г. кандидатская диссертация Михайлова стала началом его работы в области сорабистики. Исследование проведено с учетом других западнославянских языков: факты серболужицкого рассматриваются в сопоставлении с польским, чешским, поморским языками в синхроническом и диахроническом плане, причем автор, показывая различную соотношенность с ними верхнелужицкого и нижнелужицкого языков, ставит и дает ответ на вопрос о причинах практического вытеснения всех суффиксов действующего лица одним суффиксом - *ar*. Михайлов связывает названную особенность с тем, что суффикс - *ar* служит в основном созданию собственно лужицких новообразований, то есть историческими причинами.

Словообразованию в серболужицком языке посвящена и статья Михайлова "О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов" (1963), где рассматривается специфическое для серболужицкого явление, несущее отпечаток поморфемного калькирования с немецкого. Автор показывает, что в рассматриваемых образованиях проявляются черты, свойственные только серболужицкому, хотя своеобразие этих структур способно оказать помощь в уяснении словообразовательных структур немецких слов. В статье "Верхнелужицкие образования типа *nažel, nažolc*" (1968) рассматриваются стадии названных образований в различных западнославянских языках и их специфика в серболужицком, сопровождаемая своеоб-

разием морфологических черт, и частеречные свойства. В статье "О серболужицких глагольных приставках, выражающих отмену результата предшествующего действия" (1989) рассматривается данный тип семантических отношений между глаголами, выявленный некоторыми исследователями на материале славянских языков, и анализируется его специфика в серболужицких, в частности - проявление характерной для них тенденции сокращения набора словообразовательных аффиксов по сравнению с чешским и польским языками. Так анализ конкретного материала применительно к разным реалиям обнаруживает специфические для серболужицкого языка явления, мотивируемые в значительной мере особенностями его бытования и отчасти - двуязычием носителей языка.

Михайлов М.А. Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XVII. М., 1959. С. 128-207;

Михайлов М.А. О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 107-131;

Михайлов М.А. [Рец. на кн.:] Löttsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965 // Советское славяноведение. 1967. № 4. С. 119-121;

Михайлов М.А. Верхнелужицкие образования типа *naběl, našoć* // Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1968. S. 293-309;

Михайлов М.А. Использование верхнелужицких отглагольных форм на *at - u* в глагольных конструкциях // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970. С. 151-165;

Михайлов М.А. О серболужицких глагольных приставках, выражающих отмену результата предшествующего действия // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 153-169;

Толстой Н.И. М.А. Михайлов [Некролог] // Славяноведение. 1995. № 2. С. 122-123.

ЛЮДМИЛА ЭДУАРДОВНА КАЛНЫНЬ

Лингвист, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН. Окончила факультет русской литературы и языка МГПИ им. В.И.Ленина (1948) и аспирантуру Института языкознания АН СССР (1952), защитив кандидатскую диссертацию "Коломенские говоры в их истории и современном состоянии". В 1976 г. защитила диссертацию на степень доктора филологических наук "Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система".

Основные направления научной деятельности Калнынь - сопоставительное изучение славянских диалектов на уровне их звукового строя, сравнительно-историческое изучение славянской фонетики. Первое обращение к материалу серболужицких языков связано с исследованием проблемы формирования консонантной корреляции палатализованности в славянских языках (1961). На основе сведений, содержащихся в публикациях по диалектологии и истории серболужицких языков, показано, как складывалась специфика названной корреляции в этих языках, отличающая их от других славянских языков, имеющих в своей системе ту же корреляцию. Последующие работы посвящены исследованию особенностей фонетического строя нижнелужицких диалектов. Это стало возможным благодаря тому, что в 1960-1961 г. Институт серболужицкого народоведения в Бауцене пригласил сотрудников Института славяноведения АН СССР для участия в сборе нижнелужицкого диалектного материала для "Серболужицкого языкового атласа" (Sorbischer Sprachatlas) по программе "Опросный лист для составления регионального атласа серболужицких диалектов".

Материал полевых записей и данные диалектной картотеки Института серболужицкого народоведения дали возможность обратиться к изучению синхронного состояния фонетики и фонологии отдельных фрагментов нижнелужицких диалектов. Эта работа началась со статьи, предлагавшей модель фонологической системы говора, в обследовании которого принимала участие Калнынь. Далее объект исследования расширился. Сопоставительный анализ вокализма трех нижнелужицких говоров, репрезентирующих восточно-котбусский, губинский и среднепограничный диалект-

ные типы (статья "О нижнелужицком вокализме", 1963), показал значительные фонетические расхождения между ними при тождестве устройства фонемных систем. Сходство проявляется и в том, что максимальная система, в которой гласные фонемы локализованы на четырех ступенях подъема, во всех трех говорах неустойчива и имеет тенденцию к свертыванию, устраняющую фонему средневерхнего подъема путем отождествления с фонемой среднего подъема ($\epsilon \rightarrow e$). В речевой реализации вокализм может сокращаться и до двух ступеней подъема. Интерпретации лужицкого диалектного континуума как структурного образования, состоящего из постоянных и территориально варьирующихся звеньев, посвящено монографическое исследование Калнынь "Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке" (1963). В его основу положена теория диалектного языка Р.И.Аванесова, согласно которой территориально несовместимые диалектные особенности данного языка приводятся в отношении эквивалентности в рамках диалектного различия. Диалектное различие приобретает значение инвентарной единицы в характеристике диалектного ландшафта. Использование материала живых нижнелужицких диалектов позволило установить инвентарь диалектных различий в составе гласных и согласных фонем, в их позиционном распределении, фонетической реализации и частоте употребления. Специфика диалектной дифференциации нижнелужицкого языка является не только результатом генетически обусловленных процессов развития языка, но во многом вызывается особенностями языковой ситуации, в которой длительное время существуют нижнелужицкие диалекты. Определяющими факторами этой ситуации являются: 1) немецко-лужицкое двуязычие практически всех носителей нижнелужицких диалектов; 2) функционирование языка лишь в диалектной форме при отсутствии воздействия со стороны кодифицированного стандарта; 3) снижение интенсивности общения на нижнелужицком языке (диалектах), когда за пределами своего села носители диалекта предпочитают переключаться на немецкий язык. Наряду с различиями, реализующимися в принципиально неограниченном круге слов (морфем), многочисленна группа диалектных различий, проявляющихся в фонетике отдельных слов, т.е. эксплицирующая нерегулярность фонетических изменений. Этот тип диалектного различия является прямым следствием снижения интенсивности общения на нижнелужицких диалектах, когда функционирование диалектного идиома постепенно ограничивается одним населенным пунктом; к тому же на использование нижнелужицкого языка накладываются и ге-

нерационные ограничения. В заключение монографии дается список используемых транскрибированных примеров с их русским переводом, что для русского читателя было необходимо. Для правильного понимания фонемного устройства нижнелужицких диалектов существенным является вопрос об отношении к фонетике многочисленных слов немецкого происхождения. В специально посвященной этому вопросу статье Калнынь “Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке” (1968) доказывается, что в диалекте слово, независимо от своего происхождения принадлежит синхронной системе диалекта, а его фонетика должна учитываться при моделировании фонологической системы. Особенности типологии нижнелужицких диалектных различий побудили Л.Э.Калнынь обратиться к истории формирования явлений, образующих эти различия. Ею был предпринят опыт интерпретации тех явлений из истории нижнелужицкого языка, которые были связаны с изменением гласных переднего ряда. Результаты изложены в статье “Из истории нижнелужицкого вокализма” (1970). На диалектном материале, с применением метода сравнительной хронологии, прослежены закономерности изменения $e \rightarrow o$, $e \rightarrow a$ и отчасти судьба $*e$. Соотнесение этих явлений с фиксированным корпусом морфем, содержащих разные позиции, показывает, что: 1) изменение $e \rightarrow o$ манифестирует уже происшедшие в системе фонологические сдвиги в связи с оформлением корреляции твердости-мягкости. В отдельных диалектах изменение $e \rightarrow o$ в рамках определенной позиции происходило в разном круге морфем. Генерализации явления препятствовало изолированное функционирование отдельных частных диалектных систем как реакция на специфику языковой ситуации; 2) изменение $e \rightarrow a$ имело статус структурной необходимости как условие снижения частоты употребления фонемы $-le/$, этимология которой чрезвычайно расширилась в связи с рефлексацией праславянских гласных. Поэтому изменение $e \rightarrow a$ осуществляется значительно более последовательно, чем $e \rightarrow o$. Но неунифицированность в масштабах нижнелужицкого языка состава морфем, охваченных изменением $e \rightarrow a$, также имеет место, хотя и в меньшей степени, чем это констатируется для $e \rightarrow o$. Нижнелужицкие диалекты в своем звуковом строе обнаруживают элементы фонетической архаики. Одним из проявлений этого являются, в частности, следы приоритетности контактной связи между звуками в фонетической программе слова, что было характерно для периода до падения редуцированных. Эта проблема рассматривается на примере оглушения твердого вибранта (статья “Нижнелужицкое оглушение

вибранта как факт славянской фонетики”, 1989) и рефлексации *o в нижнелужицких диалектах (статьи “Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме”, 1994, и “Нижнелужицкая рефлексация *o как компонент фонетической программы слова”, 1995).

Л.Э.Калнынь ведет и активную научно-организационную работу в этой области, является ответственным редактором и составителем сборников статей: Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963 и Исследования по серболужицким языкам. М., 1970.

Калнынь Л.Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961;

Калнынь Л.Э. О фонологической системе одного из нижнелужицких говоров // Studije k serbskeje dialektologije. Budyšin, 1963. S. 27-79;

Калнынь Л.Э. О нижнелужицком вокализме // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 23-46;

Калнынь Л.Э. К характеристике нижнелужицких звуковых диалектных различий // Советское славяноведение. 1966. № 6. С. 48-55;

Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967. 250 с.

Калнынь Л.Э. [Рец. на кн.:] Sorbischer Sprachatlas. Bd. 1. Bautzen, 1965. 245 S. // Советское славяноведение. 1967. № 1. С.93-97;

Калнынь Л.Э. Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке // Советское славяноведение. 1968. № 2.

Калнынь Л.Э. [Рец. на кн.:] K.Weißwasser. Studien zur sprachlichen Interferenz. 1. Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Nochten. Bearbeitet von S.Michalk, H.Protze. Bautzen, 1967. 173 S. // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 111-114;

Калнынь Л.Э. Из истории нижнелужицкого вокализма // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970. С. 3-43;

Л.К. [Калнынь Л.Э.] Книга о серболужицкой литературе. [Рец. на кн.: Трофимович К.К., Моторный В.А. Нариси з історії серболужицької літератури. Львів, 1970] // Советское славяноведение. 1971. № 5. С. 94-95;

Калнынь Л.Э. Нижнелужицкое оглушение вибранта как факт славянской фонетики // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 160-172;

Калынь Л.Э. Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме // Славяноведение. 1994. № 5;

Калынь Л.Э. Нижнелужицкая рефлексация *o как компонент фонетической программы слова // Проблемы становления и развития серболужицких языков и диалектов. М., 1995;

Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1962. С. 7-27;

Sorbischer Sprachatlas. 1. Bautzen, 1965. S. 18.

ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА ЛАПТЕВА

Историк-славист, доктор исторических наук, профессор МГУ. Родилась в 1926 г. в селе Осиновые-Ган Тамбовской области в малообразованной семье с низким уровнем материальной обеспеченности. Отец, ведавший местным почтовым отделением, окончил четырехлетнюю церковно-приходскую школу, мать проучилась 2 года. Жители населенного пункта и округа не имели, как правило, даже элементарного образования, и грамотный П.Лаптев принадлежал как бы к "интеллектуальной элите" села, которую составляли еще местный священник и два-три учителя, участвовавшие в кампании по ликвидации безграмотности ("ликбез"). П.Лаптев обладал собственным паспортом, то есть документом, который крестьянам не выдавался в целях удержания в колхозе рабочей силы. В районе с плодородной черноземной почвой царил нищета, скот и орудия труда были насильственно обобщены, значительная часть земли вообще не обрабатывалась, трудодни никак не вознаграждались, а с ничтожного приусадебного участка большие крестьянские семьи прокормиться не могли. Бесплодие было явлением постоянным, нередко деревня и голодала. Дети посещали школу только осенью; с наступлением холодов ходить в нее было не в чем. Основная масса учеников оставалась на второй год или вообще отсеивалась; в 5-й класс поступали единицы, причем и они оканчивали школу не всегда. Несмотря на отсутствие паспортов из деревни бежали тру-

доспособные люди молодого и среднего возраста, устраиваясь в городах на ту или иную работу. В 1938 г. уехал с семьей в Подмосковье и П.Лаптев. Работал он почтальоном в пос. Томилино Люберецкого района. Здесь Л.П.Лаптева закончила 8 классов средней школы, но с началом войны и бомбардировок столицы и пригородов семья была эвакуирована на родину. Призванный в армию П.Лаптев с фронта не вернулся. В 1943 г. Л.П.Лаптева окончила в Осиновых-Гаях среднюю школу и поступила в Тамбовский Педагогический институт на исторический факультет. И в деревенской школе, и в институте работали образованные преподаватели, в основном эвакуированные из Москвы, что обеспечивало учащимся достаточно хорошую подготовку. Окончив в 1943 г. первый курс института в Тамбове, Лаптева снова переехала в Томилино и перевелась в Московский Областной Педагогический институт (МОПИ), который окончила в 1947 г. Проработав несколько лет учителем в средней школе, она поступила в аспирантуру МОПИ по кафедре истории средних веков (руководитель - проф. А.С.Самойло), а в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему из истории Чехии XVI - начала XVII в. и стала преподавать историю средних веков в том же институте. В 1959 г. она была приглашена в МГУ на кафедру истории южных и западных славян в качестве ассистента для преподавания истории славян (преимущественно феодального периода). За прошедшие с того времени 37 лет читала курсы лекций по истории Чехии периода феодализма, общие курсы по истории южных и западных славян, по источниковедению истории западных славян, преподавала вспомогательные исторические дисциплины, читала специальные курсы и т.д. По этим предметам Лаптевой опубликовано большое число учебных пособий - курсов лекций и текстов источников для практических занятий. Профессором Лаптева стала в 1975 г. после защиты докторской диссертации по историографии гуситского движения в Чехии XV в. За годы работы ею подготовлено несколько десятков дипломников и около 20 кандидатов исторических наук (в их числе один - по истории лужицких сербов).

В начале 60-х годов в сфере образования Советского Союза произошли некоторые положительные изменения. В МГУ, например, была расширена программа преподавания иностранных языков, обеспечивавшая высокий уровень владения ими; преподавателям были разрешены командировки в зарубежные страны. Лаптева в 1962 г. была командирована в Карлов университет в Праге сроком на 8 месяцев для повышения квалификации и совершенствования в чешском языке. По возвращении в Москву она стала разрабатывать проблему отражения гуситского движения в рус-

ской дореволюционной историографии. Через 10 лет диссертация на эту тему принесла ей степень доктора наук, а в 1978 г. была издана отдельной книгой. Дальнейшее научное творчество Лаптевой пошло по трем основным направлениям: 1. История Чехии периода феодализма (до 1848 г.); 2. История славяноведения (преимущественно русского); на эту тему ею в 1989 г. была написана монография "Славяноведение в Московском университете" (до сих пор не изданная за отсутствием у МГУ необходимых для этого средств); опубликован также большой ряд исследовательских статей об отдельных славистах, о славяноведении в русских университетах и т.д.; 3. История русско-славянских научных и культурных связей в течение XIX и начала XX веков. По всем этим трем аспектам славяноведения и смежным с ними областям Лаптевой к середине 1996 г. опубликовано 402 работы, а еще более сотни находятся в различных издательствах или в рукописи.

Значительное место в научных исследованиях Лаптевой занимает сорабистика, прежде всего - история русско-серболужицких научных и культурных связей. На этот объект исследования Лаптева обратила внимание во время стажировки в Праге в 1962-1963 г. в связи с углубленным изучением истории Чешского государства в средние века. Интерес был поддержан некоторыми пражскими сорабистами (В.Змешкалом и другими историками) и нашел отклик у сотрудников Института Серболужицкого народоведения в Баутцене. С некоторыми из них установились научные контакты, Лаптева опубликовала свои работы в журнале названного института "Летопис". Особенно плодотворными были контакты с известным борцом за самобытность лужицких сербов в послевоенный период, национальным и общественным деятелем д-ром Яном Цыжом, исследователем литературного наследия Я.А.Смолера, побудившим Лаптеву к поискам материалов о Смолере в русских архивах. Она несколько раз посетила Баутцен, прошла обучение серболужицкому языку по программе летней школы, познакомилась со страной и людьми. В Советском Союзе Лаптева обследовала архивы, где могли находиться документы о русско-серболужицких связях, обнаружив большое число их в архивах Москвы и Ленинграда. Обзор этих материалов опубликован в журнале "Летопис" в 1970 г. Тем самым были обнародованы данные об источниковой базе для изучения истории русско-серболужицких связей, что особенно важно ввиду ее уникальности, так как архив Матицы серболужицкой, Я.А.Смолера и другие собрания погибли в период господства в Германии гитлеровского режима. Были исследованы архивы и в других городах - Киеве, Харькове, Одессе, где до 1917 г. существовали университетские

центры и славянские благотворительные общества, где жили слависты, интересовавшиеся лужицкими сербами. Лаптевой была также выявлена и проанализирована русская литература о лужицких сербах. Результатом стала первая и самая полная библиография всего написанного о лужицких сербах в России до 1917 г. Она проанализирована и опубликована в "Летописе" в 1969 г. Вслед за названными работами стали появляться статьи Лаптевой об отдельных русских славистах, изучавших лужицких сербов, имевших в ними контакты. Сюда относятся работы о переписке Я.А.Смолера с русскими учеными (1985), о связях русского ученого И.С.Пальмова с лужичанами (1976), о переписке русского слависта В.А.Францева с А.Мукой (1967), о контактах П.П.Дубровского с лужицкими сербами (1993), о связях с ними профессора Московского университета О.М.Бодянского (1990) и ряд других. 19 статей Лаптевой о русских сорабистах помещены в "Новом Биографическом словаре по истории и культуре лужицких сербов" (Будишин, 1984). Большинство же работ опубликовано в журнале "Летопис" на русском или немецком языках, а также в чешских журналах (по-русски и по-чешски). Такое положение не случайно, оно объясняется ситуацией в советской славистике доперестроечного периода. Долгое время деятельность "буржуазных ученых" в истории славяноведения была темой неактуальной, интерес к ней стал вообще проявляться лишь в начале 70-х годов. Кроме того нельзя было писать об эмигрантах, о лицах, репрессированных советской властью и не признававших марксизм единственно возможной методологией исследований; о них предписывалось отзываться лишь в резконегативных выражениях, "разоблачать их буржуазную и контрреволюционную сущность", даже если никакой антисоветской деятельностью эти лица не занимались. К тому же о лужицких сербах было вообще мало сведений. Поэтому статьи Лаптевой о русско-серболужицких связях в журналах СССР не принимались, а в научных сборниках публиковались лишь ее работы о социально-экономическом развитии малого народа, его национальном движении, борьбе за сохранение языка и т.д.; принимались к публикации также рецензии на серболужицкие издания: четырехтомную "Историю сербов", книгу Я.Цыжа о Смолере, работы Ф.Метшка, издание биографического словаря.

Лаптевой написаны и разделы о лужицких сербах в некоторых коллективных монографиях, сообщения о научных мероприятиях, посвященных серболужицкой тематике. Всего Лаптевой опубликовано по сорабистике 46 работ, а главное место среди них занимает монография "Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до Первой мировой войны (1914 года)",

вышедшая в Москве в 1993 г. тиражом всего в 100 экз. (объем – 293 стр.). Идею создания этой книги подсказал последний перед объединением Германии в 1990 г. директор Института серболужицкого народоведения в Баутцене проф. д-р М.Каспер. Книга носит первопроходческий характер и не имеет аналогов, в том числе предшественников в освещении темы. Лаптева самостоятельно разработала детали связей отдельных лиц и учреждений, показав картину контактов в динамике, разысканные данные еще никогда не были в научном обороте. Привлечена также литература, статьи из русских, серболужицких, немецких и чешских журналов и газет и т.д. Само понятие “связи” автор обозначает как процесс взаимного обмена научными и культурными ценностями, осуществляемого отдельными лицами и целыми организациями, которые и являются носителями связей. Факты одностороннего порядка, например приезд некоторых лужицких сербов в качестве учителей немецкого языка в русские учебные заведения, если эти лица никак не зафиксировали своего отношения к России и ее представителям, не могут причисляться к моментам русско-серболужицких научных и культурных связей.

Книга состоит из 4 глав. В первой из них приводятся сведения, имевшиеся о сербах-лужичанах у представителей России в первой трети XIX в. Важным моментом является здесь корректировка времени начала подробного знакомства русских с лужицкими сербами. Если ранее считалось, что первым такое знакомство осуществил и описал И.И.Срезневский, то на основании одного неопубликованного источника (дневника) удалось установить, что это знакомство произошло на четверть века ранее. Во второй главе рассматриваются серболужицко-русские связи в 40-50-х годах XIX в., характеризуется сорабистическая деятельность И.И.Срезневского, О.М.Бодянского, П.И.Прейса, В.И.Григоровича и П.П.Дубровского, их контакты с серболужицкими патриотами и учеными. Третья глава посвящена связям 50-80-х годов. Центральное место занимает изложение контактов с Россией Я.А.Смолера, представлен материал об изучении серболужицких сюжетов А.Ф.Гильфердингом, а также в русской печати. В четвертой главе автор анализирует серболужицко-русские связи с начала 80-х годов XIX в. до 1914 г. Проработанный материал показывает, что интерес к лужицким сербам в русском обществе постоянно возрастал и был связан с процессом развития в России славяноведения. Изучали лужицких сербов и знакомили с ними русское общество главным образом профессора-слависты, а также лица, не связанные с профессорской деятельностью, но изучавшие славянские языки, литературу и историю. В трудах тех и других наблюдается сочувствен-

ное отношение к угасающему малочисленному славянскому народу и желание помочь его борьбе за выживание. Эта помощь была весьма действенной и состояла не только в материальной, но и в моральной поддержке. Ни одно важное национальное предприятие лужицких сербов, будь то издание газет и журналов, приобретение типографии или постройка в Будишине Сербского Народного дома, не могло было бы осуществиться без материальной помощи со стороны русских ученых, которые в XIX в. чаще всего разделяли идеи славянской взаимности. В конце XIX – начале XX в. эта помощь чаще определялась сознанием научного значения отдельных достижений серболужицких ученых, примером чему являются такие акты, как издание Российской Академией наук части “Нижнелужицкого словаря” А.Муки. Материальная помощь из России исходила во всех случаях от доброхотов – славистов и любителей славянства, она никогда не поощрялась официальными властями, которые вовсе не интересовались лужицкими сербами; внешняя политика России не была ориентирована на поддержку славянских народов Германии. Таковы выводы, следующие из монографии Лаптевой.

Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до Первой мировой войны (1914 года). М., 1993;

Рец.: *Völkel M.* // *Rozhled*. 44. 1994. Č. 12. S. 456-457;

Zeil W. // *Lětopis*. 41. 1994. 2. S. 105-108.

Mudra J. // *Slavia*. Roč. 64. Praha, 1995. S. 469-471.

Maciejowska J.M. // *Zeszyty Łużyckie*. T. 13. 1995. N 3 (15). S. 77-83.

Mudra J. // *Česko-lužický věstník*. V. 2 unor 1995. S. 15.

Lapteva L.P. Das Sorbenbild in der russischen vorrevolutionären Geschichtsschreibung // *Lětopis*. B 12/1-2 (1965). S. 239-255;

Лаптева Л.П. Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии // *Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография*. М., 1966. С. 171-192;

Lapteva L.P. Die Beziehungen des russischen Slawisten V.A.Francev zu Arnošt Muka anhand seiner Briefe // *Lětopis*. B 14/1 (1967). S. 22-34;

Лаптева Л.П. О национальном возрождении у лужицких сербов // *Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах*. М., 1972. С. 96-102;

Лантева Л.П. История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX - начале XX в. М., 1974. С. 364-386;

Lapteva L.P. Siedlungsgebiet und sozial-ökonomische Lage der Sorben während des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts im Lichte der Moskauer und Leningrader Archivalien // *Lětopis B* 20/2 (1973). S. 228-235;

Lapteva L.P. Der russische Slawist I.S.Pal'mov (1856-1920) und die Sorben // *Lětopis B* 23/2 (1976). S. 151-160;

Lapteva L.P. Karl Gottlob von Anton und sein "Versuch über die alten Slawen" in Rußland // *Lětopis B* 29/1 (1982). S. 14-20;

Лантева Л.П. Профессор Московского университета О.М.Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Вестник Московского университета. Сер. 8 - история. 1983. № 6. С. 30-39;

Лантева Л.П. Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы // *Slavica Tartuensia. Исследования по истории славянского языкознания. I. Тарту*, 1985. С. 82-87;

Лантева Л.П. Профессор Московского университета О.М.Бодянский и его связи с лужицкими сербами // *Lětopis. B* 37 (1990). S. 1-15 [расширенный вариант предшествующей статьи];

Lapteva L.P. Die Briefe Jan Arnošt Smolers an russische Gelehrte als Quelle zu den sorbisch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert // *Lětopis. B* 32/1 (1985). S. 78-83;

Лантева Л.П. Русский путешественник о лужицких сербах начала XIX в. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 85-92;

Лантсва Л.П. Зв'язки між російською і серболужицькою культурою і наукою в XIX - на початку XX ст. (до 1914 р.) // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 35. Львів, 1987. С. 119-122;

Lapteva L.P. Connections between Russian and Sorbian Culture and Science in the 19th and early 20th Centuries (until 1914) // *Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout the History. Berlin*, 1987. S. 125-146;

Лантсва Л.П. Загальнослов'янський журнал "Денниця" і участь у ньому лужицьких сербів // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 37. Львів, 1988. С. 110-112;

Лантева Л.П. Вивчення лужицьких сербів у Київському університеті наприкінці XIX - початку XX ст. // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 41. Львів, 1990. С. 112-114;

- Лаптева Л.П.* Изучение лужицких сербов в Киевском университете в конце XIX - начале XX в. // *Lětopis* B 38 (1991). S. 2-8;
- Лаптева Л.П.* Иван Сергеевич Аксаков и лужицкие сербы (по архивным материалам) // *Абрамцево. Материалы и исследования. Аксаковские чтения 1985 и 1987 годов. Материалы конференций. Вып. 2/89.* Абрамцево, 1989. С. 16-18;
- Лаптева Л.П.* Связи А.А.Шахматова с серболужицким филологом А.Мукой (по неопубликованным письмам А.А.Шахматова) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* Roč. 62. Praha, 1993. Seš. 2. S. 179-185;
- Лаптева Л.П.* Борьба лужицких сербов за сохранение национального языка в XIX в. Тезисы доклада // *Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции).* М., 1993. С. 88-90 (МГУ им. М.В.Ломоносова. Филологический факультет);
- Лаптева Л.П.* Полабские и прибалтийские славяне // *История южных и западных славян. Учебник для исторических факультетов университетов.* М., 1969. Глава 5 (с. 81-87);
- Лаптева Л.П.* Изучение истории зарубежных славян в России XIX - начала XX в. // *Историография истории южных и западных славян. Учебное пособие.* М., 1987. С. 179-196;
- Лаптева Л.П.* [Сведения об изучении истории и литературы лужицких сербов в России] // *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян.* М., 1988;
- Лаптева Л.П.* Новые работы Фридо Метшка о лужицких сербах в системе немецких феодальных государств // *Советское славяноведение.* 1969. № 6. С. 66-68;
- Lapteva L.P.* Annotierte Zusammenstellung russischer Literatur über die Lausitzer Sorben und die Sorbische Lausitz für den Zeitraum von den zwanziger Jahren des 19. Jahrhunderts bis in die vierziger Jahre des 20. Jahrhunderts // *Lětopis.* B 16/2 (1969). S. 226-238;
- Лаптева Л.П.* IV Международные курсы серболужицкого языка и культуры // *Советское славяноведение.* 1974. № 1. С. 12-13;
- Лаптева Л.П.* Книга о Яне Арноште Смолере [Рец. на кн.: *Syž J. Jan Arnošt Smoler. Budyšin, 1975*] // *Советское славяноведение.* 1977. № 3. С. 92-94;
- Лаптева Л.П.* [Рец. на кн.:] *Geschichte der Sorben.* Bd. 3. Bautzen, 1977 // *Новая и новейшая история.* 1978. № 2. С. 192-194;

Лантева Л.П. Обобщающий труд по истории лужицких сербов [Рец. на кн.: Geschichte der Sorben. Bd. 1-4. Bautzen, 1977-1979] // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 162-168;

Lapteva L.P. [Словарные статьи:] Aksakow I.S. - Bodjanskij O.M. - Brandt R.F. - Budilowič A.S. - Dubrowskij P.P. - Florinskij T.D. - Francew W.A. - Grot K.J. - Hilferding A.F. - Korabljow W.N. - Lamanskij W.I. - Nowikow J.P. - Palmow I.S. - Pjetuchov J.W. - Pogodin M.P. - Popow N.A. - Prejs P.I. - Pypin A.N. - Srjeznewskij I.I. - // Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984;

Лантева Л.П. Славяноведение в Германии в XIX - первой половине XX в. (до 1945 г.) в освещении историков ГДР // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 146-165;

Lapteva L.P. [Отзыв о статье: Л.А.Шейман. Василий Тимковский и его дневник путешествия по Лужице (Lětopis В 30/1/ 1983)] // Lětopis. В 34. 1986. S. 99-100;

Лантева Л.П. Новый серболужицкий биографический словарь. Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984. // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Вып. 16. Январь - июнь 1987. М., 1987. С. 96-97 (то же на английском и французском языках);

Lapteva L.P. Druhý seminár sorabistů ve Lvově // Slovanský Přehled. 1987. Č. 6. S. 518-519;

Lapteva L.P. Všeslovanský časopis "Dennica" (1842-1843) a přínos lužických Srbů // Časopis Národního musea v Praze. Řada historická. Roč. 156. 1987. Č. 1-2. S. 98-103;

Лантева Л.П. Борьба лужицких сербов за сохранение национального языка в XIX в. // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1996.

Lapteva L.P. VI Seminarium Naukowe Sorabistów we Lwowie // Zeszyty Łużyckie. T. 13. 1995. N 2(14). S. 95-97;

Lapteva L.P. Tematyka lużycka u dwóch rosyjskich profesorów-slawistów. I... A.A.Kotlarewskiego... II. V.A.Franceva // Zeszyty Łużyckie. T. 13. 1995. N 3(15). S. 7-25;

Lapteva L.P. Knihy o Lužických Srbech v knihovně Jagellonské univerzity v Krakově // Česko-lužický věstník. VI. 1996. 5. S. 37-38.

Лантева Л.П. Новая литература о лужицких сербах // Славяноведение. 1996. № 4. С. 113-117.

МАЙЯ ИВАНОВНА ЕРМАКОВА

Славист-языковед, специалист по серболужицким языкам, кандидат филологических наук. Родилась в Москве 8.7.1931 г. В 1949 г. поступила на славянское отделение филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, изучала польский язык и литературу. В 1954 г. окончила университет по специальности славянская филология (польский язык и история славянских литератур). Научным руководителем дипломной работы, посвященной чередованию гласных в польских глагольных морфемах, был проф. С.Б.Бернштейн, предложивший Ермаковой продолжить занятия по славянской лингвистике в аспирантуре и заняться изучением серболужицкого языка, данные которого имеют большое значение для исследования праславянской проблематики, исторической грамматики славянских языков, их сравнительной грамматики и различных типов взаимодействия славянских и неславянских языков. В ряде работ русских ученых XIX - XX веков были заложены основы тех направлений в исследовании серболужицкого языка, которые могли получить свое развитие уже в послевоенный период, когда появилась возможность познакомиться с живым серболужицким языком, сохранившим ряд особенностей, утраченных другими языками. В 1954 г. Ермакова поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР и защитила кандидатскую диссертацию "История употребления форм времени в серболужицких языках" С 1958 г. Ермакова работает в Институте славяноведения. Она участвовала в двух международных диалектологических экспедициях на территории Нижней Лужицы, что дало ей возможность использовать в ряде работ новый и очень ценный материал не только серболужицких литературных языков, но и говоров. Много дало исследование картотеки Института серболужицкого народоведения в Баутцене, а также участие в сорабистических курсах. В центре внимания Ермаковой стоят проблемы грамматического строя верхне- и нижнелужицкого литературных языков, история серболужицких литературных языков и их функционирование в современный период, серболужицкая диалектология. Ермакова - автор монографий "Очерки грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология" (1973) и "Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное" (1979), один из авторов коллективной монографии "Славянская

морфология. Субстантивное словоизменение” (1987). В них впервые в русской лингвистической науке тщательно и всесторонне описана система морфологических форм в современных верхне- и нижнелужицком литературных языках и нижнелужицких диалектах. Данные этих работ представляют большой теоретический интерес и в плане теоретической грамматики, так как в них дан анализ всех парадигматических классов имени на основе новейшей методики грамматических исследований, впервые освещается структура и функционирование морфонологических рядов чередований в верхне- и нижнелужицком литературных языках. Эти исследования вводят в научный обиход большой и новый фактический материал.

Ермаковой опубликован ряд статей, посвященных различным вопросам грамматики серболужицких литературных языков и диалектов: формам времени, глагольному словоизменению в верхнелужицком литературном языке, проблеме морфологической классификации существительных в современном серболужицком языке в связи с анализом систем согласовательных классов в словоизменении серболужицкого имени, проблеме вариантности в серболужицком языке в связи со спецификой его исторического развития, некоторым особенностям выражения категории посесивности в серболужицком языке, синхронно-сопоставительной характеристике категории залога в серболужицком и русском литературных языках, категории числа, морфологическим типам субстантивных парадигм в нижнелужицком литературном языке, значению грамматической позиции в верхнелужицких диалектах (морфологический аспект). Ряд статей Ермаковой посвящен исторической грамматике серболужицкого языка, в частности истории серболужицкого именного словоизменения на материале некоторых памятников серболужицкой письменности - по данным перевода Библии М.Якубицы (1548), сочинения “Энхиридион Вандаликум” Х.Тары (1610), то есть ранних памятников нижнелужицкой письменности.

В 80-90-е годы Ермаковой опубликован ряд статей, в которых рассмотрены проблемы формирования серболужицких литературных языков и их функционирования в современный период. К таким работам относится статья, в которой анализируются проблемы развития серболужицкого языка в связи со спецификой исторического развития серболужичан; она опубликована в книге “История и культура лужицких сербов в контексте их истории” (на англ. языке, Берлин, 1987). В названной работе подчеркивается необходимость учета экстралингвистических факторов при решении ряда собственно лингвистических проблем и их первостепенное

значение при освещении особенностей развития серболужицкого языка на разных этапах его истории. Они выступают на первый план при решении вопроса о статусе языковых идиомов, распространенных на территории Верхней и Нижней Лужицы, то есть проблемы единства серболужицкого языка. Освещение сложного и противоречивого процесса формирования серболужицкой письменности, объяснение ее своеобразия также невозможно без рассмотрения не только языковых причин, но и политических и социальных. Социолингвистический аспект характерен и для статьи "Из истории нижнелужицкого литературного языка" (1979).

Основной работой Ермаковой, посвященной функционированию серболужицкого языка на современном этапе, является статья "Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков", опубликованная в коллективном труде 1988 г. В ней рассмотрены особенности современной языковой ситуации в Лужице по сравнению с предшествующим периодом развития серболужицкого языка, изменения в составе форм существования этого языка, их характера и взаимосвязи. Выделяется два этапа взаимодействия форм существования серболужицкого языка в зависимости от значения литературных языков в системе этих форм. Особое внимание обращено на характер соотношения литературного (верхнелужицкого) языка и так называемого разговорного, который употребляется в устном общении представителей интеллигенции, образованных в языковом отношении, и сделана попытка анализа этого соотношения на морфологическом уровне.

В отдельных статьях и докладах 80-х годов Ермаковой освещались проблемы демократизации и интернационализации современных серболужицких литературных языков, вопросы нормы и кодификации, анализировались социолингвистические исследования в серболужицком языкознании, проблемы немецко-серболужицкой интерференции.

Ермакова является составителем и ответственным редактором двух сборников, посвященных проблемам становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов, их функционирования на разных этапах: "Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов" (1989) и "Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов" (1995). Некоторые статьи Ермаковой носят культурологический характер. Ср., например, статью, посвященную роли серболужицких переводов Библии в развитии культуры серболужичан, истории этих переводов и их роли в развитии серболужицкой письменности, в истории создания Серболужицкой Матицы. Ермакова разрабатывает также темы, связанные с изуче-

нием и оценкой трудов русских филологов XIX - начала XX вв. в области славянской письменности, в частности, верхне- и нижнелужицкой. Ею подготовлен ряд статей и об отдельных деятелях серболужицкой культуры, серболужицкого языкознания. Работы Ермаковой высоко оцениваются специалистами как в России, так и за ее пределами, в том числе серболужичанами, о чем свидетельствуют их рецензии и тесное деловое сотрудничество с ней. В целом Ермакова является одним из крупнейших специалистов в области лингвистической сорабистики, ее авторитет распространяется на сорабистов всех стран.

Ермакова М.И. Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI - XVIII вв.) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1961. Вып. 30. С. 39-60;

Ермакова М.И., Калынь М.Э. О диалектологической экспедиции в Нижнюю Лужицу // Вестник АН СССР. 1961. № 2. С. 97-98; То же: Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1962. Вып. 35 С. 109-112;

Ермакова М.И. Морфология и значение форм настоящего времени глагола в нижнелужицком языке // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 84-106;

Ермакова М.И. История употребления форм времени в серболужицких языках. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. М., 1964;

Ермакова М.И. Из истории употребления простых форм прошедшего времени в серболужицких литературных языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1965. Вып. 43. С. 41-50;

Ермакова М.И., Калынь Л.Э. [Рец. на кн.:] Michalk S. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962 // Советское славяноведение. 1965. № 5. С. 78-81;

Ермакова М.И. Двойственное число в серболужицких языках. На материале памятников XVI - XVIII вв. // Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1968. S. 242-249;

Ермакова М.И. [Рец. на кн.:] Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16.-18. Jahrhundert. Bautzen, 1967. 512 S. // Советское славяноведение. 1969. № 3. С. 111-112;

Ермакова М.И. Двойственное число в серболужицких языках (на материале памятников XVI - XVIII вв.) // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970. С. 44-110;

Ермакова М.И. О глагольном словоизменении в верхнелужицком литературном языке // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1970. С. 150-157;

Ермакова М.И. Очерк грамматики верхнелужицкого языка. Морфология. М., 1973;

Ермакова М.И. Музыка, театр [лужицких сербов] // Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. Т. 15. М., 1974. Стлб. 138-139;

Ермакова М.И. Сопоставительное описание систем согласовательных классов и морфологическая классификация существительных в современном серболужицком языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976. С. 40-63;

Jermakowa M.I. Serbska řeč je za mnje jara zajimava řeč // Nowa doba. 1977. 17. februara;

Ермакова М.И. [Рец. на кн.:] Sorbischer Sprachatlas. Bd. 11. Bautzen, 1975. 283 S. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 273-281;

Ермакова М.И. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М., 1979;

Ермакова М.И. Из истории нижнелужицкого литературного языка (XVI - начало XIX вв.) // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменности. М., 1979. С. 212-231;

Ермакова М.И. Соотношение систем словоизменения имени существительного в нижнелужицком диалектном языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979. С. 125-134;

Ермакова М.И. Грамматические чередования как элемент характеристики имени существительного в верхне- и нижнелужицком литературных языках // Славянское и балканское языкознание. М., 1981. С. 278-295;

Ермакова М.И. Из нижнелужицкой диалектной морфологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 139-166;

Ермакова М.И. Серболужицкая диалектная морфология в трудах сорабистов ГДР // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982. С. 294-349;

Ермакова М.И. Проблема вариативности в серболужицком языке в связи со спецификой его исторического развития // Вариативность как свойство языковой системы (тезисы докладов). М., 1982;

Ермакова М.И. Характеристика группы слов со словообразовательными формантами -owу, -in(y), -n(y) в серболужицком языке // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983;

Ермакова М.И. Конференция "Я.А.Смолер и его время" (Баутцен, 12-15 июня 1984 г.) // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 106-107;

Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения. I. Парадигматика имени существительного по данным перевода М.Якубицы // Lëtópis. A 31/2 (1984). S. 53-62;

Ермакова М.И. Лингвистические взгляды Я.А.Смолера // Lëtópis A 32/1 (1985). S. 21-28;

Ермакова М.И. О значении грамматической позиции в верхнелужицких диалектах (морфонологический аспект) // Балканское и славянское языкознание. М., 1986;

Ермакова М.И. Категория посевивности в серболужицком языке. Некоторые особенности выражения // Там же;

Ермакова М.И. Соціолінгвістичні дослідження в серболужицькому мовознавстві // Проблеми слов'язознавства. Вип. 35. Львів, 1987. С. 126-129;

Jermakowa M.I. [Рец. на кн.:] Fasske H., Michalk S. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981 // Rozhľad. Bautzen, 1987. Č.11/12;

Jermakowa M.I. Problems of Development of the Sorbian Language in Context with the specific Character of the Historical Development of the Sorbs // Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History. Berlin, 1987. S. 48-68;

Ермакова М.И. Сучасний стан вивчення граматичного ладу серболужицької мови // Проблеми слов'язознавства. Вип. 37. Львів, 1988. С. 93-95;

Ермакова М.И. Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном нижнелужицком литературном языке // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 172-195;

Ермакова М.И. Новый этап в изучении морфологии верхнелужицкого литературного языка [Рец. на кн.: Fasske H., Michalk S. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie] // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. С. 196-206;

Ермакова М.И. Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном серболужицком литературном языке // Славянская морфология. Субстантивное словоизменение. М., 1987;

Ермакова М.И. Особенности функционирования современного серболужицкого литературного языка // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988. С. 84-115;

Ермакова М.И. Синхронно-сопоставительная характеристика категории залога в серболужицком и русском литературных языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3-5 октября 1989 г. М., 1989;

Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения. II. Парадигматика имени существительного по данным перевода М.Якубицы // Lëtopis. A 36 (1989). S. 53-62;

Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения. III. Парадигматика имени существительного по данным перевода М.Якубицы. Склонение существительных женского рода // Lëtopis. A 37 (1990). S. 35-45;

Ермакова М.И. Синхронно-сопоставительная характеристика категории залога в серболужицком и русском литературных языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990. С. 88-114;

Ермакова М.И. История серболужицкой литературы на русском языке [Рец. на кн.: Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература: История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987. 208 с.] // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по Изучению и Распространению Славянской Культуры. Вып. 21. М., 1990. С. 80-82;

Ермакова М.И. Третий научный семинар по сорабистике (Львовский университет, 23-25 января 1989 г.) // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 121-123;

Ермакова М.И. Серболужицькі пам'ятки писемності і історична грамати́ка серболужицької мови // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 41. Львів, 1990. С. 136-138;

Ермакова М.И. О некоторых способах выражения пассивного значения в серболужицких литературных языках // Studia slavica. Сборник статей в честь С.Б.Бернштейна. М., 1991;

Ермакова М.И. Так называемые прямые Genera verbi в серболужицком и русском литературных языках // Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. Warszawa, 1992. S. 45-57;

Ермакова М.И. Проблемы нормы и кодификации в современном вхнелужицком литературном языке // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. М., 1993. С. 56-75;

- Ермакова М.И.* К вопросу о сравнительной грамматике верхне- и нижнелужицкого литературных языков // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993;
- Ермакова М.И.* Немецко-серболужицкая интерференция в истории серболужицкого языка // Историко-культурный и социолингвистический аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы международной конференции. М., 1993. С. 18-21;
- Ермакова М.И.* К истории первых переводов Библии и их роли в развитии серболужицкой письменности // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по Изучению и Распространению Славянской Культуры. Вып. 26. М., 1993;
- Ермакова М.И.* Грамматическая категория числа в серболужицких литературных языках. Тезисы конференции "Актуальные проблемы славянской филологии" (МГУ). М., 1993. С. 90-91;
- Ермакова М.И.* Роль серболужицких переводов Библии в развитии письменности и культуры серболужичан // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Материалы Международной библейской конференции, посвященной семидесятилетию русской Библейской комиссии. Спб., 1994. С. 124-129;
- Ермакова М.И.* Функционирование серболужицкого языка // Язык - Культура - Этнос. Сборник статей. М., 1994;
- Ермакова М.И.* Характер нормы серболужицких литературных языков в связи со спецификой серболужицкой языковой ситуации. Тезисы международной конференции "Традиции и новые тенденции в развитии славянских литературных языков". М., 1994. С. 49-51;
- Ермакова М.И.* Из истории нижнелужицкого именного словоизменения. IV. По данным памятников XVI - XVIII вв. // Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1995. С. 138-165;
- Ермакова М.И.* Серболужицкие памятники письменности и историческая диалектология серболужицкого языка // *Dialectologia slavica*. Сборник статей к 85-летию С.Б.Бернштейна. М., 1995. С. 87-93;
- Ермакова М.И.* Современная серболужицкая языковая ситуация и проблемы взаимодействия серболужицкого и немецкого языков // Славянские языки в зеркале неславянского окружения. тезисы международной конференции 20-22 февраля 1996 г. М., 1996. С. 17-20;
- Ермакова М.И.* Серболужицкая матрица // Славянские матрицы. XIX век. Ч. I. М., 1996. С. 159-189.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУГНИН

Кандидат филологических наук, литературовед, поэт, переводчик, педагог. Родился в Москве в 1941 г. в семье военнослужащего, с 1953 по 1960 г. жил в Полоцке, где окончил среднюю школу. Высшее образование получил на филологическом факультете МГУ; проходил курс обучения сначала на славянском, затем на романо-германском отделении, которое закончил в 1972 г. В 1969 - 1970 г. проходил стажировку в Берлинском университете им. Гумбольдта, затем закончил аспирантуру филологического факультета МГУ и защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук на тему о поэзии Л. Уланда. Начал публиковаться с 1958 г. (стихотворения и журналистские работы), научную деятельность начал в 1970 г.: публиковал рецензии на произведения немецкой литературы, статьи в энциклопедиях, статьи и обзоры в различных журналах, затем работал редактором журнала "Иностранная литература", научным редактором издательства "Прогресс" и заведующим редакцией художественной литературы на языках оригинала издательства "Радуга". Занимая эти должности, Гугнин составлял книги немецкой поэзии в русских переводах, сборники рассказов, повестей и эссе писателей ГДР и т.п., писал к ним предисловия и комментарии. Одновременно он продолжал интенсивно публиковать рецензии на труды немецких литераторов и статьи об их творчестве, являясь активным исследователем и пропагандистом немецкой классической и современной литературы в Советском Союзе. С 1983 г. Гугнин является старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики РАН, где в 1993 г. назначен руководителем научного Центра славяно-германских исследований. Одновременно он занимает должность профессора и заведующего кафедрой зарубежной литературы Московского Государственного Открытого Педагогического университета (МГОПУ). Занятия Гугнина немецкой литературой в период существования ГДР пробудили в нем интерес и к литературе лужицких сербов. С середины 80-х годов он начал публиковать очерки об отдельных серболужицких писателях в общих работах о современной литературе ГДР, выступать с докладами на сорабистических семинарах и симпозиумах как в России, так и за рубежом.

Наиболее крупными его работами по серболужицкой литературе являются “Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения” (1994), “Серболужицкая литература в эпоху романтизма” (1994), “Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века” (1995), “История серболужицкой литературы: краткий очерк с библиографией” (1996). Гугнин также продолжает работать над проблемами из истории серболужицкой литературы в славяно-германском контексте, истории русско-немецких и славяно-германских литературных и культурных связей и др. За последние годы А.А.Гугнин написал 6 глав по истории серболужицкой литературы для коллективной “Истории литератур западных и южных славян” (тт. 1-3) и две главы по серболужицкой литературе для коллективного труда “История литератур Восточной Европы после второй мировой войны” (тт. 1-2), которые в совокупности позволяют проследить историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до 1990-х гг. С 1996 г. Гугнин является членом Матицы серболужицкой.

Гугнин А.А. Новые книги рассказов писателей ГДР // Современная художественная литература за рубежом. 1978. № 2. С. 30-34;

Гугнин А.А. Новые произведения Юрия Брезана. Обзор (1979-1982) // Современная художественная литература за рубежом. 1984. № 5. С. 40-43;

Гугнин А.А. Юрий Брезан в поисках глубинных источников жизни // Брезан Ю. Черная мельница. Повесть и рассказы. Составление и предисловие А.А.Гугнина. М., 1985. С. 5-8;

Гугнин А.А. [Рец. на кн.:] Koch J. Pintaschk und das goldene Schaf. Berlin, 1983 // Современная художественная литература за рубежом. 1985. № 4. С. 113-114;

Гугнин А.А. Юрий Брезан // Современная литература ГДР. Учебное пособие для вузов. М., 1987. С. 46-52;

Гугнин О.О. Серболужицка література в контексті літератури НДР // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 37. Львів, 1988. С. 109-110;

Гугнин А.А. Сравнительное литературоведение ГДР и некоторые аспекты изучения славяно-германских литературных взаимосвязей // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи. М., 1989. С. 53-63;

Гугнин А.А. [Рец. на кн.:] Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература: История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987 // Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 98-100;

Неоконченная история. Писатели ГДР о молодежи. Составители А.Гутнин и В.Вебер. М., 1989 [Предисловие и справки об авторах А.Гутнина; в книге опубликованы произведения Ю.Коха и А.Стаховой];

Зарубежная литература XX в. и задачи критики [выступление А.Гутнина в дискуссии] // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 76-86; с. 82-86 – о задачах изучения и издания серболужицкой литературы;

Гутнин А.А. Серболужицкие гуманисты и Италия // Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум. Тезисы докладов. М., 1990. С. 32-33;

Гутнин А.А. Концепция личности в романе Я.Лоренца-Залеского "Остров забытых" и проблема серболужицкого модерна [Тезисы доклада] // Человек в культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Международная конференция. М., 1990. С. 9-11;

Гутнин А.А. Серболужицкая литература в славяно-германском контексте // Славяне: адзінства і многастаянасць. Міжнародная канферэнцыя 24-27 мая 1990. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Мінск, 1990. С. 28-29;

Гутнин А.А. Серболужицкая литература // История всемирной литературы в 9 томах. Т. 7. М., 1991. С. 516-518;

Гутнин А.А. Становление серболужицкой литературы в славяно-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов [Братислава, сент. 1993 г.]. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 56-66;

Гутнин А.А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. 40 с.;

Гутнин А.А. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Новополоцк, 1995. 54 с.;

Гутнин А.А. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 159-164;

Гутнин А.А. Серболужицкая литература // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945-1960-е гг. М., 1995. С. 519-532;

Гутнин А.А. Проблемы серболужицкой культуры эпохи Просвещения // Славяноведение. 1995. № 3. С. 62-77;

Гутнин А.А. Серболужицкая литература (1937-1945) (Доклад на "круглом столе": "Литература западных и южных славян периода второй мировой войны" // Славяноведение. 1996. № 3. С. 72-74.

Гугнин А.А. История серболужицкой литературы: Краткий очерк с библиографией. М., 1996. 32 с. (Обзоры Научного центра славяно-германских исследований.1.);

Gugin A. Die nationale Bewegung der Sorben im slawisch-deutschen Kontext // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. Berlin, 1996. N 1. S. 267-272;

Gugin A. Krotki zarys sorabistiki w Sowjetskim zwjazku a w Ruskej po 1945 // Rozhlad. Budyšin. 1996. N 9. S. 330-332;

Гугнин А.А. Пути земные и иные. Стихотворения и переводы. Новополоцк, 1993 [со сведениями об авторе];

Гугнин А.А. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов. М.- Новополоцк, 1995. 62 с.;

Хёлке К. Предисловие // Гугнин А.А. Современные писатели ГДР. М., 1986. С. 3-4;

Кто есть кто в русском литературоведении. Справочник. Ч. I: А-И. М., 1991. С. 136-137;

"Serbska literatura je woprawdže wuwita a sajimawa" (Interview z Alexandrom A. Guginom) // Nova doba. 40 (24.05.1986), 121, Předženak.

Wokno dodaloka. Germanist a slawist prof. Alexander Gugin z Moskwy wotmołwa na prašenja Boženy Pawlikec // Serbske Nowiny. Předženak. 22 měrca 1996. S. 1, 5.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СКОРВИД

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Родился в 1958 г. в Москве, здесь же окончил среднюю школу (1975). Выпускник славянского отделения филологического факультета МГУ (1980). После завершения аспирантуры при кафедре славянской филологии (1983) ведет на ней преподавательскую и научную работу по сравнительной грамматике славянских языков, а также по западнославянским языкам в их историческом развитии и современном состоянии (чешский, серболужицкий, малые языки Западной Славии). Читает курсы лекций,

проводит семинары и занятия по дисциплинам: сравнительная грамматика славянских языков, старославянский язык, история и диалектология чешского языка, древнечешская письменность, современный чешский язык, серболужицкий язык, история серболужицкой литературы, малые западнославянские языки. С 1994 г. сотрудничает также в Российском государственном гуманитарном университете.

Научные интересы С.С.Скорвида были первоначально связаны с проблематикой сравнительно-исторического синтаксиса славянских языков и историей чешского языка (кандидатская диссертация "Специфика синтаксического функционирования десубстантивных прилагательных в древнечешском языке XIV - XVI вв. в общеславянском контексте", 1990). Одновременно, с первых же шагов в области исторической богемистики, в период обучения С.С.Скорвида в Карловом университете в Праге (1979-1980), его внимание привлек и серболужицкий язык, в котором многие явления, прослеживаемые в древнечешском, сохраняются и поныне. Занятия серболужицким дополнительно стимулировались его работой над переводом с чешского пособия И.Мудры и Я.Петра "Учебник верхнелужицкого языка" (Баутцен, 1983). Сорабистическая проблематика, анализируемая в аспекте серблужицко-чешских (и инославянских) соответствий, а в последнее время также с точки зрения взаимоналожения архаизмов и инноваций в истории самого серболужицкого языка, нашли отражение в некоторых его этюдах, в особенности готовившихся для сорабистических семинаров во Львовском университете (1987, 1991, 1993). Новый для него ракурс изучения серболужицкого языка - рассмотрение его в ряду других малых славянских языков с учетом типологической общности социолингвистических условий их функционирования. Интерес к типологии малых славянских языков (как и неславянских) побудил его выступить организатором секции "Малая Славия в общеевропейском контексте" в рамках научной конференции "Актуальные проблемы славянской филологии" (1993), а также войти в рабочую группу по подготовке коллективного исследования "Малые языки Евразии: социолингвистический аспект" (сборник планируется к изданию в 1997 г.). Помимо этого С.С.Скорвид является соавтором коллективного труда "Очерки истории славянских литератур", для которого пишет главы о серболужицкой литературе XVI - XIX и XX вв.

Скорвид С.С. Специфіка синтаксичного функціонування присвійних прикметників у верхньолужицькій мові (в загальнослав'янському контексті) // Проблеми слов'янознавства. Вип. 37. Львів, 1988. С. 97-99;

Скорвид С.С. О взаимопереплетении общеславянских архаизмов и германизмов в серболужицком языке // Актуальные проблемы славянской филологии (Материалы научной конференции). М., 1993. С. 92-93;

Скорвид С.С. Серболужицкі конструкції типу *bětny zběranje*, на *bětnach zběranju* в історичних взаємозв'язках // Проблеми слов'янознавства. Вип. 46. Львів, 1994. С. 173-176;

Скорвид С.С. Серболужицкие конструкции типа *bětny zběranje*, на *bětnach zběranju* в исторических взаимосвязях // Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1995. С. 165-173;

Скорвид С.С. До інтерференції словотворення і синтаксису в серболужицькій мові // Проблеми слов'янознавства. [в печати];

Скорвид С.С. Малі слов'янські мови: проблеми та перспективи їх вивчення // Там же. [в печати].

Скорвид С.С. Малые славянские языки: в каком смысле? // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.

СНЕЖАНА ЭДУАРДОВНА БОКАРИУС

Этнограф. Родилась в 1961 г. в Ленинграде, родители - искусствоведы. Окончила среднюю школу и музыкальное училище в Ленинграде, заинтересовалась русским и славянским фольклором, участвовала в фольклорно-этнографических экспедициях, что в значительной мере определило профессиональный выбор - этнографию. В 1985 г. окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета (кафедру этнографии), защитив дипломную работу по календарным обрядам славянских и балтийских народов. Во время учебы в университете участвовала во многих антропологических и этнографических экспедициях на территории бывшего Советского Союза, собирая полевой материал по антропологии, материальной и духовной культуре, акцентируя внимание на проблемах развития и трансформации традиции, взаимовлияния различных народов, сохранения крестьянской народной культуры. Будучи студенткой университета, начала принимать участие в конференциях Ленинградской части Института этнографии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (ныне - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого "Кунсткамера"), куда в 1986 г. поступила в очную аспирантуру - в отдел

общих проблем этнографии (ныне - теории этнографии). Занятия вопросами взаимодействия и взаимовлияния родственных (в этнографическом и языковом отношении) и неродственных народов, знакомство и научный контакт с учеными - славистами А.С.Мильниковым, К.В.Чистовым, Б.Н.Путиловым, Т.А.Бернштам - способствовали возникновению научного интереса Бокариус к этнографии серболужичан. В 1987 г. ею была осуществлена полуторамесячная самостоятельная поездка в Будишин. Работа в архиве Института Серболужицкого народоведения сочеталась с радиальными поездками в деревни, часть из которых 150 лет назад посетил И.И.Срезневский. Во время этих поездок собирался материал по календарным и семейным праздникам. В 1990 г. в течение одного месяца Бокариус работала в библиотеках и архивах Западного Берлина. В 1991 г. выступала на международной конференции в Будишине. Диссертация на тему "Свадебная обрядность серболужичан: Этнокультурные аспекты ассимиляции" была защищена Бокариус в 1993 г. При изучении народной традиции в условиях ассимиляционных процессов Бокариус сочетает методы традиционной этнографии - сбор полевого материала, историко-типологический анализ - и современные достижения семиотики. По серболужицкой этнографии ею опубликовано 15 научных трудов. Монография "Свадьба у серболужичан" находится в печати.

Бокариус С.Э. Книжное собрание И.И.Срезневского как источник для изучения культуры славянских народов // Книга и культура. VI Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. М., 1988. С. 44-45;

Бокариус С.Э. Славянские общности в условиях германизации: источники, методы интерпретации и исследования // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Сухуми, 1988. С. 244-245;

Бокариус С.Э. [Рец на кн.:] Супрун А.Е. Полабский язык. Минск, 1987. 95 с. // Советская этнография. 1989. № 6. С. 165-167;

Бокариус С.Э. Проблемы этнического самосознания полабских славян и вариативность этнических процессов // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 39-41;

Бокариус С.Э. Черты этнокультурного развития в условиях двуязычия (на примере серболужичан ГДР) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1988-1989 гг. Алма-Ата, 1990. С. 85-86;

Бокариус С.Э. Весільна обрядовість серболужичан // Проблеми слов'язознавства. Вип. 41. Львів, 1990. С. 131-134;

Бокариус С.Э. Категория “внутренней формы” языка и искусства у А.А.Потебни в контексте традиционной обрядовой культуры // А.А.Потебня - исследователь славянских взаимосвязей. Тезисы Всесоюзной научной конференции. Часть II. Харьков, 1991. С. 58-60;

Бокариус С.Э. Свадебная обрядность серболужичан (источники по серболужицкой этнографии в собрании Музея Археологии и Этнографии) // Труды МАЭ. Т. 45. Л., 1992. С. 152-163;

Бокариус С.Э. Свадебная обрядность серболужичан. Этнокультурные аспекты ассимиляции. Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 1993.

Бокариус С.Э. Сведения о серболужичанах в архиве И.И.Срезневского // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. СПб., 1993. С. 229-239;

Бокариус С.Э. Обрядность и ассимиляционные процессы // Сборник памяти Р.Ф.Итса. Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 262-271;

Бокариус С.Э. Етнокультурні аспекти асиміляції серболужичан // Проблеми слов'язознавства. Вип. 46. Львів, 1994. С. 150-152;

Бокариус С.Э. Функции жилых и нежилых помещений в свадебном обряде серболужичан // Труды МАЭ. Т. 49. СПб., 1996. С. 163-171;

КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕВЧЕНКО

Научный сотрудник Open media Research Institute в Праге, кандидат исторических наук, занимается проблемой национальных идеологий и национальных идентичностей малых славянских народов. Родился в 1966 г. в Новочеркасске Ростовской области, в семье военнослужащего. Семья часто меняла место жительства, и К.В.Шевченко завершил среднее образование в Дрездене (в то время ГДР), где функционировала школа Группы Советских войск в Германии. Здесь же он узнал о существовании лужицких сербов и заинтересовался их историей. В 1984-1989 г.

Шевченко учился на историческом факультете МГУ, специализировался по кафедре истории южных и западных славян по истории Чехии. Под руководством проф. Л.П.Лаптевой защитил дипломную работу "Чешско-серболужицкие связи в первой половине XIX в.", в которой впервые в русской историографии рассмотрен вопрос о влиянии чешской возрожденческой среды первой половины XIX в. на пробуждение национально-культурной жизни лужицких сербов, подробно исследованы контакты отдельных деятелей чешского и серболужицкого возрождения. Главным источником служила автору работы переписка между Г.Зейлером, Я.А.Смолером, Я.П.Иорданом со стороны лужицких сербов и В.Ганкой, Я.Э.Пуркине, Ф.Л.Челаковским со стороны чехов. Хорошо выполненная дипломная работа, как и другие успехи Шевченко в период обучения в МГУ, стали основой для рекомендации его в аспирантуру, которую он проходил в 1989-1992 г. под тем же руководством и закончил защитой диссертации "Чешско-серболужицкие связи с начала XX в. до 1938 г." (1993). В ней автор обращается к малоизученной, а в русской историографии совершенно неразработанной теме. Таким образом, он заполнил пробел в изучении упомянутых связей. Шевченко использовал большой архивный материал из хранилищ Чехии и Баутцена, куда командировался в студенческие и аспирантские годы. Диссертация разделена на 4 главы. В первой - "Чешско-серболужицкие связи начала XX века" - освещаются особенности национального движения лужицких сербов в указанный период, его формы и деятельность отдельных личностей, анализируется функционирование национальной серболужицкой организации "Домовина". Вторая глава - "Лужицкий вопрос и Чехословакия в 1918-1920 г." - посвящена изложению взаимоотношений различных кругов Чехословакии с лужицкими сербами в первые годы после образования ЧСР. Особое внимание обращено автором на выдвигавшуюся некоторыми серболужицкими деятелями идею создания независимого серболужицкого государства. Шевченко оценивает эти стремления как нереальные и показывает, почему чехословацким политикам не было расчета их поддерживать. В третьей главе автор рассматривает экономические и культурные связи между Чехией и лужицкими сербами и приходит к выводу, что в 20-е годы помощь чехов стала одним из наиболее важных факторов сохранения славянской идентичности сербов-лужичан. В четвертой главе говорится о чешско-серболужицких связях в годы 1933-1938, то есть в период господства в Германии гитлеровского режима, но до оккупации Чехословакии Германией. В целом Шевченко считает, что многосторонняя помощь чешского общества в рассматриваемый в диссер-

тации период стала весомым фактором сохранения славянского характера серболужицкого населения региона. Дипломная и диссертационная работы Шевченко представляют собой весьма ценные исследования по истории лужицких сербов, доступные однако, к сожалению, лишь узкому кругу читателей; они не опубликованы и хранятся в московских библиотеках лишь в нескольких машинописных экземплярах.

Шевченко К.В. Чешско-серболужицкие связи в конце XIX - нач. XX в. // Тезисы XII Всесоюзной конференции историков-славистов. М., 1990;

Шевченко К.В. Причины национальной устойчивости лужицких сербов // Тезисы научной конференции, посвященной юбилею М.В.Бречкевича. Тернополь, 1991;

Шевченко К.В. Четвертый сорабистический семинар во Львове // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Вып. 23-24. М., 1991.

Шевченко К.В. Чешско-серболужицкие связи с начала XX в. до 1938 г. / Автореферат кандидатской диссертации. М., 1993;

Указатель имен

А

Аванесов Р.И., 98; 101
Аксаков И.С., 35-37; 108
Аксаков К.С., 35
Аксаков С.Т., 35
Александр I, 5
Алексашкина Л.Н., 18
Алпатов В.М., 85; 89
Антон К.Г. фон, 20, 45; 49
Ашнин Ф.Д., 85; 89

Б

Баратынский Е.Д., 60
Барт-Чишинский Я., 72, 85; 88
Безбородко, 5
Бернштам Т.А., 124
Бернштейн С.Б., 30; 82; 88-92; 94;
110; 116; 117
Бестужев-Рюмин К.Н., 35
Богуславский В., 42; 43; 76; 77
Бодуэн де Куртене И.А., 78; 79
Бодянский О.М., 14-18; 28; 29; 44;
57; 104; 105; 107
Бокариус С.Э., 4; 123- 125
Бориш Г., 49
Брандт Р.Ф., 71-73
Брандт Ф.Ф., 71
Брезан Ю., 119
Бречкевич М.В., 127
Брокгауз, 55
Будилович А.С., 47-50
Бук Я., 49; 58
Булахов М.Г., 23; 73; 82; 89
Буслаев Ф.И., 44

В

Вебер В., 120
Власова З.И., 46
Вольтер Э.А., 85
Вяземский П.А., 60

Г

Гай Л., 76
Ганка В., 8; 9; 10; 13; 22; 65; 67; 126
Гаупт Л., 8; 16; 22; 26; 29; 46; 49
Гербель Н.В., 48; 50

Геров Н., 72
Гильфердинг А.Ф., 30-35; 48; 105;
Гиляров Ф., 43
Гоголь Н.В., 60
Головин Орест, 72
Горник М., 11; 13; 34; 39; 40; 42; 49;
51; 52; 55; 58; 62; 63; 67-69; 76; 77
Григорович В.И., 21-23; 76; 105
Грот К.Я., 59- 63
Грот Н.П., 59
Грот Я.К., 59; 60
Гугнин А.А., 2; 4; 118-121
Гумбольдт, 24; 118
Гус Я., 28

Д

Державин Г.Р., 60
Дмитриев И.И., 60
Добровский Й., 20; 29; 65
Долобко М.Г., 89
Дубровский П.П., 25-28; 104
Дучман П., 41
Душан, 74

Е

Ермакова М.И., 4; 90; 110-117
Ермолов Ф.П., 5

Ж

Жуковский В.А, 60

З

Зейлер Г., 9; 11; 16; 19; 46; 49; 126
Змешкал В., 103
Зоммер А., 67

И

Ильинский Г.А., 89
Имиш Я.Г., 39; 49; 61
Итс Р.Ф., 125

Й

Йенч К.А., 49; 58
Йордан Г., 58
Йордан Я.П., 11, 13, 7; 20; 22; 26;
27; 29; 46; 55; 58; 69; 126

К

- Калынь Л.Э., 4; 97-101; 113
 Карамзин Н.М., 60
 Каспер М., 105
 Кельсиев В.И., 44
 Клемм, 14
 Клецанда Ю., 84
 Клин Б.А., 46
 Козлов И.И., 60
 Коллар Я., 48; 72; 76
 Кондаков Н.П., 43
 Кондрашов Н.А., 73
 Кораблев В.Н., 83; 84; 85
 Корш Ф.Е., 72
 Косык М., 88
 Котляревский А.А., 44-46
 Кох Ю., 120
 Кочубинский А.А., 57-59
 Краевский А.А., 27
 Краль М.А., 42
 Крылов И.А., 60
 Крюков А.В., 14
 Куршат, 20
 Куторга М.С., 20
 Кухарский А., 25

Л

- Ламанский В.И., 38-40; 47; 59; 60;
 62; 63; 71; 73; 85
 Лаптев П., 101; 102
 Лангева Л.П., 1; 2; 4; 7; 14; 18; 20;
 23; 25; 28; 30; 35; 37; 40; 43; 46; 53;
 59; 63; 64; 70; 77; 82; 86; 101-109;
 126
 Лейбниц Г.В., 49
 Ленин В.И., 97
 Лескин А., 71
 Лессинг Г.Э., 49
 Либш Юрий, 72
 Линде С.Б., 25
 Ломоносов М.В., 38; 67; 72; 108;
 110; 121
 Лукьяненко А.М., 64
 Любенский Г., 11; 48
 Лютер М., 28
 Лятошинский М.Л., 45

М

- Максимович М., 29; 30

- Маркус Я.Б., 58
 Мацевский В.А., 25; 76
 Метшк Ф., 104; 108
 Мефодий, 32
 Миклошич Ф., 73; 75
 Миклухо-Маклай Н.Н., 123
 Михайлов М.А., 90-96
 Мицкевич А., 72
 Мосак-Клосопольский К.А., 69
 Моторный В.А., 100; 116; 119
 Мудра И., 122
 Мука А., 40; 50; 51; 61; 66; 67; 75;
 76; 79; 80; 84; 104; 106; 108
 Мышьников А.С., 124

Н

- Наранович А.П., 48
 Нейман, 32
 Неуступный Ю., 2
 Никитин С.А., 37
 Новиков Е.П., 17; 28-30; 91
 Новиков Н.И., 28
 Нушич Б., 83

О

- Остгоф, 71

П

- Палацкий Ф., 72
 Пальмов И.С., 51-53
 Паскевич И.Ф., 30
 Пата Й., 69
 Патера А., 46; 51
 Петр Великий, 123
 Петр Я., 122
 Петухов Е.В., 63-64
 Пех Я.Б., 17; 42; 55; 56; 69; 76
 Погодин М.П., 23; 24; 76
 Попов Н.А., 41-43; 57
 Потевня А.А., 125
 Преис П.И., 18-20
 Пуркине Я.Э., 8; 24; 26; 126
 Путилов Б.Н., 124
 Пушкин А.С., 60
 Пфуль К.Б., 12; 43; 49; 58; 68
 Пыпин А.Н., 46; 49; 53-56; 76; 77

Р

- Раевский М.В., 35

Ровда К.И., 56
Румянцев Н.П., 58

С

Самойло А.С., 102
Селищев А.М., 86-89
Семиряга М.И., 4; 92-94
Сергеев А.В., 23
Скорвид С.С., 4; 121-123
Славейков П., 72
Слепянский, 43
Смирнов С.В., 20; 23
Смолер А.Я., 8; 9; 10; 11; 12; 16; 17;
20; 24; 26; 27; 29; 32; 33; 34; 36; 37;
39; 40; 41; 42; 43; 46; 48; 49; 55; 58;
61; 62; 63; 67; 68; 69; 75; 76; 77;
103; 104; 105; 108; 115; 126
Спасович В.Д., 54; 56; 77
Сперанский, 58
Срезневский И.И., 6-14; 21; 29; 34;
38; 47; 73; 76; 105; 124; 125
Стахова А., 120
Строганов С.Г., 58
Супрун А.Е., 124

Т

Тара Х., 111
Тимковский В.Ф., 5-7; 9; 109
Толстой Н.И., 96
Тассо Т., 72
Трофимович К.К., 100; 116; 119

У

Уланд Л., 118

Ф

Флоринский Т.Д., 73-77
Францев В.А., 13; 14; 65-70; 104

Х

Хёпке К., 121

Ц

Цимбасв Н.И., 37
Цыж Я., 103; 104

Ч

Челаковский Ф.Л., 16; 126
Черный А., 66; 75
Чистов К.В., 124

Ш

Шафарик П.Й., 8; 9; 11; 13; 15; 66;
76
Шахматов А.А., 82; 84; 85; 91; 108
Шевченко К.В., 4; 125-127
Шевырев С.П., 23
Шейман Л.А., 7; 109
Шишков А.С., 5; 58
Шолта Б.П., 61
Штур Л., 27; 40; 49; 76

Щ

Щерба Л.В., 78-82; 91; 107

Ю

Юрченкова Л.В., 59

Я

Ягич В., 85
Язикова С.С., 4
Якубица М., 58, 111; 115; 116

Содержание

Предисловие.....	3
Василий Федорович Тимковский	5
Измаил Иванович Срезневский	7
Осип Максимович Бодянский	14
Петр Иванович Прейс	18
Виктор Иванович Григорович	21
Михаил Петрович Погодин	23
Петр Павлович Дубровский	25
Евгений Петрович Новиков	28
Александр Федорович Гильфердинг	30
Иван Сергеевич Аксаков	35
Владимир Иванович Ламанский	38
Нил Александрович Попов	41
Александр Александрович Котляревский	44
Антон Семенович Будилович	47
Иван Саввич Пальмов	50
Александр Николаевич Пыпин	53
Александр Александрович Кочубинский	57
Константин Яковлевич Грот	59
Евгений Вячеславович Петухов	63
Владимир Андреевич Францев	65
Роман Федорович Брандт	71
Тимофей Дмитриевич Флоринский	73
Лев Владимирович Щерба	78
Василий Николаевич Кораблев	83
Афанасий Матвеевич Селищев	86
Самуил Борисович Бернштейн	89
Михаил Иванович Семиряга	92
Марк Алексеевич Михайлов	94
Людмила Эдуардовна Калнынь	97
Людмила Павловна Лаптева	101
Майя Ивановна Ермакова	110
Александр Александрович Гугнин	118
Сергей Сергеевич Скорвид	121
Снежана Эдуардовна Бокариус	123
Кирилл Владимирович Шевченко	125
Указатель имен.....	128

Справочники
Научного центра славяно-германских исследований. 1:

Л. П. Лаптева
Российская сорабистика XIX-XX веков
в очерках жизни и творчества ее представителей.
Справочник. Москва, 1997. 132 с.

Оригинал-макет – *М. И. Леньшина*

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

